

Дмитрий Емец Лестница в Эдем

Мефодий Буслаев – 10

Аннотация

Мефодий Буслаев больше не служит мраку. И теперь Лигул вправе передать его меч другому. Он нашел клинку Древнира нового хозяина. Это щеголь и красавчик из Тартара Гонзий Руриус Третий. Но Меф не желает расставаться с мечом. Есть ли способ его сохранить? Ареля уверен, что есть. Сразиться на дуэли с Гонзием. По слухам тот – четвертый клинок мрака. У Мефа всего месяц на подготовку. Но Буслаев еще не знает, какую ловушку готовят ему Лигул и Гонзий. Ведь бывший меч Древнира – артефакт переменной силы. Бывают дни, когда силы меча иссякают. В момент дуэли сил в клинке Мефа будет меньше, чем в любой музейной железке!..

Дмитрий Емец Мефодий буслаев Лестница в Эдем

Свет одаривает по внутреннему смирению, по мудрости, терпению, по способности к самопожертвованию. Он не приходит как тать в ночи и не крадет. Он не покупает себе союзников за должности и услуги. Он дает человеку ровно столько, сколько ему действительно нужно, и горе, если человеку кажется, что ему нужно больше.

Если бы свет вошел в соперничество с мраком, задабривая, лукавя, обещая, перекупая, разбрасывая деньги, он играл бы чужими картами. Он перечеркнул бы сам себя. Почти всякий ребенок знает,

куда на самом деле ведет незнакомый дядя, обещающий подарить гоночную машину. Но вот взрослые об этом почему-то забывают.

Троил. «Как выжить златокрылому в человеческом мире»

Глава 1 «1очка»

То, что ты прекратил бороться с мраком, не означает, что мрак перестал бороться с тобой.

То, что ты перестал верить в свет, не означает, что свет перестал верить в тебя.

Троил

Таамаг взяла грецкий орех и с треском раздавила между большим и указательным пальцами.

– Ну наконец-то хоть один не гнилой! Вернуться бы и набить морду продавцу! Знал же, собака, но ни гугу, – сказала она мечтательно.

– Думаешь, продавец сам решает, чем ему торговать? Его хозяин ставит, – миролюбиво заметила Хаара.

Таамаг решила проблему просто.

– Ну так за чем дело стало? И хозяину! А если хозяин отмажется, что покупал их на базе, то не поленишься и сходить туда. Если не бить морду всем по цепочке, виноватых вообще не окажется, потому что среди людей крайних нет по определению. Каждого кто-то заставил. Один он святой, только нимб дома забыл.

– С таким подходом через три часа окажется, что ты должна с пулеметом ходить по улицам и отстреливать всех подряд, – усомнилась Хаара.

– Настоящая валькирия не ищет легких путей! – с чувством сказала Таамаг, протягивая руку за новым орехом.

Хрусь !

Заинтересовавшись возможностью давить орехи пальцами, любопытный оруженосец Бэтлы попытался повторить тот же фокус, но, с минуту попыхтев, сделал вид, что ему больше нравится разглядывать скорлупу.

– Дохляк! Настоящий мужчина должен рвать железо зубами! – презрительно уронила Таамаг.

– А почему железо-то? – обиженно спросил оруженосец.

– Для гемоглобина, – предположила Хола, помешанная на правильном питании.

Таамаг презрительно посмотрела на нее. Она считала за людей тех, кого могла убить одним ударом кулака.

– Что ты знаешь о жизни, красотка? Папочка и мамочка сдували с тебя пылинки и вызывали реанимобиль, если йогурт, который ты выпила, оказывался просроченным на десять минут. А меня в детстве сестры приматывали веревкой к креслу. Эти конченые истерички считали меня психопаткой! МЕНЯ!

Хола умильно подняла брови, незаметно толкая Хаару ногой.

– Ай-ай, как нехорошо! И ты рвала веревку? – спросила она ласковым голосом.

Честная Таамаг терпеть не могла обманывать.

– Нет. Я плакала и пыталась до них хотя бы доплюнуть. А эти дуры отпрыгивали и тыкали в меня шваброй. Но тогда я была еще маленькая. Они уважали меня, только когда я в первый раз оторвала кухонную дверь. Или, возможно, что-то было еще до этого. Не помню, – сказала она.

Хаара дрогнула покрашенным ртом. Женщина взрослая, сложная, умная, привыкшая выискивать во всяком сказанном слове второе, третье, четвертое дно, она никак не могла осознать честной простоты. Сама возможность простоты и правды казалась ей подозрительной и нелогичной. С какой целью люди говорят правду, если ничего от этого не

выигрывают и только выставляют себя на посмешище? Таамаг же озадачивала ее непрерывно. Всякий раз Хаара машинально начинала искать в ее словах потаенный смысл и, не находя его, царапала нос о голую истину.

– Прекрасная погода! – сказала Хола, мудро решив, что пора срочно сменить тему.

– Чудесная! – согласилась Хаара, мгновенно усматривая требуемый подтекст и успокаиваясь на этом.

– Угум. Лучше не бывает! – сипло произнесла Радулга, терзая острыми ногтями хлеб и катая хлебные шарики. Так как убивать было пока некого, валькирия ужасающего копья пребывала в глубокой меланхолии.

– О да! Высокая, мужественная погода! Сейчас редко такую встретишь! Подумать только, что некоторые ее совершенно не ценят! Лишь болтают вечно по телефону! – согласилась томная Ламина, не сводя глаз с глуповатого и самодовольного оруженосца Ильги.

Она уже десять минут кокетничала с ним и радовалась, что доводит Ильгу до белого каления.

Бэтла, тоже желая порадоваться погоде, подошла к окну и выглянула наружу. Фулона, в квартире которой все они сейчас находились, жила на первом этаже. Через декоративную решетку видно было, как по Волоколамке в жирной дымке непрерывного дождя медленно бредет унылое автомобильное стадо. Конец октября вполне тянул на ноябрь. Казалось, промозглая сырость пробирается даже в комнату.

– Я бы предпочла все же, чтобы погода была чуть-чуть менее хорошей, – жалобно сказала Бэтла.

Лысоватый немолодой оруженосец Фулоны прислушался к чему-то происходящему в коридоре и, перестав пощипывать струны гитары, открыл дверь. В комнату вошла Фулона и сразу за ней Гелата. В розовом фартуке с попугаями, с прихваткой на правой руке, с пышущей жаром шарлоткой на железном противне, валькирия золотого копья выглядела совсем по-домашнему. Да и Гелата, несшая широкую хрустальную вазу с салатом, вид имела мирный и безобидный.

Бэтла и ее оруженосец одновременно занервничали. Синхронные в мыслях и чувствах, оба прикинули, что одной шарлотки и одного салата на всех валькирий и оруженосцев явно маловато. Пламя волчьего аппетита этим не погасить. Как бы хорошо Фулона ни готовила, она не так часто принимает гостей, чтобы представлять, сколько может съесть такая толпа.

– Я сбегая в магазинчик, а? Сыра там, колбаски! – нетерпеливо предложил оруженосец.

– Только не докторской, а лучше какой-нибудь телячьей, – капризно сказала Бэтла.

– Почему?

– Да мне вот иногда в голову приходит, что докторская колбаса делается из врачей и вообще в широком смысле из медиков, а это чуток на психику давит. С телячьей там хотя бы понятнее.

– Сообразим! – кивнул оруженосец и, не дожидаясь согласия, исчез.

Обиженный крик Фулоны: «Стой! Будет еще горячая картошка!» пришелся уже в пустоту.

– Сколько раз я тебя просила: поменяй его! Как ты можешь терпеть этого обжору? – с укором обратилась Фулона к Бэтле.

Бэтла спокойно выдержала ее взгляд.

– Меня радует, что он сам меня терпит, – смиренно сказала она.

Фулона не нашлась что ответить. Некоторое время она с беспокойством смотрела на Бэтлу, а потом вздохнула, покачала головой и стала резать шарлотку.

Ламина продолжала строить глазки оруженосцу Ильги, который, не зная, как ему к этому относиться, нервно поглядывал на хозяйку. Было заметно, что он мало-помалу начинает увлекаться. На щеках его нет-нет да вспыхивал самодовольный румянец.

Ильга прекрасно понимала, что скучающей Ламине ее оруженосец нужен не больше,

чем водолазу валенки, и что она просто забавляется, дразня ее, Ильгу и подталкивая к скандалу. В рейтинговых женских боях без правил тот проиграл, кто первым не сумел скрыть недоброжелательства.

Но одно дело понимать, а совсем другое – поступать согласно своему знанию. Очень скоро измученная ревностью Ильга устала делать вид, что ничего не замечает, и решительно встала между стулом своего оруженосца и Ламиной.

– Милая! Подвинься! Ты мне загораживаешь солнышко в окошке! – капризно вытянув губы трубочкой, попросила Ламина.

Простодушная Бэтла снова посмотрела в окно, за которым постепенно сгущались ранние сизые сумерки. С ее точки зрения, маразм уже не просто крепчал, но и пускал побеги.

– Слушайте: я так больше не могу. Все ждем и ждем! Одиночки еще нет? – нервно спросила Ильга.

На Ламине сорваться она опасалась и решила, что удобнее будет обвинить во всем задерживающуюся Ирку.

– Вечно эта одиночка опаздывает! – поддержала подругу Хола.

– Ничего она не опаздывает. Мы договорились около шести, а сейчас только пять минут седьмого, – вступилась за Ирку верная Бэтла.

– Готова допустить, что имело место именно выражение «около шести»! – холодно признала Хола. – Но «около» было сказано из вежливости, чтобы дать одиночке возможность сохранить лицо. Умный человек понял бы это в правильном русле и появился бы не раньше чем в 17.59, но не позже чем в 18.01. Причем пришел бы неформально одетый, потому что слово «около» предполагает известную неформальность.

– Ты эти офисные штучки брось! Нас, подмосковных, от этого тошнит! – с хохотом крикнула Гелата и бросила в Холу оливкой из салата. И, разумеется, не промахнулась. Валькирии редко промахиваются.

Хола с ужасом уставилась на свою светлую блузку.

– Гелата! Ты больная на всю голову! – произнесла она терпеливо-страдальческим голосом человека, вынужденного объяснять гостям, что в шторы не сморкаются, а в туалете есть такая волшебная кнопка, от которой срабатывает водопадик.

– Да чего такого? Всего лишь оливка!

– Да! Но на ней майонез!!! А это чистый шелк!

Гелата развела руками.

– Ну извини-подвинься! Был чистый шелк, стал грязный шелк! Не будь занудой, и я ничем в тебя швырять не буду!

Внезапно Бэтла радостно вскрикнула и, роняя горшки с цикламенами, забарабанила в стекло.

– А вот и она! Мы тут! Ау! – заорала она во всю мощь легких.

Несколько валькирий кинулись к окну.

– О, вот и одиночка! – сказала выглянувшая в окно Хаара.

Вдоль шоссе шла Ирка. За ней, под мороком пятилетнего ребенка, тащился кривоногий Антигон, с большим удовольствием наступавший лапами во все лужи. По тому, как Ирка рассеянно вглядывалась в номера домов, заметно было, что Бэтлы она пока не замечает. Бэтла с воплем полезла с ногами на подоконник, но оруженосец Фулоны ее торопливо стащил. Под весом Бэтлы пластиковый подоконник легко мог обломиться.

– Ну смотри, Хола! Она одета неформально, как ты хотела! – насмешливо сказала Радулга.

– Неформально – это когда лишняя пуговица расстегнута или заколка в волосах, скажем, не темная, а какая-нибудь с перламутровым глазком. А тут налицо явные джинсы и куртяшка с капюшоном в стиле «купи три пары колготок – куртка бесплатно»! – фыркнула Хола.

– Хола! Мне кажется, тебе было бы полезно почаще переводить внешний диалог во внутренний монолог! Мироздание замусоривалось бы меньше! – негромко сказала Фулона.

В ее голосе слышались стальные нотки тренера женской баскетбольной команды. Офисная красотка моментально присмирела.

Ирка наконец заметила в окне Бэтлу, и на ее лице появилось пугливо-радостное выражение. Она тоже замахала Бэтле, метнулась в одну сторону, в другую и помчалась обегать дом.

– Ну все! Теперь если подъезд не перепутает, скоро будет, – удовлетворенно произнесла Гелата.

– А что у одиночки было в руках? Она ведь что-то несла! Что-то такое длинное! – внезапно сказала Хаара.

Валькирии стали вспоминать. Варианты были озвучены самые разные – от удочки до складного байдарочного весла.

– Футляр с бильярдным кием, – со знанием дела пояснил оруженосец Ильги, у которого оказался самый наметанный глаз.

– Ну разве не гений? И где таких эрудированных находят? Не в капусте, нет? – на ухо Ильге прокудахтала подкраившаяся Ламина.

Ильга передернулась и боком, как краб, поспешила отбежать от нее.

– Зачем одиночке бильярдный кий? – удивилась Хаара.

– Там не кий, – уверенно произнесла валькирия золотого копья и отправилась открывать.

Лицо у нее при этом было очень суровым.

Нежелая, чтобы другие валькирии толпились у нее за спиной, Фулона вышла на площадку, строго оглянулась и, прикрыв за собой дверь, прислонилась к ней спиной. Ей пришлось ждать минуты три, пока запыхавшаяся Ирка наконец оказалась рядом.

– Чего так долго? – спросила Фулона.

– Ой, простите! Я выход из метро перепутала! Вы объясняли «первый вагон – направо», а там вместо нормального «направо» сразу два «направо», и оба какие-то совсем левые, – сказала Ирка сбивчиво.

– А чтобы дом обойти, тоже повороты считать надо?

– Там это... замок кодовый... Я жму «вызов», а он пищит. Хорошо, дедок какой-то подвернулся.

Фулона вздохнула. Она уже привыкла к тому, что с валькирией-одиночкой вечно все не так.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать? – поинтересовалась она, зорко глядя на Ирку.

Та виновато покосилась на футляр с бильярдным кием.

– Оно не исчезает, – пожаловалась Ирка.

Глаза Фулоны вспыхнули в паутине мелких, прежде незаметных морщинок.

– *Как не исчезает?* – переспросила она тихо.

Ирка ощутила себя человеком, который ступил на зыбучий песок.

– Да так вот. Не исчезает, и всё.

– Но действует?

– Да. Силы оно не утратило и меткости тоже. Я проверяла на самых дальних целях. Поражает их и возвращается... Но при этом почему-то не исчезает.

Фулона покачала головой.

– Почему ты мне сразу не сказала?

Ирка смутилась.

– Не знаю. Боялась, наверное. Думала, может, все как-нибудь само собой устроится.

– Само собой никогда ничего не устраивается! Особенно в *таких* вещах! Ты когда-нибудь станешь серьезнее?

Ирка торопливо уцепилась за это «когда-нибудь» и пообещала, что если когда-нибудь, то обязательно станет. Фулона некоторое время молчала, о чем-то размышляя, после чего решительно дернула подбородком, точно перечеркивала внутренние колебания.

– Хорошо. Это мы обсудим позднее. Пока же я хотела поговорить вот о чем... – начала она, но, не договорив, сердито обернулась. Дверь, ударившая ее сзади, распахнулась, и на площадку выкатилась круглая раскрасневшаяся Бэтла.

– Меня сзади толкнули! Я не подслушивала!.. Честно-честно! О, привет! – крикнула она, кидаясь обнимать Ирку.

Та и глазом моргнуть не успела, а Бэтла уже насильно проволокла ее в коридор, стащила с нее мокрую куртку и усадила за стол между собой и Хаарой. Антигон важно прошлепал под ногами у оруженосцев и тоже оказался в комнате, где ему мгновенно оттоптали лапы.

– Умные хорошие люди! Чтобы вам всем было много здоровья и счастья и вы бы никогда не сдохли! – сердито ойкнул кикимор и забился под диван.

– Ничего не поделаешь! После поговорим! – улыбнулась Фулона, поймав вопросительный взгляд Ирки.

Ужин прошел шумно. Ирка давно уже уяснила, что, когда валькирии собираются вместе, тишина так же невозможна, как мирное сосуществование пороха и зажженной свечи.

Гелата бросалась оливками и огурцами из салата, а когда весь салат съели, пригорюнилась и стала петь русские народные песни. Хола уронила сотовый телефон. Отлетевший аккумулятор куда-то откатился. Его долго искали, после чего обнаружилось, что его из вредности и в надежде на трепку съел Антигон.

Радулга от нечего делать поссорилась с прохожим, собака которого на улице слишком громко лаяла, и хотела его убить, но ее успокоили, вручили ей блюдо с шарлоткой и усадили к телевизору смотреть юмористическое шоу. Ни разу не улыбнувшись, Радулга терпеливо посмотрела все шоу, после чего пообещала, что обязательно убьет ее ведущего.

Ламина довела-таки Ильгу до белого каления и заставила ее вспылить, после чего мгновенно утратила интерес к оруженосцу, заявив, что надутые дураки интересуют ее сугубо в психиатрических целях.

Всё это было забавно, и Ирка получила бы от гостей кучу приятных впечатлений, но так случилось, что за ужином рядом с Иркой сидела Хаара, на коленях у которой лежала салфетка. Как только Ирка брала со скатерти чашку или роняла на стол несколько крошек, Хаара мгновенно хватала салфетку и с необычайной энергией терла это место.

К концу ужина Ирка стала совсем дерганой. Она сидела, положив руки на колени, боялась к чему-либо прикасаться и ощущала себя большим вредоносным микробом.

Наконец валькирия золотого копья встала, вышла в коридор и пальцем поманила за собой Ирку. Ирка оказалась на большой уютной кухне. Если не считать грязной посуды, загромождавшей мойку, все в кухне содержалось в угнетающей аккуратности и имело четкий отпечаток раз и навсегда продуманной системы. Ирка прикинула, что, если такая же аккуратность царит и в мыслях Фулоны, ничего удивительного, что именно она стала валькирией золотого копья.

На стене Ирка заметила пробковую доску. На прищипленном к ней листе бумаги маркером было крупно написано «**Ючка**».

– Это я себе напоминаю: не забыть связаться с одиночкой. Я часто так сокращаю: по2л, ма3ца, о5... – пояснила Фулона, заметив, куда Ирка смотрит.

– Я тоже так в детстве развлекалась. Кто-нибудь меня разозлит, я сижу и мрачно рисую шагающих человечков со стрелочками, – кивнула Ирка.

– Почему со стрелочками? – заинтересовалась Фулона.

– Ну как? Он же шагает. Это «иди». А стрелочка – это «от». Вот и получается «идиот». Валькирия золотого копья кивнула.

– Ну а теперь то, ради чего я тебя звала. Ты едешь в Питер. На Васильевском острове отыщешь Большой проспект.

– А я его найду?

Фулона усмехнулась.

– Не сомневайся! Найдешь даже ты, потому что он действительно большой. Вот адрес.

А вот ключ от питерской резиденции валькирий. Не удивляйся, когда ее увидишь. Это всего лишь комната в коммунальной квартире с соседями.

Ирка удивленно вскинула глаза.

– Да-да, – с вызовом подтвердила Фулона. – Ты не ослышалась! Не то чтобы у света было плохо с бюджетом, но если для кого-то важен только бюджет, он свету не служит. Так что скромными условиями мы сразу отсекаем чужеродный контингент... Понимаешь?

– Приблизительно.

– А надо, чтобы не приблизительно! Ну хорошо! Ты морально готова к поездке?

Валькирия золотого копья быстро взглянула на Ирку, как видно, ожидая вопроса: а зачем вообще ехать в Питер? У Ирки хватало ума молчать. Она уже поняла правила. Когда солдату приказывают: «В атаку!» – он не спрашивает: «Зачем? А оно мне надо?» Если за это и погладят по головке, то только наждачной бумагой. Все, что она должна знать, ей и так скажут. Если же чего-то знать не должна, задай вопрос хоть сто раз – услышишь лишь тишину.

В кухню заглянул здоровенный оруженосец Таамаг и, как теленок, застыл на пороге, всунув в дверь широченное щекастое лицо.

– Вы что-то здесь забыли, молодой человек? – нетерпеливо обратилась к нему Фулона.

– Я ванную ищу.

– Вынуждена вас огорчить: пока вы ее не нашли.

Голова озадачилась и заморгала. Заметно было, что соображает она не слишком быстро.

– Чего??

Фулона вышла из себя.

– ТОГО! Попытайтесь поискать севернее. В случае успеха о результатах поиска нам сообщать не надо. Бурного восторга тоже выражать не надо! Рапорт подадите непосредственному начальству, – отрезала валькирия золотого копья.

Оруженосец наконец сообразил, чего от него хотят, и, сутулясь, удалился. Громадная виноватая спина занимала всю ширину коридора. Ирке стало его жалко.

– Жестоко вы с ним! По-моему, он огорчился.

– Это я огорчилась! Не найти в двухкомнатной квартире ванной – это уже не анекдот. Это патология. Загадка для меня эти оруженосцы! И как они только отыскиваются? Откуда берутся? Каждый точно клонированная копия хозяйки. Если не внешне, то в плане мозгов точно, – глядя ему вслед, негромко сказала Фулона.

«Значит, моя клонированная копия – Антигон», – без воодушевления констатировала Ирка.

– Теперь по поводу поездки! Запоминай главное. Недалеко от твоего дома будет порт. Ты увидишь забор и краны. Если стоять лицом к порту, по левую руку окажется бензоколонка. Напротив бензоколонки небольшая площадка. Несколько скамеек, детская горка, турник... Ты будешь вести за площадкой наблюдение. Обо всем необычном сразу сообщай мне. Самой вмешиваться ни во что не надо. Разве что в самом крайнем случае. Вопросы есть?

– Есть.

– Валяй!

– За чем именно я должна наблюдать?

Как Ирка уже заметила, терпение не было самой сильной стороной Фулоны.

– Я же сказала: за площадкой! Это разве не ясно? – повторила она не без досады.

– Ясно. Но что на этой площадке меня должно волновать? Чтобы дачники скамейки не утащили?

Фулона молчала довольно долго. Заметно было, что она колеблется.

– Просто наблюдай, и все, – сказала она наконец.

– Секрет?

– Не то чтобы секрет. Просто тут все сложно. Если тебе дано увидеть – ты увидишь.

Возможно, сразу. Возможно, не сразу. Если нет – значит, само знание об этом пока преждевременно. Понятно?

Ирка подтвердила, что понятнее не бывает.

– Когда надо ехать? Завтра? Послезавтра? – спросила она.

– Не угадала. Сегодня.

Ирка с сомнением посмотрела на часы. Стрелка подползала к восьми.

– А я еще успеваю?

– Замечательно успеваешь. Большинство поездов идет в Питер после двадцати трех ноль-ноль. У тебя достаточно времени, чтобы собраться. Телепортации я запрещаю. Это не тот случай, когда нужно привлекать внимание. Еще вопросы?

– Деньги на билеты, – сказала Ирка.

– Билет тебе уже куплен. А командировочные вот.

Фулона открыла крайний кухонный шкафчик, оказавшийся сейфом, и вручила ей зеленую керамическую кошку-копилку. Ирка встряхнула ее. Копилка была полной примерно на треть. М-да, не густо. Автомобиля не купишь, на Багамы не съездишь.

– Распишись вот тут... Умница, хоть почерк аккуратный! Копилка вручается тебе на ответственное хранение. Все истраченные монеты возвращаются обратно не позже чем через сутки. Ни в чем себе не отказывай! Хочешь хлеба – купи хлеба. Хочешь минеральной воды – купи минеральной воды, – с ободряющей улыбкой сказала Фулона.

Провожая Ирку, валькирия золотого копья вышла на площадку, шуганув двух слонявшихся без дела оруженосцев.

– В комнату не заходи, а то застрянешь и не успеешь на вокзал, – напутствовала она Ирку.

– А попрощаться?

– Я сама за тебя прощаюсь. Стой! Ты кое-что забыла!

Ирка обернулась и взяла футляр. Фулона разжала пальцы не сразу. Несколько секунд они держали копьё вместе.

– Помни: *что* у тебя! И всегда внутренне спрашивай себя: достойна ли ты его, – негромко сказала Фулона и выпустила древко.

В бильярдном футляре, раздобытом не так давно Антигоном, копьё казалось Ирке тяжелым и неудобным. Оно застревало в тесной каменной глотке подъезда и царапало штукатурку. В другой руке сиротски громыхала копилка. У Ирки, разумеется, не было даже пакета, а в карман она не пролезала. Очередное проявление непригодности. Быт кусал ее как голодный пес.

Ирка была уже у почтовых ящиков, когда ее догнал голос Фулоны:

– погоди! Не напомнишь мне четвертый пункт кодекса валькирий?

Ирка обернулась. Фулона уже вошла в квартиру и собиралась закрыть за собой дверь.

– Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви, – процитировала Ирка.

– Слово в слово! Как тут не позавидуешь молодой памяти? – одобительно сказала Фулона.

Дверь хлопнула, а Ирка все продолжала смотреть на нее, раз за разом проигрывая вопрос Фулоны и свой ответ.

Может, копьё оттого и не желало исчезать, что у нее была слишком хорошая, слишком цепкая память и ей никак не удавалось обмануть ее?

* * *

Ирка шла и размышляла, зачем валькирии послали ее в Питер следить за площадкой с турниками. Нечего сказать: ответственная работенка! Чего, интересно, они опасаются? Что стражи мрака попиливают в городе все турники и молодое поколение питерцев вымрет от ожирения и дистрофии?

Подробнее о задании она пока не задумывалась. Вначале надо до места добраться, а там видно будет. В данный момент Ирку больше волновало, что происходит с ее копьем. Почему оно упорно отказывается исчезать?

– Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви, – вслух повторила Ирка.

Это не совет даже, не пожелание, а обязанность, долг. Люби сама, верно, спокойно, без метаний, люби всех без исключения, но при этом не требуй, чтобы любили тебя, – чего уж может быть яснее и проще? Следует ли она сама этому правилу? Нет. А если нет, то почему удивляется, что копьё периодически перестает слушаться и теперь, точно вечное напоминание о долге, постоянно пребывает у нее в руках? Потому и в руках, чтобы помнила и не забывалась.

Другой проблемой Ирки, как она сама осознавала, было то, что Ирка путала любовь к людям как таковую (какая и требовалась) с любовью конфетно-страстной, вычитанной из романов, которые она потребляла некогда, как наркоман одноразовые шприцы.

В настоящий момент Ирка не склонна была выбирать между двумя МБ, один из которых, Багров, постепенно становился все ближе, а другой, Буслаев, держал дистанцию и оттого сохранял ореол недостижимости. Как кукла, которую девочка видит в витрине и пускает слюни. Но купи ей эту куклу, и через пятнадцать минут она отшвырнет ее, обезглавленную и с оторванными ногами, в сторону, досадуя, что у нее отняли мечту.

«Есть такая интересная штукавина – психологическая вовлеченность. Уронил на улице пятьдесят копеек и все ищешь-ищешь. Просто интересно, куда монетка закатилась. А что у тебя в этот момент сто рублей из заднего кармана джинсов свистнут, не суть важно. Тут-то психологической вовлеченности нету», – подумала Ирка мельком, решив додумать эту мысль позднее, когда у нее будет соответствующее настроение.

В каждый момент жизни человек должен жить внатяг, с ощущением сюрприза. С эдакой сокрытой от мира шоколадкой во внутреннем кармане, с ожиданием праздника в душе. Дышать мечтой и жаждой перемен. Зажравшийся человек – человек перечеркнутый.

Ирка и не заметила, как оказалась у метро. Мелкий дождь устал уже моросить, и вся сырость перешла в воздух. В плоских лужах плавали фонари. Торговцы хлопучками, пакетами и бельевыми прищепками дули на замерзшие пальцы. Небо было усеяно кучками щемяще-грустных звезд, между которыми рогами кверху плавала узкая ладья луны. Ирка, долго сидевшая сегодня перед компьютером, близоруко перепутала луну с провисшей рекламной гирляндой.

Внезапно Ирка вспомнила об Антигоне, которого забыла у Фулоны. Спohватившись, она обернулась, готовая вернуться, и увидела, что кикимор вперевалку бежит к ней. Его грушевидный нос был свернут набок, бакенбарды примяты, зато физиономия так и лучилась довольством. Оказалось, что валькирии для скорости просунули Антигона через решетку, причем просовывать доверили Таамаг, которая и проделала это со всей богатырской ответственностью.

– А-а, подождали меня! Чтоб вам в люк без крышки не провалиться и шейку не свернуть, милая хозяйка! – завопил кикимор.

– Говори что хочешь! Все равно не пну! – сказала Ирка.

Она давно опытным путем убедилась, что эта фраза успокаивает Антигона быстрее прочих. Вот и сейчас кикимор попыхтел немного и покорно зашлепал по мокрому асфальту.

Они были уже на эскалаторе, который Антигон недолюбливал из-за возможности застрять лапами, когда Ирка повернулась к кикимору и серьезно спросила:

– Слушай, Антигон... вот что меня смущает... ведь, в общем-то, если разобраться, я не сильно хуже остальных валькирий. Почти каждую можно в чем-то упрекнуть. Почему же именно меня перестает слушаться копьё? И на моих силах сказывается всякое мелкое нарушение кодекса, всякая внутренняя слабость? Что я, рыжая?

Антигон серьезно посмотрел на нее.

– Они, хозяйка, плывут на одном корабле, сообща, и силы у них общие. Вы же, хозяйка,

одиночка и плывете на утлом челноке своего одиночества. Ничего удивительного, что им проще. Понимаете?

Ирка мотнула челкой.

– Не особо.

– Да, хозяйка, они не идеальны. У каждой свои недостатки, но все вместе они единое целое. Одна падает, а другие ее подхватывают, хотя, может, и не догадываются, что подхватывают. Когда корабль большой, можно его даже пораскачивать немного – он выдержит. А челнок раскачивать нельзя, и за борт падать нельзя – некому будет вытащить. Ну разве только старине Антигону!

Кикимор самодовольно разгладил бакенбарды и тотчас подпрыгнул, спасая перепончатые ласты от прожорливых зубцов эскалатора.

– Так, может, я и не свет вовсе? Можно ли служить свету, если не ощущаешь себя светом? – обреченно спросила Ирка.

Антигон пугливо замотал всклокоченной башкой.

– Даже и в голову не берите эту глупость, хозяйка! Сплюньте и язык железной мочалкой потрите! А кому еще служить? Я-то не очень в этом смысле, но маманя моя любила повторять: «Пускай скрипучее колесо, кривое – главное, что в нужную сторону едет!» – сказал он.

Ненадолго заскочив в «Приют валькирий», Ирка наскоро побросала в рюкзак вещи и устремилась на вокзал.

Глава 2 Письмо от Троила

Ты стоишь тем меньше, чем дороже тебе хочется казаться.
«Книга Света»

Евгеша Мошкин нежно погладил кастет. В шумное общежитие озеленителей он отправлялся теперь не иначе чем с подобной страховкой.

– Пушкина уважаешь? – спросил Мошкин.

– А если скажу «не уважаю», тогда что? Локтем с разворота в голову, а потом захват за шею и добив коленом? – лениво поинтересовался Меф.

Две минуты назад он закончил стоять на кулаках и теперь валялся на диване, вкушая расслабляющую радость безделья.

Заметив в глазах Евгеша скорбное недоумение, Меф перестал придуливаться.

– Ну уважаю... Мысль-то какая?

– Помнишь, в царе Салтане есть «ткачиха с поварихой с сватьей бабой Бабарихой»?

– Это которые вредят?

– Да. Я вот все время пытаюсь понять. Ткачиха с поварихой понятно, почему завидуют. А сватья баба зачем лезет? Ей-то какая выгода?

Меф закинул босые ноги на спинку дивана и с удовольствием пошевелил пальцами.

– Так жизнь устроена. Кому меньше всех надо, тот больше всех и суется, – предположил он.

Мошкин кивнул, показывая, что принял версию к сведению. Пряча кастет в карман, он выронил кнопочный нож и наклонился, чтобы поднять. Однако нож уже был в руке у Мефа, мгновенно скатившегося с дивана. Что ни говори, а реакция у него была, как у мангуста.

Выщелкнув лезвие, Меф придиричиво осмотрел его. Сталь, конечно, скверненькая, но заточено на славу. Сразу видно: школа Арея. В памяти Мефа ясно прозвучал его твердый голос: «Заводишь цацки – следи за ними».

– Знаешь, я только сейчас от этого освобождаюсь, – сказал Меф задумчиво.

– От чего «от этого»? – не понял Евгеша.

– Ну от постоянного внутреннего напряжения. Раньше, когда мы с Ареем

тренировались по восемь часов в сутки, я был как зомби. Встречаешь, например, одноклассника бывшего, болтаешь с ним, а мозги уже просчитывают: ногой в печень, чтоб хоть немного дернулся и масса тела вперед сместилась. Тогда уже уйти из-под удара не успеет, если мечом рубануть по диагонали...

– Зачем рубануть?

Меф закрыл кнопочный нож и вернул Мошкину.

– Да низачем. Просто теоретически, понимаешь? Мне кассирша в магазине сдачу протягивает, а я прикидываю, как ей запястье сломать. Или Эдька, к примеру, расщедрится, руку в карман сунет денег дать, а я соображаю: если бы он, скажем, за пистолетом полез, можно его руку через карман к бедру ножом выкидным прибить или нельзя?

– А со стороны ты вроде почти нормальный был, – испуганно произнес Евгеша.

– Угу, – согласился Меф. – Со стороны. Главное, что теперь я от этого освобождаюсь. У меня сейчас новый принцип: «Не делай другим того, чего не хочешь себе. Даже не мысли об этом, и ничего не случится».

Мошкин понимающе улыбнулся.

– Даф? – спросил он.

– Даф, – признал Меф.

– То-то я вижу, что светлая пропаганда!

– Какая уж тут пропаганда! Тебе говорят: не пей из унитаза и не станешь козленком! А ты отвечаешь: «Отвали, пропагандист! Откуда хочу – оттуда пью!» Ну и пей себе, если неймется...

– Все равно не понимаю эту философию про «не хочешь – не делай»! – заупрямился Мошкин.

– А тут и философии никакой нет. Одна сплошная практика. Ты должен перестать относиться к людям со страхом, и неприятностей у тебя сразу станет раза в два меньше.

– Я не виноват, что все на меня кидаются. Ведь кидаются же, да? – привычно засомневался Мошкин.

– А почему кидаются? Ты напряжен. Понаблюдай, как ты подходишь к незнакомому парню где-нибудь на пустынной улице. Пальцы у тебя неосознанно сжаты в кулак. И внутренне ты закручен как пружина. Идут такие два буратинки друг на друга. Лица каменные, грудь колесом, мышца играет... Ну прямо сцена из ковбойского фильма! А разберешься, так один бабушке ключи заносит, а другого за стиральным порошком послали.

Слушая Буслаева, Мошкин несколько раз выщелкнул и убрал лезвие.

– Вообще-то логика есть, – признал он.

– Какая уж тут логика? Как мы смотрим на людей? Выборочно. Из всего человечества мы замечаем хорошеньких девушек, парней-ровесников и всяких опасных с виду человек крутого вида. Всего же остального для нас попросту не существует. Ни детей, ни стариков, ни нуждающихся в помощи. Выборочный такой, искусственный мирок. Точно тебя гонят по узкому темному коридору, а там, с другой стороны, ласково скалится съеденными зубками добренький дядя Лигул, – сказал Меф.

– Ну ты прямо как Даф правильный стал! – пробурчал Мошкин.

Как и все служащие русского отдела мрака, он терпеть не мог, когда ему напоминали о Лигуле. Слух о том, что мрак любит свое начальство, преувеличен. Пирамида мрака держится исключительно на страхе.

Меф покачал головой.

– Нет. Даф уникальна. Она в каждом человеке видит только хорошее, хотя бы его была всего капля. Даже если ей попадется пьяница с разбитым лицом, который сидит в луже и кроет всех трехэтажным матом, она не увидит всей этой грязи, а увидит, что у него несчастные добрые глаза. Не хило, а? Мне такому вовек не научиться.

Держа нож в руках, Евгеша подошел к дверям, приоткрыл их и прислушался, нет ли в коридоре буйных озеленителей. Все было тихо, и Мошкин заторопился.

– Ну все, я пошел! Так ты придешь сегодня в пять? Что передать Арею? – спросил он

нетерпеливо.

– А чего Арей от меня надо? – поинтересовался Меф, вспоминая, что в этом и была цель визита Евгеша.

– Понятия не имею. Он мне не докладывается. Да и работы сейчас завал – головы не поднимешь. Даже Тухломона припрягаем. Припрягаем ведь, да? – привычно засомневался Евгеша.

– Тебе виднее. А где Улита?

– Точно не знаю. В Питере, кажется.

– Чего она там делает? – удивился Меф.

– А я без понятия. Арей послал. Значит, в пять ты будешь? Не подведи, а то меня прикончат.

И Мошкин умчался.

* * *

Из отгороженной шкафом кухни выглянула Дафна, только что закончившая разучивать очередную атакующую маголодию. Дело у нее продвигалось туго. Даф многократно ловила себя на мысли, что в Эдеме освоила бы эту маголодию раз в семь быстрее. Легкие и эфирные, стражи света от жизни в человеческом мире тяжелели, привязывались к телам, обросли их привычками, и то, что прежде казалось естественным, как дыхание, становилось с каждым днем все более сложным.

Даже Эссиорх признавался, что был день, когда он, проснувшись утром, долго лежал, смотрел в потолок и болезненно пытался вспомнить: кто он – действительно хранитель или мотоциклист, которому приснился путаный и яркий сон?

– Евгеша заскакивал. Арей зовет меня сегодня вечером. Пойдешь со мной? – спросил Меф.

– Разумеется. Тебя одного в этот темный гадюшник я не отпущу. Кстати, хотела спросить. Ты опять трогал мою флейту? – строго спросила Дафна.

– Откуда ты знаешь?

– На ней следы яичницы. А кто еще, кроме бывшего темного стража, может играть на флейте, даже не вытерев губы? Ну и как? Вышла у тебя хоть одна магология?

– Нет.

– Это оттого, что ты стараешься играть пальцами и дыханием, как обычные флейтисты. Тут же так просто не отделаешься. Надо душу вкладывать, сердце, все светлые помыслы... Губы – это глубоко вторично, особенно если на них яичница, – пояснила Дафна.

Меф хмыкнул.

– Слушай, а почему Мошкин служит мраку? Он же вроде как светлый, – поинтересовался он.

– В том-то и беда, что вроде как. А того хуже, что он вялый. Иному доброму, но вялому дальше до света, чем какому-нибудь отрицательному, но цельному Чимоданову... К сожалению, так. Много думать о добре и одновременно не совершать добра хуже, чем не думать ни о чем вообще, тупо творя зло, – грустно ответила Даф.

– Ага. С Петруччо в этом смысле попроще. У него жизненная позиция лежачего камня.

– А какая позиция у камня? – не поняла Даф.

– Ну как какая? Каменная. Не делает совсем ничего, морду держит кирпичом и так мешается, что все его обходят, – сказал Меф.

Дафна кивнула. Она ухитрялась в одно и то же время слушать Мефа, следить за котом, убирать со стола и переселять на книжную полку валявшиеся на диване книги. «Моя семиделочка Юлия Цезаревна!» – порой дразнил ее Меф, потому что Дафна могла делать одновременно дел семь, из которых дел примерно пять делались качественно, остальные же шли вынужденным самотеком.

Даф распахнула форточку и, отловив за кожистое крыло, вытолкнула за окно

Депресняка, который как-то слишком задумчиво смотрел на стоявшие у двери ботинки Мефодия. Дафна очень хорошо знала все немногочисленные мысли своего кота и предпочитала не рисковать.

Депресняк некоторое время болтался на раме, а затем неохотно, делая всем и самому себе одолжение, прыгнул на газон. Выглядел газон неважно, и произрастали на нем только фантики и окурки. По туманной причине общежитие свое озеленители упорно не озеленяли. Видно, срабатывало старое правило, по которому сапожник остается без сапог, а озеленитель без травы.

– Я тебя предупреждала: не оставляй ничего на полу! – напомнила Дафна Мефу.

– Что мне, ботинки в морозилку, что ли, прятать? – огрызнулся тот.

– Если тебе так проще – прячь в морозилку. Все равно мы ею не пользуемся, – терпеливо согласилась Даф.

– Ботинки – те да. А вот меч в холодильник не поместится, – мрачно прикинул Меф.

– А что, он и его пометил?

– Пытался. Но со всей дури брошенная подушка летит примерно со скоростью двадцать километров в час, или шесть метров в секунду, – сказал Меф, имевший довольно четкое математическое мышление.

Мобильник Буслаева, лежащий на столе, дернулся и, съезжая по полировке от виброзвонка, заиграл егерский марш.

– Опять Ромасюсик, – сказала Дафна, взглянув на него.

Меф передернулся.

– Я не буду отвечать!

– Лучше ответь, а то опять отрезанные трубки будут трезвонить или голос из раковины забулькает, как позавчера! Ты же знаешь, какой он приставучий!

– Он приставучий, а я упрямый, – сказал Меф, решительно выключая мобильник.

– Чего так плохо? Разве ты не пойдешь к Прасковье? – не без коварства удивилась Даф.

– Да не хочу я туда ходить! Там ужасно мерзко! Прасковья сидит и глазами меня пожирает, а в углу торчит Ромасюсик и противно сосет леденец. С причмокиваниями, гадко так! Натуральный суккуб, только естественного происхождения! – кривясь, сказал Меф.

Даф отвернулась, пряча улыбку. Она видела, что ее система приносит результаты.

Не так давно Дафна сообразила, что запрещать Мефу принимать постоянные приглашения Прасковьи бессмысленнее, чем заливать костер бензином. Меф или пойдет из упрямства, потому что не выносит, когда кто-то им командует, или даже не пойдет, но тогда ему будет казаться, что он хотел пойти и просто сделал одолжение. Чтобы такая ситуация не возникала, Даф сработала на опережение. Она сама стала требовать, чтобы Меф почаще заглядывал к Прасковье.

Меф послушно сходил раза три, после чего взбунтовался и перестал отвечать на телефонные звонки. После этого по Москве дважды или трижды прокатывались стремительные ураганы, всякий раз случавшиеся почему-то после неудачных звонков Ромасюсика.

* * *

Дафна настояла, чтобы днем заглянуть к Эссиорху. Приглашение Арея ей активно не нравилось, и она не без оснований подозревала подвох.

– Мы можем верить Арею, – сказал Меф.

– Но не можем верить мраку! – отрезала Даф.

– Но Арей не мрак, – сгоряча заявил Мефодий и тотчас озадаченно притих, поняв, что ляпнул что-то не то. Если Арей не мрак, то кто ежедневно отправляет в Тартар тысячи и тысячи русских эйдосов, обрекая их на вечный плен?

– Странная штука! И Арей вроде благородный. И Евгеша неплохой. И Улита, и Чимоданов, и Ната тоже нормальные, в целом, люди. И я тоже мраку служил... А все вместе

мы губили больше народу, чем если бы работали в газовой камере, – сказал Меф.

Дафна перестала вытирать стол.

– В том-то все и дело. Абсолютное зло само вредить особенно и не может: оно связано светом. Все зло в мире осуществляется злом неабсолютным, серым, опосредованным. То есть жертвами первичного зла, которые несут его и другим тоже, одновременно убивая себя. Ну как сотрудники табачной фабрики или оружейного завода – вроде и не хотят никого убивать и сами по себе, может, люди хорошие, а все равно получается косвенно, что убивают. Можно, конечно, говорить, что они сами не заставляют людей курить или друг в друга палить и что, уйди они с работы, другие придут, – только это уже отмазка.

Эссиорх оказался дома. Активный байкерский сезон уже закончился, и художник в хранителе поневоле победил мотоциклиста.

– О, привет! – сказал Эссиорх, открывая дверь. – Вовремя вы пришли, а я тут через полчаса к Кареглазову собрался в мастерскую. Хочу, понимаете, так свою лень в пузо пнуть, чтобы она неделю не разогнулась.

– А дома нельзя ее пнуть?

– Можно-то можно. Но думаешь, главная проблема начинающего скульптора в одном только поиске внутренней идентичности? Главная проблема – то же «неохота» и то, что раковину на кухне вечно забивает глиной и скульптурным пластилином.

Мефодий неосторожно плюхнулся в кресло и взвыл. Под валявшейся на кресле газетой, которую Буслаев поленился убрать, обнаружилась приборная панель от мотоцикла.

– Инструкция № 403 для стражей, десантирующихся в человеческий мир: «Прежде чем куда-то сесть или на что-то наступить, тщательно все проверь, каким бы мягким или крепким оно ни выглядело», – по памяти озвучил Эссиорх.

Дафна посмотрела на открытый шкаф Корнелия. На дверце болталось несколько в спешке выброшенных свитеров, и еще один, светлый, дохлой медузой лежал на полу. Сама дверца капризно покачивалась от сквозняка, вполне выражая настроение хозяина.

– А где сам?.. – спросила она.

Эссиорх улыбнулся. Он стоял у раздвижного этюдника и закручивал тюбики с масляными красками.

– Должен уже быть. Задерживается чего-то.

– На свидании?

– Не совсем. Он разболтался, и Троил его смиряет. В одной многодетной семье у матери аппендицит, а отец, подводник, в плавании еще месяца два будет. Вот Корнелия и назначили с детьми сидеть.

– Разве страж света может быть нянькой? – усомнился Меф.

– Только страж света и может быть нянькой, – заверил его Эссиорх.

Дафна метнулась к подоконнику, привычно подхватив под живот Депресняка, с нездоровым любопытством обнюхивающего шторы.

– Что, опять? Ничто так не губит настоящего мужчину, как слишком полный расцвет сил, – насмешливо прокомментировал Меф.

Депресняк благодушно заскрипел на руках у Дафны, признавая за собой полное право на этот комплимент.

– Арей требует Мефа в резиденцию мрака сегодня вечером, – вспомнила Дафна.

Пальцы Эссиорха непроизвольно сжались. Из тюбика выполз и закрутился красный червяк краски.

– Причин вызова он, конечно, не объяснил? – спросил хранитель.

– Нет. А откуда ты знаешь?

– Я бы удивился, если бы не угадал. Мрак обожает тайны. Учитывая же, что правда всегда проста и безыскусна, на первый взгляд она всегда проигрывает лжи.

– Так мне идти или нет? – спросил Меф.

– Мой ответ: нет. Но свободы выбора никто еще не отменял. Решай сам.

Меф подумал и решил.

– Я, пожалуй, схожу. Может, что-то важное? – сказал он.

Эссиорх пожал плечами.

– Твоя жизнь. Только не забудь, что нельзя одновременно разжигать свечу и задувать ее. И дуть в оба края дудки одновременно тоже нельзя, – предупредил он.

– Я буду с ним! – вступаясь за Мефа, вмешалась Дафна.

Эссиорх печально посмотрел на нее.

– Что ж, сходите, только помните, что чем симпатичнее зло, тем меньше поводов ему доверять.

В коридоре раздраженно хлопнула дверь.

– Ага! Вот и его величество! Сейчас ботинки полетят! – предсказал Эссиорх.

Он не ошибся. Секунду спустя два глухих удара о стену доказали, что ботинки осуществили приземление. Зашаркали тапочки, и в комнату ввалился мрачный Корнелий. По правому стеклу очков разбегалась сеть трещин. Под глазом слабо розовел свежий, только зарождающийся фингал.

– Эй, темный, а ну прочь пошел с моего кресла! Или на шесть шагов и по хлопку! – заорал он на Мефа.

Поймав просящий взгляд Дафны, Мефодий уступил кресло Корнелию. Самый бестолковый из курьеров света плюхнулся в него и страдальчески возвел глаза к потолку.

– Угадайте с нуля попыток, можно ли разбить очки подушкой? – спросил он и тотчас сам ответил: – Нет? А вот и ни фига! Очень даже можно, если в наволочку засунуть детскую машину.

– Сочувствую. Что-то ты сегодня долго, – сказал Эссиорх.

– А кто виноват, что она так поздно пришла? – взвился Корнелий. – Работающие бабушки – это враги человечества номер один. Их надо приковывать к внукам цепями, а при попытке к бегству пропускать по цепям ток!

– И много там детей? – спросила Дафна с интересом.

– Когда смирно сидят, не особо много – всего-то четыре пацана. Но когда начинают бегать или драться, сосчитать невозможно. И разнять тоже невозможно. Чаще приходится принимать сторону слабого и вместе с ним бить сильного.

– А объяснить словами нельзя? – сострадательно спросила Дафна.

Корнелий снял очки и осторожно ощупал кончиками пальцев припухлость под глазом.

– Дохлый номер! Необходимости прощать дети пока не понимают. Как это: тебя пнули, а ты терпи! В тебя плюнули, а ты утирайся! У них врожденная логика: зуб за зуб. А еще лучше – два зуба за зуб. Учítывая же, что тот, кому ты выбил два зуба, по той же арифметике должен выбить тебе четыре, – мало никому не покажется.

– Мефодия позвали в резиденцию мрака... – сказал Эссиорх, безошибочно определяя, что еще немного, и Корнелий опять начнет орать.

Курьер света совершенно не удивился.

– А, да-да! Дядя предупреждал, что мрак в последние дни зашевелился. Наш агент в Тартаре, которому удалось выяснить нечто важное, убит, – легкомысленно сообщил он.

Эссиорх надвинулся на Корнелия, с нездоровым любопытством созерцая его куриную шею. Веснушки Корнелия озабоченно запрыгали.

– Дядя? И я узнаю об этом только сейчас? Ты говорил с Троилом? – прорычал хранитель.

– Ну не то чтобы говорил... – поспешно сказал Корнелий, начиная рыться в сумке. – Вчера от него было письмо, только я, кажется, его потерял... Эй, спокойнее, укрупненный ты наш! Маленьких не бьют, маленьких топят! Как я могу потерять то, во что заворачиваю бутерброды?

Однако и это оказалось шуткой. Когда Корнелий достал письмо, обнаружилось, что оно в полной сохранности, разве только на конверте с обратной стороны оказались записанными два телефончика.

– Девушки какие-то вчера в метро дали. Даже и просить не пришлось особенно долго.

Минут всего пять позанудствовал, – похвастался он. – Правда, у меня, видимо, аппарат поломался: не с теми соединяет. У первой по телефону отвечает общество пчеловодов-любителей, а у второй – срочная психиатрическая помощь.

– Тебя надули.

Корнелий помрачнел.

– Ты так считаешь? А я всё утешаю себя, что записывал немного рассеянно.

Эссиорх развернул письмо и пробежал его глазами.

– Читай уж вслух! – со вздохом разрешил Корнелий.

– Все читать?

– Ну читай все! Только сразу предупреждаю, если кто хихикнет...

– Дай-ка я угадаю! На три шага и по пинку, пока в дудочке ноты не закончатся, а в звукоряде обойма не заклинит! – попытался угадать Меф.

– Вот и умница! Рад, что ты хоть это усвоил! А за дудку ты мне когда-нибудь ответишь! Я только с виду добрый! На самом деле я гадкий, как пушистая лягушка! – буркнул Корнелий и вновь принялся ощупывать свою боевую рану под глазом.

Эссиорх начал читать:

«Дорогой Корнелий!

Надеюсь, общение с детьми идет тебе на пользу. Мы с тобой оба знаем, что ничего так не разлагает светлого стража и не заставляет темнеть его крылья, как излишек свободного времени. Как наставник, заинтересованный в твоём дальнейшем развитии, я впредь постараюсь, чтобы свободного времени у тебя было как можно меньше. Возможно, не сразу, но уверен, что когда-нибудь ты будешь мне благодарен.

Догадываюсь, что там, на земле, очень непросто. Много соблазнов, с которыми тебе по врожденной живости и некоторой рассеянности твоего характера непросто справиться. Не верь уму! Верь только сердцу и его ощущениям. Ум как крикливый торговец с рынка, который заглушает воплями и оттирает тихую старушку, пытающуюся продать дачные яблоки. И плевать на то, что ее яблоки настоящие, а у него – один воск и химия.

Сегодняшнее человечество как овечье стадо. Пастухи мрака стремительно гонят его к обрыву, щелкая бичами спешки, потребительства, гнева, жадности, эгоизма, чтобы не было времени поднять голову и увидеть небо. Задние овцы, ничего не видя, кроме других овец, и не слыша ничего, кроме щелчков бича, поджигают передних. Передние же срываются в пропасть и не успевают даже заблестеть. Задача же нас, стражей, понимающих, что происходит, тянуть человечество за собой, кричать, чтобы овцы нас услышали, чтобы подняли жвачные морды от травы и чтобы увидели небо! Для многих, уверен, это будет спасением.

Теперь о грустном:

Наш агент в Тартаре стал чистым светом и перешел в вечность! Его последнее сообщение очень пострадало, и нам удалось прочесть лишь несколько строк. Все же из него понятно, что мрак готовит новую операцию. Суть ее неясна, но известно, что операция будет проводиться в Петербурге. Лигул отослал некое секретное распоряжение Арею. В чем оно состоит, мы не знаем. На всякий случай мы усилили охрану всех объектов света в Питере, однако в случае внезапного и массированного нападения ни одна охрана, разумеется, не может считаться достаточно надежной.

Буду признателен, если ты попросишь Эссиорха и Дафну связаться с Мефодием. Возможно, ему удастся что-то разузнать. Я прекрасно понимаю, что задание опасно, а сам Мефодий не стал еще истинным светом по духу. Он лишь формально служит ему, как прежде формально служил мраку. Однако другого выхода у нас сейчас нет.

Пусть Мефодий будет предельно осторожным и не верит себе ни на миг до последнего своего вдоха. Он еще слаб, мрак же бесконечно и многообразно хитер.

Жизнь вечная не терпит пустоты. Пусть помнит, что как только человека хотя бы на миг оставит свет, его тотчас наполнит тьма .

*С любовью,
твой дядя Троил».*

- Ну вот и ответ, нужно ли откликаться на приглашение Арея! – сказал Эссиорх. Закончив читать, он по ритуалу хранителей трепетно коснулся лбом подписи Троила.
- Как жалко, что у меня нет дядюшки, который избавляет меня от излишков свободного времени, – насмешливо встрял Меф.
- У него не всегда хватало благородства, чтобы вовремя остановиться и перестать доводить Корнелия. Дафна напряглась. Она очень не любила, когда Меф начинал шутить над тем, что дорого свету. Шутки шутками, но сколько людей уже дошутилось и сколько еще дошутится.
- Твой дядя – Эдя! Умей ценить то, что у тебя есть, – сказала она.
- Меф уже обувался в коридоре, когда Даф быстро шепнула Эссиорху:
- Почему Троил думает, что Меф сможет? Он же еще не готов!
- Да, не готов. Но у него есть настойчивость. Это еще не дело, но уже полдела. А еще у него есть ты, а у тебя я и Корнелий, – успокоил ее Эссиорх.

Глава 3 Сдохтырь Бурлаков

Чтобы в тебе что-то хорошее проросло, вскапывать себя надо, рыхлить как землю, лопатой бить, голодом морить, сапогом себя пинать. Без этого ничего не будет. Совсем ничего.

«Книга Света»

Зозо сломала сигарету о край пепельницы. Вырвавшись с работы на обеденный перерыв, она сидела у брата в бывшем бомбоубежище, которое обзавелось синим козырьком, как модничающий дедок бейсболкой.

- Разве ты куришь? – изумился Эдя.
- Я и не пытаюсь. Я психую! – всхлипнула Зозо. – У меня все скверно! Сын вылетел из гимназии. На работе достали! Третью отдела в отпуске, треть в декрете! А у меня ни отпуска, ни декрета, ни даже перспектив того или другого! Я завалена бумагами выше переносицы. Личная жизнь – стоячее болото. Пожалей же меня, Эдуард! Ты мой единственный брат! Моя надежда и опора! Моя крепостная стена!

«Крепостная стена» поежилась. Хаврон всегда напрягался, когда сестра называла его «Эдуардом». Это как минимум означало, что на него сейчас попытаются спихнуть чужую проблему. Эдя попытался упредить сестру в атаке.

– Я никого не жалею! Я совершенно безжалостный! – напомнил он. – И вообще: с кем это недавно ты сюда приходила? Такой дядька в прямоугольных очках с лицом насморчного умняшки? А?

- Какое тебе дело? Ну, Леонид Бурлаков, – неохотно отвечала Зозо.
- Неохотно – потому, что портрет, несмотря на ехидство, был узнаваем.
- Бурлаков? Хм... Кто такой?
- Доктор.
- Каких науков дохтырь? – спросил Эдя, зная, что его сестра предпочитает мужчин, клейменных образованием.

– Никаких... Помнишь, я зубы лечить ходила? Он стоматолог, – призналась Зозо застенчиво.

Зубной врач Леонид Бурлаков был красивый, породистый, уверенный в себе мужчина с благородной осанкой, медлительными движениями и внушающим уважение голосом.

Эдакий актер в амплуа положительного бизнесмена в дневном сериале для домохозяек.

Зозо, однако, не обольщалась и влюбляться себе не позволяла. Многократно обжегшись, мать Мефодия усвоила железное правило. Делать на кого-либо ставку и возлагать надежды никогда нельзя впритык. Всегда надо оставить запас на глупость и непредсказуемые поступки. Чем больше запас, тем надежнее защита от разочарований.

По лицу брата Зозо определила, что словом «стоматолог» самолично вручила Хаврону в руки дубину. Как нередко бывало с ним на работе, Эдю ужалила болтливая пчелка. Жажда физической деятельности овладевала им в основном дома, да и то когда он занимался ерундой. Например, заталкивал в мусоропровод старый стул, разрубая его по кусочкам кухонным топориком, а то, что могло застрять, сжигая на газовой плите. Спустить стул в лифте и отнести на помойку по дороге на работу – это для Эди было слишком просто и неинтересно.

– Ну-ка, ну-ка! Дай пофантазирую, какой он! Мягкий такой? Вкрадчивый? Часто улыбается? Быстро касается пальцами щеки? Обволакивает тебя теплом, любовью, утверждает, что никогда не видел таких чудесных зубов, не верит рентгену, не надевает маски, болтает без умолку, делает все по наитию, а потом требует кучу денег за пломбу, которая вывалится через месяц? Да?

– А вот и не угадал! В лужу сел! – радостно сказала Зозо.

Эдя не огорчился.

– Тогда еще попытка! Последняя! Небось жутко важничает, запугивает, надевает по две пары перчаток, качает головой, зловеще молчит, а если и говорит, то утверждает, что никогда не видел такого запущенного рта. Каждую секунду меняет маску и протирается спиртом, чтобы от тебя ничем не заразиться, сто раз посылает на рентген и про каждую дырку в зубе рассуждает так, что хочется отдать ему все деньги и больше никогда не приходить? Но пломба опять же вываливается через тот же месяц.

– Откуда ты знаешь? – поразилась Зозо.

Вторым выстрелом ее брат попал точно в цель.

– Ничего сложного. По-моему, все сверлилкины делаются по двум этим заготовкам. Третьей пока как-то не разработано, – лучась от самодовольства, сказал Эдя.

– Не кати бочку, Хавронище! Сам ты и дохлой кошке пломбу не поставишь. Это тебя не волнует?

– Не особо. В данный момент меня волнует только, почему на пижамных штанах нет карманов.

– Не винти, Эдуард! Ты же бездарь, признай!

– Пусть так. Зато я умею придумывать названия для меню. Это гораздо сложнее. Сидишь и ломаешь голову, как назвать блюдо, чтобы люди поняли, почему за обычную свинину они должны платить дороже, чем за мясо пингвина.

Зозо рассеянно улыбнулась и отодвинула в сторону тарелку, расчищая плацдарм для атаки.

– Эдуард, могу я попросить тебя об одолжении? – решительно произнесла она.

– Если это не одолжение денег, то попросить можешь, – отвечал ей брат, напирая на «попросить».

– Нет, не денег. У тебя же вагон знакомых! Ты можешь попросить кого-нибудь подъехать туда, куда я скажу, и очень культурно, мягко, неназойливо создать ощущение здоровой конкуренции?

– Какой такой конкуренции? – не понял Эдя.

Зозо смутилась.

– Видишь ли, он очень долго раскачивается, а я так не могу. Мне надо «да-да» или «нет-нет». Возможно, если Бурлаков увидит, что у него есть соперник, он как-то определится со своими чувствами. Ты, главное, сведи меня с тем, кто может на пятнадцать минут притвориться приличным человеком, и больше мне ничего не надо! – сказала Зозо.

Эдя протянул руку и озабоченно потрогал сестре лоб. Лоб был прохладный, однако это

ничего не значило. Многие помешанные имеют нормальную температуру.

– Ты себя хорошо чувствуешь, сестренка? Картинка не плывет? Я сейчас буду показывать тебе пальцы, а ты говори, сколько их, – ласково попросил он.

Зозо ударила брата по руке.

– Перестань издеваться! Это вопрос жизни и смерти!

– Ну хорошо. И как же ее создавать, эту здоровую конкуренцию? – уступил Эдя.

– Твой знакомый посмотрит на меня молящим взглядом, потребует у Бурлакова объяснений, стукнет кулаком по столу и уйдет весь такой грустный и трагический, заламывая руки!

– И это все? – осторожно уточнил Эдя.

– Все.

Хаврон вздохнул.

– Слушай, твоему сыну шестнадцать, а в тебе столько дури, будто тебе самой четырнадцать с половиной.

Зозо уставилась на брата каленым взглядом василиска.

– Мефу девять! – веско сказала она. – Ты все усвоил? Он замечательный, спокойный мальчик! Немного беспомощный, застенчивый. Не умеет даже кулака сжать. Рос без отца. Сидит в углу и крутит конструктор. Другие дети в классе его обижают.

– Чего?

– Чевочка с хвостиком и кукукалка с шапочкой!

– Не груби брату! Я младший! Меня обижать стыдно! – напомнил Эдя.

Зозо порывисто встала. Стул, на котором она сидела, упал.

– Я не шучу! Я сказала Бурлакову, что Мефу девять. Само как-то выскочило. Девять, но скоро будет десять. Но пока что девять. И попробуй проболтаться! – тихо повторила она.

Эдя сдался. Он хорошо знал сестру. Обычно Зозо смирная и контролируемая, но иногда на нее находит, и тогда лучше не спорить.

– Да ладно. Я что, против? Если захочешь, наденем на Мефа подгузник и скажем, что ему два, но скоро будет три. А что выглядит малость крупновато – так это доктор прописал неудачную кашку! – предложил он.

– Не смешно, клоун! – отчеканила Зозо. – Это ты жирный, потому что тебе прописали не ту кашку! Так ты поможешь мне или нет? Да или нет?

– Да запросто, – согласился Хаврон. – Морду из ревности набить – это ж одно удовольствие!

Зозо встревожилась.

– Морду бить никому не надо! Леонид очень ранимый. Это должна быть очень тихая сцена ревности! Очень деликатная! Когда твой друг будет кулаком по столу стучать, надо, чтобы это было совсем нежно! Чтобы даже сахарница не подпрыгнула! Наша задача не пугать его, но стимулировать на определенные действия.

Эдя усмехнулся. Задание начинало казаться ему интересным.

– Ранимый, говоришь? Ну-ну... Сколько ему лет? – спросил он.

– Тридцать девять.

– Давай копать глубже! Он пьет, твой зубодробилкин? – допытывался Эдя, стабильно испытывавший к женихам сестры психиатрический интерес.

– Нет, – растерянно сказала Зозо.

– Подозрительно. Не зашитый, не кодированный?

– Нет.

– Хм... Значит, деньги копит? Дачу строит?

Зозо испугалась. Дачников она боялась больше, чем маньяков. От маньяка еще можно убежать. От дачника же скрыться невозможно.

– Фу, какой ужас! Нет! – сказала она поспешно.

– Не бабник? Одна жена в Мытищах, другая в Канаде?

– Нет. Леонид вообще не был женат.

– Тогда спортсмен? По пятницам футбол с друзьями, по субботам баня? Во время чемпионатов мира отключает телефон и спит в обнимку с телевизором?

– Нет.

– Может, турист? Байдарка, велосипед? Три тысячи фотографий одной-единственной горы, которая успела надоесть всем еще до того, как открыли альбом?.. Или автомобилист? Пачки автожурналов в туалете? Зимние покрывала на балконе?

– Нет, – отвечала Зозо виновато.

Она уже читала в глазах брата приговор своему позднему счастью. Эдя задумался, качая головой. Он все никак не находил зубодробилкину подходящей схемы, и это его злило.

– А мамочка у него есть? Непрерывно названивающая? Давящая своей заботой как подушкой? Уверенная, что надеть на ее сына обручальное кольцо недостойна даже английская королева?

– Мама где-то в другом городе. Созваниваются раз в неделю, не чаще, – сказала Зозо.

– А когда напьется – хвастается? Рассказывает, какой он крутой, умный, пробивной и так далее?

– Опять двадцать пять! Я же сказала, что он вообще не пьет! – рассердилась Зозо.

– И не хочет ничего?

– Ничего, – горько признала Зозо. – Просто ходит.

Эдя покачал головой.

– Гм... странный он, твой Бурлаков. Никак его суть ухватить не могу. Скользкий тип. И где таких уродцев находишь? Не молчи, я понял: еще одна жемчужина из Интернета!

– Он не уродец! – оскорбилась Зозо. – Он просто еще не раскрылся! Творческие люди созревают поздно!

– Чушь! Поздно созревают только зимние сорта яблок. Если мужчина не раскрылся до тридцати лет – значит, он бракованный.

– Сам ты бракованный, Хаврон! Пошлый, мерзкий, циничный завистник! – крикнула Зозо. – Так ты поможешь или нет?

Припертый к стене, Эдя неохотно кивнул.

– Ну и когда тебе нужен весь этот цирк? – поинтересовался он кисло.

– В субботу. У тебя уже есть кто-нибудь на примете?

Взгляд Эди, скользнув по залу, коснулся невысокого, краснолицего и плотного мужчины с воинственно торчавшей щеточкой усов. Одетый в темный костюм, упомянутый субъект стоял у входа и, скрестив на груди руки, строго смотрел на веерную пальму, точно желая убедиться, что она не забыла заплатить за гумус и биоудобрения. Бедная пальма поджималась и дрожала листьями.

– Бывший борец-разрядник, а ныне сотрудник службы безопасности, тебе подойдет? – спросил Эдя коварно.

– А он выглядит презентабельно? – спросила Зозо.

– Он выглядит внушительно. Взгляни! – заверил ее Эдя, пальцем показывая, куда смотреть.

Зозо осторожно повернулась и осталась довольна не сколько усами, столько костюмом.

– Но учти, если твой планктон сбежит, меня не пилить! Не моя была идея! – невинно добавил Эдя.

– Сама разберусь! Только пусть твой знакомый не особенно его пугает!

– Не беспокойся! Он будет не страшнее, чем Баба-яга на елке для дошкольников! – заверил ее брат.

Коварную ухмылку он спрятал на дне души, завалив ее для маскировки мелкими родственными дрызгами и житейскими претензиями.

– А у тебя-то как с личной жизнью? – спросила Зозо, для которой этот аспект жизни всегда был самым важным.

Эдя обладал редким даром ускользать от неприятных вопросов, ухитряясь размывать самую их суть.

– Личная жизнь – это жизнь личности. То же, что ты называешь личной жизнью, – это фантик от пустоты с заездом в ничто, – нравоучительно проговорил он.

Зозо непонимающе моргнула.

– Встречаешься сейчас с кем-нибудь?

– Нет. Я боюсь красивых женщин. Вдруг она откроет рот, а там ничего, – пояснил Эдя.

– Где? Во рту? – не поняла Зозо.

– В голове. И в сердце. Хотя за красивые зубы порой прощаются даже гнилые мозги. Кстати, ценная рекламная мысль! Подари ее своему зубодробилкину! Пусть утешает ею клиентов.

Зозо рассеянно кивнула. Она была человек практики, и все минимально теоретическое от нее мгновенно ускользало. Она порывисто вскочила, благодарно поцеловала брата и упорхнула влачить свой офисный плен, в тоскливую темницу, где решетками служили стеллажи с папками, а единственным окном – монитор компьютера. Были у нее в офисе и свои приятели – например, пузатый, круглобокий принтер, выплевывающий горячие, свежеиспеченные страницы. Имелся и враг – синий, похожий на коробку шредер, превращающий труд предыдущих дней в совершенное ничто. В такие минуты бесполезность собственной деятельности ощущалась особенно остро.

В чем счастье? Продать кучу запчастей к тракторам – и вечером забыться беспокойным сном?

* * *

Зозо Буслаева не успела добежать до офиса, когда неожиданный звонок заставил ее схватиться за сумочку и начать рыться в ней в поисках телефона.

– Привет! Я никак не мог до тебя дозвониться! – сразу втиснулся ей в ухо торопливый мужской голос.

– Привет, Леля! Я была в подвале! Там связи нет! – прошептала Зозо.

При всем своем воображении она не могла придумать другого ласкового сокращения для имени «Леонид». Параллельно Зозо испытывала суеверное смущение. Еще бы – только что говорила о человеке, расставляла ему марьяжные сети, и тут – чик! – звонок.

– Как ты? – спросил Бурлаков.

– Все как обычно, – сказала Зозо, привычно удивляясь этому бессмысленному мужскому вопросу.

Если рассказывать «как ты?» подробно, на это уйдет двое суток. Если же непонятно, то в простом «нормально» нет ровным счетом никакого смысла. Женщины это понимают. Мужчины – нет.

– У тебя планы на субботу не изменились?

Зозо насторожилась.

– А что? Отменяется?

– Да нет, не отменяется. Просто хотел уточнить! – заверил ее Бурлаков. – Слушай, хотел тебя о чем-то попросить... ах да... не могла бы ты захватить с собой молочный зуб своего сына? Не сохранился случайно?

Зозо споткнулась на ровном месте.

– Молочный зуб Мефа? Зачем тебе? – перепросила она недоуменно.

– Да пишу я тут одну работку про минерализацию детских зубов... Надо побольше образцов.

– А-а, ну конечно! – с облегчением сказала Зозо. – Обязательно принесу! У меня, кажется, был передний. Ну где новый потом откололся... Только с возвратом, да?

– Само собой! – пообещал Бурлаков.

Они поболтали еще немного, но при этом заметно было, что все главное уже сказано и разговор сползает к финалу. Попрошавшись, Леонид Бурлаков отключил мобильный телефон.

– Ай-ай! Не очень-то ты естественно говорил, – улыбаясь, укоризненно попенял маленький гнутый человек с зубоврачебного кресла.

Бурлаков облизал губы.

– Я нервничал, – признался он.

– Ну-ну, дружок! – ободряюще сказал гнутый. – Какие могут быть нервы с нашим-то масштабом? Человек – это звучит гордо! Мы шагаем по галактикам, задувая звезды! Разве не так?

Ирония Бурлакову не понравилась. Не для того он четыре года занимался медитацией, подвешивал к лампе амулеты и гладил лысых индийских божков по ожиревшим пузикам, чтобы над ним смеялись. Именно во время медитации и вышагнул к нему из алого круга вокруг лампы странный, точно из пористой глины вылепленный человечек. Очень вкрадчивый, очень гибкий.

– Я знаю о тебе все! – сказал тогда человечек. – Твоя судьба передо мной как на ладони! В позапрошлой жизни ты был лошадей! Небольшой такой лошадей, ближе к пони. В прошлой – тайваньским крестьянином. В следующей, возможно, ты станешь президентом объединенных Америк или, на худой конец, королем Норвегии. Но это при неблагоприятном раскладе. А так – меть выше! Что там какой-то король!

– Что, правда? – обрадовался Бурлаков.

– Разумеется! Ты имеешь для этого все задатки и отлично это знаешь! Но пока – увы! – придется немного поработать.

Потом человечек стал требовать от Бурлакова всяких мелких услуг, и всякий раз Леонид их исполнял. К сожалению, с каждым разом человечек становился все наглее и все реже напоминал Леле, что тот уже без пяти минут президент всех Америк. Бурлакову это не нравилось, но он слишком увлекся, чтобы остановиться.

Человечек с мелкими зубками, сидевший в кресле, ухмыльнулся и задиристо брызнул в Леонида штучкой для ополаскивания рта. На миг бедному зубодробилкину показалось, что мягкое пришибленное лицо и глазки с несвежими белками, внезапно надвинувшись, прогорклой кухонной мочалкой коснулись его сердца.

– Значит, в субботу встречаемся? Как только зуб будет у меня? – спросил Бурлаков взволнованно.

– Как только, так сразу! Только свистните, ваше величество!

Собрав узкие губы в трубочку, человечек подул на пальцы. За спиной у Леонида сам собой включился зубоврачебный бор. Бурлаков нервно оглянулся. Когда он вновь перевел взгляд на кресло, человечка с мятым лицом на нем уже не было. Само же кресло пахло несвежим бельем, на неделю забытым в корзине на стиральной машине.

Недавний же гость Леонида уже шагал по Камергерскому переулку, озабоченно вглядываясь в тучи, не мелькнет ли где боевая двойка златокрылых.

Тухломону не требовался телефон, чтобы связаться с тем, кто его послал. Не прошло и минуты, а тот уже сам возник перед ним, красивый, молодой и небрежный, как античный бог.

– Почему нельзя было просто его выкрасть? Всего-то и делов: обыскать квартиру! Да я и так знаю, где он лежит, – полюбопытствовал Тухломон, сообщив о результатах встречи с Бурлаковым.

– Красть нельзя. Важно, чтобы зуб дала мать, – услышал Тухломон краткий ответ, вползший к нему в ухо, точно могильный червь.

Глава 4

Пни себя сам, тогда не пнут другие

Надо им как-то культурно, мягко и без мордобоя объяснить, что жизнь человека – это не только права, но и обязанности. А права качать всякая сволочь может.

**Диалоги златокрылых.
Неформальное совещание**

Отогнув строительную сетку, скрывавшую резиденцию мрака на Большой Дмитровке, 13, Мефодий и Дафна услышали жалобное повизгивание. Верещал толстый кокетливый суккуб с татуированным ухом, лбом которого сердитый Петруччо Чимоданов прибивал к двери бумажку:

«Приема!!! нет!!! касается! всех!!!»

Судя по завышенному количеству восклицательных знаков в самых неподходящих местах, бедного Чимоданова порядком утомила канцелярская рутина. Вбив лбом суккуба последнюю кнопку, Петруччо отпустил его загрибок и только после этого сообразовал заметить Мефодия и Дафну. Брови у него топорщились, как ежиные колючки.

– Привет! – сказал Меф.

– Взаимные приветствия! – без особого восторга отозвался Петруччо.

Он вскинул колено, технично вывел бедро и хорошим ударом под пятую точку объяснил суккубу, что его больше не задерживают. Суккуб вылетел наружу сквозь прорезь в сетке, но тотчас вскочил, отряхнулся и кокетливым зайчиком запрыгал к метро, бросая влажные взгляды на прохожих.

– Жалкий он. И жалко его, – сострадательно сказала Даф, успевшая немного отвыкнуть от обычных в канцелярии мрака порядков.

Едва она сказала это, как толстый суккуб мгновенно обернулся и, высунув язык, страстно и с вызовом облизал синеватые губы. Дафна передернулась и зареклась впредь жалеть суккубов, какими бы несчастенькими они ни казались.

Чимоданов придержал дверь резиденции, пропуская Мефодия и Дафну внутрь.

– Если к Арею, ищи не в кабинете! Он в твоей бывшей комнате, – сообщил он Мефу.

Буслаев встревожился. Что он там, интересно, делает? Хотя у Петруччо это, наверное, спрашивать бесполезно.

– Не знаешь, зачем он меня позвал? – спросил Меф.

Как прежде Мошкина, вопрос поставил Чимоданова в тупик. Должно быть, не меньшее недоумение испытал древний изобретатель каменного топора, когда у него потребовали техническую документацию на его изобретение.

– Без понятия, – сказал он.

Оказавшись в резиденции, Меф с интересом осмотрелся. В приемной все было как обычно. На секретарском столе успела образоваться гора неразобранных бумаг. В отсутствие Улиты первую скрипку в канцелярии играла Ната. Она прохаживалась из угла в угол и поглядывала по сторонам. Ее лицо показалось Мефу изменившимся, причем не в лучшую сторону.

Кажется, Нату постепенно постигала судьба попкорна. Как кукуруза в раскаленной печи, она вздувалась от пустоты и взрывалась от лени. Недаром Эссиорх как-то сравнивал душу человеческую со стаканом. Если вылить из нее свет, она мгновенно заполнится тьмой. Мироздание не терпит пустоты.

Увидев Мефа, Ната мельком улыбнулась ему и тотчас, изображая деятельность, заорала на Евгешу:

– Ну где она? Где? Куда мне договора подшивать?

– Не знаю! Тут вроде лежала, а теперь нету.

– Мошкин, ты уникам! Ты единственный за всю историю мрака ухитрился посеять нетеряющуюся папку с документами!

– А она была нетеряющаяся, да? – поникая головой, привычно засомневался Евгеша.

Ната яростно фыркнула.

– Мошкин, ты правда дурак или прикидываешься? Я порой думаю, что ты нарочно играешь в мазокатора!

– А кто такой «мазокатор»? – заинтересовался Евгеша.

Полученный от Наты ответ его не порадовал.

– Серединка между мазохистом и провокатором. Представь себе дурня, который постоянно ставит любимую чашку на край стола, чтобы потом поплакаться, что ее разбили!

Меф привычно поднялся на второй этаж. Дафна шла за ним, чувствуя вязкое сопротивление тьмы, которой была пронизана вся внутренность старого дома. Тьма незримо налипала на нее, кристаллизовалась в виде десятков мелких страхов и скверных помыслов, и уже несколько мгновений спустя Дафна ощутила себя внутренне захватанной и нечистой. Она испытывала омерзение, подобное тому, которое испытывает нормальный человек, когда заходит в крайне грязный и загаженный загородный туалет.

«И как я жила здесь? Это же просто клоака!» – подумала она с ужасом и мысленно, не прикасаясь даже к флейте, воспроизвела короткую маголодию света.

Тьма на секунду трусливо отпрянула, заметалась, но тотчас вновь принялась жалить, как раззадоренный осиный рой.

Меф постучал. Ему никто не ответил. Тогда, толкнув дверь своей бывшей комнаты, Мефодий вошел. Дафна хотела скользнуть следом, но не успела. Дверь с пушечным грохотом захлопнулась у нее перед носом. Дафна потянулась к ручке, но ручка дрябло провисла у нее в ладони. Дафна осознала, что держит в руке дохлую, почти разложившуюся змею, и с омерзением, отпустив ее, отскочила назад.

Сгоряча она схватила за флейту, но, одумавшись, опустила ее. Здесь, в резиденции, мрак в своем праве. Если Арей не хочет впускать ее, прекрасно. Пусть не впускает. Истерикам мрака можно противопоставить только спокойное упорство.

Решив, что дождется Мефа здесь, Даф опустила на стул. Держа руки на рюкзаке с выглядывавшей из него флейтой, она со скрытым одобрением наблюдала, как Депресняк раздирает когтями диван, занимавший пространство между дверями комнат Наты и Чимоданова. Внешне диван был самый обычный, массовой серии, из тех, под опускавшимися крышками которых любят прятаться дети. По темной немаркой ткани разбегались серебристые нити.

– А вот мебель, солнце мое, портить не надо! В Москве не так много подобных диванов, – послышался рядом вкрадчивый голосок.

Даф обернулась и увидела Тухломона. Комиссионер стоял у лестницы и, точно суслик, поджав ручки, укоризненно смотрел на нее.

– Ну и кого на нем пристрелили? – с гадливым любопытством спросила Даф.

Тухломоша попытался обидеться, но не сумел за полным отсутствием каких-либо истинных эмоций.

– Никого, – сказал он.

– Тогда задушили?

– Зачем сразу задушили? Обижаешь, лапочка! Это Улиточка с Мамайчиком у нас падки на такое внешнее зло. Одному взорванную машинку подавай, чтобы на руле кишки болтались, другой кроватьку с балдахинчиком, на которой закололи графиньку. По мне, так это все дешевка. Этот диванчик послаще будет для понимающих. На нем один человек предал своего лучшего друга. Причем предал совсем мимолетно, без усилия, без внутреннего сопротивления, даже сам от этого ничего не выиграл. Просто так. А тот другой, чью тайну рассказали, потом на всю жизнь потерял всякую веру в дружбу, в добро, вообще в людей. Разве не прекрасно?

– Ты, конечно, подтолкнул? – спросила Даф.

Тухломон изобразил на лице такое искреннее негодование, что сам себе поверил.

– Не буду хвастаться. Не я. Но в том-то и вся прелесть, что не я! Бывает, науськиваешь, науськиваешь человека к совершению какого-нибудь поступка – и никак. Уж и созрел, кажется, а все ручки растопыривает, ломается и в печку не лезет! А тут вдруг такой сюрприз! В самую грязючку да чистенькой мордочкой! Без всякого понукания! Добровольно! Ай! Что ты творишь, идиотка!.. Да ты вообще соображаешь, психопатка светлая, с кем ты связался...

Дафна сердито потянула из рюкзака флейту, выдохнула, и Тухломон тонким

пластилиновым слоем размазала по ступенькам. К сожалению, здесь, в резиденции, маголодии выходили ослабленными, и уничтожить комиссионера ей не удалось.

– Ты, гадючка светлая, скоро вспомнишь Тухломошу! И Буслаев твой вспомнит! – мстительно проквашивал прорезавшийся на верхней ступеньке рот.

* * *

Меф стоял посреди комнаты, оглядываясь и не понимая, где Арей. Комната казалась пустой и мертвой. Пол был покрыт нехоженой пылью. «Книга Хамелеонов» продолжала лежать на подоконнике. На кровати, где Меф бросил их в прошлый раз, валялись алебарда, пика, два лука – один английский и один монгольский – и куча всякого другого барахла. Похоже, только Мошкин взял подаренные ему шест и арбалет. Топор же, который он оставил Чимоданову, валялся рядом с разнесенным этим топором в щепки стулом.

«Ага, подарок не понравился. Ну вообще-то глупо обижаться. В топорах он лучше разбирается», – подумал Меф.

Прикинув, что давно не держал в руках лука, он взял его и потянул из колчана стрелу. Он уже накладывал ее на лук, когда слепая волна тревоги захлестнула его. Материализовать меч он уже не успевал. Меф резко повернулся, зачем-то пытаясь натянуть лук, но уже понимая, что это бесполезно. Он безнадежно опоздал. Тусклый, выщербленный клинок застыл в двух пальцах от его лба. Прoderжав его так секунды две, Арей ударил Мефа рукоятью меча в живот и заставил свой меч исчезнуть.

– И эта вялая амеба – мой ученик! Ты деградируешь стремительнее, чем я предполагал. Еще немного, и любая скучающая фурия забудет тебя костылем, – сказал Арей.

Воздух презрительными толчками вырывался сквозь его разрубленный нос. Согнувшийся Меф кашлял на полу. Потом разогнулся и сердито отбросил лук.

– Вы напали без предупреждения, а у меня были заняты руки! – оправдываясь, сказал он. – Только мультяшные эльфы стреляют из лука в упор!

Губы Арея тронула усмешка.

– Скорости не будет, согласен, но чуток подранить, выиграв пару секунд, чтобы доработать дядю отточенной железкой, можно и так. Опять же нежно ткнуть стрелой можно и вообще без лука. И почему ты не ушел с линии атаки? Не надо героически ловить брошенный в тебя кирпич! Достаточно уклониться, чтобы он в тебя не попал.

Меф посмотрел на дверь.

– Где Дафна? – спросил он обеспокоенно.

– Я попросил ее немного подождать снаружи. Девушка в серьезном мужском разговоре так же нежелательна, как летящий в лицо торт в постановке шекспировской трагедии, – заверил его Арей.

Меф понял, что еще немного, и он окончательно утратит инициативу. Рядом с Ареем он вечно ощущал себя молоденьким петушком, который пытается, взлетев на забор, дерзко прокукарекать на пролетающего орла. Но все же Меф решил попытаться кукарекнуть.

– Вы хотели поговорить со мной. О чем? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал безразлично.

– Да ни о чем особенно. Я просто решил поработать почтальоном. Тебе письмо, – сказал Арей, протягивая Мефу свиток.

– Он вскрыт, – удивленно произнес Меф, взглянув на печать.

Бровь Арея с вызовом дрогнула.

– И что из того? Да, я вскрыл и оправдываться не собираюсь. Что-то я не припомню правила мрака, запрещающего читать чужие письма.

Меф развернул свиток и увидел высокие щеголеватые буквы, окруженные мелкими брызгами чернил.

«Дорогой Мефодий!

Очень неудобно тревожить тебя такой мелочью, но ты изменил мраку, и мрак передал мне права на твой клинок. Прошу немедленно возвратить его мне с этим курьером.

**С неизменным уважением,
Гопзий Руриус Третий»**

Меф на всякий случай огляделся. Никакого курьера он не увидел, что было неудивительно, так как, судя по дате, письмо было доставлено еще неделю назад.

– Что за бред! Мрак передал кому-то права на мой меч! Такое возможно? – недоверчиво спросил Меф.

Арей расхохотался.

– Очнись, синьор помидор! Ты наивен до тупости! Задумайся, что у тебя в руках? Меч тьмы! Как ты носишь его, если ушел из конторы? Лигул вправе найти ему нового хозяина. Пусть свет выдаст тебе какую-нибудь списанную флейту, если ты боишься ходить безоружным.

– Не хочу я флейты! Я хочу мой меч! Пусть Лигул отвалит! Когда-то мой клинок принадлежал Древниру, а Древнир не тьма! – крикнул Меф, начиная горячиться.

Дафны рядом с ним не оказалось, и некому было успокаивающе коснуться его локтя. Упоминание имени Древнира не произвело на Арея особого впечатления.

– Что из того, даже если так? Когда-то и стражей мрака не существовало. Да и Лигул не всегда был уродливым горбуном... Одним словом, не важно, чем этот меч когда-то являлся! Важно, чем он является теперь.

Меф упорно не желал сдаваться. Сама мысль, что надо расстаться с мечом, казалась ему нелепостью, чушью, чем-то совершенно невозможным. Он материализовал меч, взвесил его на ладони, скользнул взглядом по чуть отколотому окончанию клинка и вновь заставил меч исчезнуть. Доставать оружие просто так – привычка вредная и глупая. Недаром настоящие самураи резали себе палец всегда, когда доставали меч без намерения пустить его в дело или хотя бы потренироваться.

– Меч вообще нельзя передавать! Никто посторонний не сможет к нему прикоснуться! Он не дастся никому, даже вам! Мы с ним связаны навеки! – сказал Меф.

С этим Арей не стал спорить.

– Я в курсе. Но всякое правило имеет исключения. Если ты обидишь свой меч, или оскорбишь его, или даже просто мысленно отречешься от него – ваша связь нарушится. В этом случае меч преспокойно может быть передан Гопзию и будет служить ему не менее верно, чем служил тебе. Увы, это так.

– Я не стану оскорблять свой меч! Ясно вам? – сказал Меф, воинственно делая шаг навстречу Арею.

Барон мрака миролюбиво положил ему руки на плечи. Темные, с проседью усы шевельнулись.

– Тш-ш! Перестань на меня кричать! А то я испугаюсь, задрожу и спрячусь под стул!.. Не хочешь отдавать – не отдавай. Я лично тебя не уговариваю.

– То есть как не отдавай? Но вы же только что сами говорили, что... – озадачился Меф, вконец сбитый с толку.

– Говорил-то говорил, но ты, как всегда, не дослушал. Я бы первый огорчился, если бы мой ученик добровольно отдал меч. Унижение ученика – это унижение учителя. Поэтому я и написал Гопзию от твоего имени, что он может проваливать к собачьей бабушке.

– Прямо так и написали? – поразился Меф.

Арей прищурился.

– Слово в слово. И даже уже успел получить ответ! Держи!

Рука Арея скользнула в карман красного халата, и Мефу был вручен еще один свиток. Тоже, разумеется, вскрытый.

«Буслаев!!!Дохляк, трус, мелкая дрянь! Знаешь ли ты, кто я? Еще раз повторяю:

верни меч, или я поймаю тебя и высеку на глазах у твоих светлых покровителей!

Гопз».

– Надо же, как расписывался! Даже подписаться не смог нормально. Буковки так и прыгают! Я всегда утверждал, что мы, стражи мрака, не выносим критики! Хотя, признаться, я не особо стеснялся в выражениях. Да и подделать твой почерк мне удалось просто прекрасно! Это на случай, если Гопзий выудит в Канцелярии какой-нибудь твой отчет, чтобы их сличить, – сказал Арей, заглядывая Мефу через плечо.

– И на это письмо вы тоже ответили от моего имени? – спросил Меф подозрительно.

Он понял уже, в какую историю его втравили. Вкратце то, что сделал Арей, называлось: «Ату, собачки! Скушайте друг друга, а я посмотрю!»

Барон мрака удрученно вздохнул.

– Разумеется. Как я мог поступить иначе? Надеюсь, ты простишь мне это маленькое самоуправство? Мне подумалось, что не стоит отвлекать тебя такой мелочью... Кстати, ответ пришел сегодня утром. Держи!

Еще один свиток, на этот раз третий, скользнул в ладонь Мефа.

«Вызов принят. Об условиях договорятся наши секунданты!

Гопзий Руриус Третий».

– И что ты обо всем этом думаешь? – спросил Арей.

– Думаю, что вы поступили по-свински.

Мечник гневнодохнул серой.

– Ого, как смело! Не нарывайся, мальчик, а то Гопзию некого будет убивать... Разве не ты говорил, что не собираешься отдавать меч?

– Я и не собираюсь.

– Вот и пусти его в дело, раз так! Докажи, что достоин артефакта мрака! Поверь, другого выхода нет. Неужели ты думаешь, что есть другой способ сохранить меч?

На глаза Мефу попала алебарда. Слишком громоздкая для комнаты, с длинной рукоятью, она казалась здесь чужеродной, точно медведь в городской квартире.

– Кто этот Гопзий Руриус Третий? Хороший боец? – спросил он.

Задавая вопрос, Меф не учел, что Арей был из тех, у кого не просто заслужить комплимент.

– Кто? Он? Да ничего подобного! Когда-то он считался седьмым или восьмым клинком мрака. Но потом я одолел Хоорса и еще кое-кого по мелочи, так что его рейтинг несколько вырос. Теперь он, должно быть, четвертый или пятый, – пояснил мечник небрежно.

– Так, значит, сражаться Гопзий умеет?

– Ну разве что на амебном уровне... Стражей тридцать или сорок он все же убил, не считая светлых с флейточками, которых он убивал уже не для души, а по работе, – неохотно признал Арей.

Он оценивающе взглянул на Мефа, поскреб желтоватым ногтем щеку и добавил:

– Да чего уж там... Сражайся вы сегодня, я ни на минуту не усомнился бы, кто останется стоять, а кто ляжет. Сказывается отсутствие постоянной практики. Остаточные рефлексy у тебя еще сохранились, но расхлябанность и общее влияние светленьких глушит в тебе здоровые инстинкты убийцы. Хотя есть еще время, чтобы чуток подтянуться и умереть более-менее достойно...

– Много времени? – быстро спросил Меф.

– Месяц. До двадцать девятого ноября... Ну что, не раздумал расстаться с мечом?

Буслаев упорно попытался не пропустить внутрь страх, зная, что, если позволит малейшему сомнению просочиться, оно будет разъедать его изнутри и обессилит еще до начала боя.

– Я буду тренироваться! – сказал Меф.

Арей отнесся к его намерению с известной долей скепсиса.

– Тренироваться? С кем? Со своей светленькой? Или тренировкой ты называешь утреннюю пробежку вокруг ближайшей помойки?

– Ну... я... – растерянно начал Буслаев.

Арей нетерпеливо дернул пальцем, и язык во рту у Мефа одеревенел.

– Прекрати блеять! Тренироваться надо не просто ежедневно! Тренироваться надо непрерывно, до кровавых мозолей на руках! До ненависти к собственному мечу, чтобы на него смотреть уже не хотелось. Даже ночью, когда ты отключаешься от усталости, надо продолжать наносить удары. Укол – рубящий удар – уход – отбив – укол. Все остальное – это секция общефизической подготовки для пенсионеров и беременных женщин. Ты понял?

Меф молчал. Он безуспешно пытался шевельнуть твердым занозистым языком и всем сердцем сочувствовал магу второй категории Буратино, который прожил с таким языком всю жизнь вплоть до неудачных пиротехнических опытов, предпринятых в 1522 году в Милане магом Арте Моном.

– Выход один! – решительно сказал Арей. – Этот месяц ты проводишь со мной. Я продумаю, какую тактику тебе выбрать с Гопзием, чтобы впредь у него отпало желание задираить моих учеников. Ну! Я жду ответа: «да» или «нет».

Меф замычал, однако Арей каким-то образом уяснил, что его мычание означает «да».

– Ну вот и договорились! – сказал он, щелчком пальцев возвращая Мефу речь. – Значит, мы отправляемся в Питер немедленно.

– В ПИТЕР?? – переспросил Меф.

После письма от Троила известие о Питере показалось ему совсем неслучайным. Да и во взгляде Арея, почудилось ему, мелькнуло нечто, что Мефу сложно было понять. Точно к привычному, снисходительно-покровительственному отношению примешалось нечто еще.

– Именно в Питере ты будешь через месяц рубиться с Гопзием. Мы же едем туда уже сейчас, чтобы начать подготовку на месте. Улита должна была приготовить временную резиденцию... А что, у синьора-помидора какие-то сложные отношения с Питером?

Меф поспешно замотал головой, уверяя, что отношения с Питером у него самые что ни на есть замечательные.

– А Дафна? – спросил он.

Арей в задумчивости провел изрубленной ладонью по лицу.

– Так и быть. Светлую возьмем с собой.

– Вы серьезно?

– Должен же кто-то кормить тебя супиком? От Улиты такой милости точно не дождешься. Как многие упитанные люди, она признает только один рот, достойный полной ложки.

Когда Меф спустился, Дафна стояла рядом с Чимодановым и терпеливо слушала рассказ о сложностях промышленного производства летучих отравляющих веществ. Заметив Буслаева, Петруччо замолчал и бочком отодвинулся в сторону. Будучи глубинно человеком правильной закваски, он считал, что разговаривать с девушкой в присутствии ее основного владельца дурной тон, даже если тема разговора столь невинна, как летучие отравляющие вещества.

– Мы с Ареем едем в Питер, – избегая смотреть Дафне в глаза, сказал Буслаев.

– А я?

– Ты тоже с нами... Если, конечно, не откажешься.

Меф ощущал вину, что позволил Арею надавить на себя и принял решение за двоих.

Дафна отнеслась к известию неожиданно спокойно.

– Прямо мистическое место этот Питер.

– То есть?

– Не забывай мобильник! Тебе снова звонил Ромасюсик, – сообщила Даф, возвращая Мефу его телефон.

Буслаев напрягся.

– И ты ответила?

– Да. Ромасюсик сказал, что они с Прашей сегодня уезжают... куда бы ты подумал?..

– Также в Питер?

– Да. Ромасюсик спрашивал, не составим ли мы им компанию?
Меф поперхнулся.
– А этим туда зачем? – спросил он.
– Ромасюсик объяснил, что Прашечке очень хочется посмотреть на дяденьку на вздыбленной лошадке.
– А, ну да! Мечтала-мечтала, а тут вдруг поднакопила денег и похавала тикет, – сказал Меф, умело подделываясь под голос Ромасюсика.
Дафна нахмурилась. Как истинный страж света, она ненавидела клоунаду во всех ее проявлениях.
– Не издевайся и не обезьянничай! Это гадко! Всякая обезьяна начинает, как безобидная макака, и заканчивает, как бешеная горилла, – предупредила она.
На лестнице послышались грузные шаги. Арей спускался, держа большую охапку оружия, позаимствованную, насколько Меф мог судить, не только из его комнаты, но и из комнаты Чимоданова.
– Ната, куда вы с Улитой дели брусок для правки клинков? – крикнул он, с грохотом сваливая все на ковер.
– Он у вас в столе, в нижнем ящике.
Брови Арея удивленно поползли вверх.
– В моем столе? Это просто диверсия! Мой стол – это единственное место, куда я не заглядываю!
Мечник направился было к кабинету, но, оказавшись рядом с Дафной, остановился и церемонно поклонился.
– Рад видеть, что все снова в сборе! Все еще спасаешь человечество, светлая девочка с котиком? И как человечество? Рукоплещет? – насмешливо приветствовал он ее.
Дафна демонстративно отвернулась.
– Ну-ну, светлая! Не надо поз! Разве ты виновата, что воспитывалась в Эдеме? У вас там всякому свое место. Пассажир работает пассажиром, ребенок – ребенком, кот – котом и скот – скотом! А по мне, так все зависит от правил игры, которые выбирает человек. Например, скажет «я дворник» – и вот он готовый дворник. Или скажет «я царь» – и станет президентом! Разве не смело?
– А если скажет «я президент», а останется дворником? Вот в чем проблема. Лучше уж место знать, – глядя в сторону, сказала Дафна.
Ната неуверенно хихикнула и тотчас пугливо замолчала. Спина Арея окаменела. Меф напрягся, приготовившись вступить в заведомо безнадежный бой, если мечник ринется на Даф, однако Арей неожиданно ухмыльнулся.
– Умница, светлая! Так держать! Уверен, нас ждет веселый месяц!
Барон мрака скрылся в кабинете и через несколько минут вышел из него вновь. Кроме бруска, он нес небольшой круглый щит с зазубренными краями и выступающим в центре коротким четырехгранным лезвием, которым он иногда, забавы ради, сражался вместо меча.
– Меф, вызывай Мамаю!.. – отрывисто приказал он. – Светлая, возьми у меня щит и не забудь свою громобойную дудку! Ната, Чимоданов и Мошкин остаются рулить московской канцелярией! Остальные же едут в Питер бряцать там металлоломом!

Глава 5

Петя-с-бургером встречает гостей

Добро, совершенное с раздражением, не награждается, потому что не ради добра совершено. Это все равно как сковородку с картошкой на стол швырять и орать: «Нате, жрите! А кто спасибо не скажет, того этой сковородой по мордасам!»

Неформальные разговоры златокрылых

Начинающийся сразу за билетными кассами огромный зал Ленинградского вокзала был весь залит светом. Под известным памятником встречались толпы школьных экскурсий и туристов, выбравшихся в Питер на пару-тройку деньков. Бывалые туристы ощущали себя комфортно. Они сбрасывали в кучу рюкзаки и с радостным выдохом «Уф!» сами радостно кидались сверху.

Тинейджеры от возбуждения галдели, сбивались в стайки и делали вид, что не узнают своих стоящих в двух шагах родителей. Мамы и бабушки, напротив, не желали понимать сложного баланса отношений внутри класса и пытались к своим пятнадцатилетним чадам то вытереть салфеткой нос, то застегнуть «молнию», то в последний раз попросить не выключать сотовый даже ночью в поезде.

Тинейджеры тихо шипели, отворачивались и старались незаметно отфутболить близкого родственника домой. Причем наибольшие эмоциональные взбрыки, вплоть до попыток незаметно укусить поправлявшую волосы руку, позволяли себе именно самые неуверенные и зажатые. Прочие же относились к заботам довольно пристойно и даже благодарно.

«Занятное наблюдение! Чем громче кто-то вопит на домашних, тем тише пищит среди ровесников», – подумала Ирка.

Изредка то одна, то другая экскурсия, точно перезрелый плод от ветки, отрывалась от памятника и тяжело катилась к поезду. Сзади обычно бежали две-три мамули и, заламывая руки, безнадежно стонали:

– Умоляю тебя: только не ходи в Питере без шапки! Там такие ветры, а у тебя гайморит!

Поглядывая на круглую голографическую наклейку на билете, Ирка уже миновала памятник, когда к ней метнулась строгая дама учительского вида.

– Девушка! Остановитесь! Посмотрите на меня осмысленно! Вы из группы «А»?

– Нет. Из группы «Б»! – машинально брякнула Ирка.

– Ваша «Б» вон там собирается! – немедленно сказала решительная дамочка и крайне оскорбилась, когда Ирка отправилась в противоположную сторону.

– Девушка из «Б», куда вы? Посмотрите на меня осмысленно! Вы там что, в «Б», все такие? – переживательно закричала она ей вслед.

Вскоре после этого Антигон, путешествующий под привычным мороком дитяти, внезапно оглянулся, приотстал и, со всего разгону врезавшись в Ирку плечом, буквально вбил ее в стеклянный магазинчик периодической печати.

Если валькирия-одиночка не сшибла стеллаж с газетами, то только потому, что он был намертво вделан в пол и падать ему было некуда.

– С ума сошел? – закричала Ирка на кикимора.

Антигон на мгновение выглянул из магазинчика и решительно затолкал Ирку за стеллаж.

– Тшш! Спрячьтесь, хозяйка! Не стойте у входа!

– Зачем? Из-за этой группы «Б», что ли? – не поняла Ирка.

– Молчите, хозяйка, и смотрите туда! – велел Антигон, подпрыгивая, чтобы раздвинуть газеты на уровне Иркиного лица.

Одиночка послушалась, но видела лишь непрерывный пестрый поток отъезжающих.

– Истинным зрением, – деликатно подсказал Антигон.

Спохватившись, Ирка с усилием переключила сознание. Спустя несколько мгновений она заметила медленно приближающееся серое пятно. Ирка увидела мутную неплотную фигуру, сотканную из тумана, которая точно ощупью ползла по вокзалу, изредка протягивая серую прозрачную руку и касаясь то одного, то другого лица. По руке шла рябь. Человек вздрагивал, на секунду замирал, недоуменно озираясь, точно пытаясь понять, что произошло, и двигался дальше.

Самым неожиданным было то, что время от времени Ирке казалось, будто фигура не одна, а их по меньшей мере шесть или семь, но все они стиснуты в одну точку пространства

и плотно наложены друг на друга. Путаясь, Ирка встряхивала головой и вновь понимала, что фигура одна.

Странное наваждение нашло на Ирку. Ей захотелось вдруг поджечь в киоске газеты и с хохотом убежать. Остановили ее только отсутствие зажигалки и общая безумная бессмысленность желания, которую она все же осознавала.

Оказавшись напротив киоска, существо ненадолго зависло, повернуло круглое, лишенное черт лицо в их сторону, а затем, брезгливо отпрянув, быстро заскользило дальше, к перрону. Ирка ощутила мало с чем сопоставимое облегчение.

– Видели, хозяйка? – выдохнул кикимор.

– Да. Кто это был?

– *Лишенец*.

– Кто такой *лишенец*?

Антигон пошевелил губами, пытаясь обратить знание в слова. Вместе с губами у кикимора шевелился и нос.

– Ну... он это... существо из Тартара. Страж без эйдосов и дарха. Изгой, которого мрак за что-то наказал, спрессовав его еще с несколькими такими же бедолагами. Мрак, когда пытается за кем-то следить или кому-то вредить, сажает лишенца тому на хвост, – пояснил Антигон.

– И у кого он сейчас на хвосте? У меня? – спросила Ирка с нехорошим предчувствием.

Антигон всеми пятью пальцами нырнул себе за ворот и энергично поскреб грудь.

– Похоже, что нет, гадкая мерзайка! Я просто почувствовал, что лишенец рядом, и решил, что вам лучше спрятаться. А за кем он следит, это я натурально без понятия. Не моего сермяжного умишки это делишки!

– И что, от тартарианского лишенца можно спрятаться в закутке за газетами? – искренне усомнилась Ирка.

Кикимор хихикнул.

– Если бы! Газетки – это так, в шпионов поиграть. А сюда он не сунулся, потому что булава моя на пороге лежала. Вот она ему чутье и перебила.

Опустив глаза, Ирка обнаружила на пороге газетного киоска булаву Антигона, залитую слабым сиянием недавней материализации. Не только лишенец, но и пассажиры, по всем признакам направлявшиеся в киоск за журналом в дорогу, отчего-то раздумывали входить и в последний момент круто сворачивали в сторону.

– Значит, через булаву он нас не чувствовал? – спросила Ирка.

– Ну не то чтобы... Просто от булавы моей нежитью тянет. А запах нежити очень сильный для бесплотных существ. Почти что вонь. У них нюх-то тонкий, а булава моя все перебивает. Вот лишенец и застрял весь в непонятках, что тут за хмыриныные посиделки. У меня среди родственничков-то кого только не затесывалось!

Ирка кивнула. С этим ей было все ясно.

– А зачем он касался лиц? – спросила она.

– Лишенцы навевают всякие скверные мысли, гнусные, неожиданные. Ну, например, безо всякой причины со всей дури ударить по лицу тихую бабульку. Или съесть окурок с земли. Или выхватить у женщины сумочку и побежать, хотя никогда не занимался ничем подобным. Человек приписывает эти мысли себе и испытывает смертельный ужас. Как это он мог помыслить нечто подобное, запредельно мерзкое? Может, он медленно сходит с ума? Может, к доктору надо обратиться? Лишенец пожирает этот ужас и, подпитываясь им, не проваливается обратно в Тартар. Ну а чтобы понять, что не все мысли твои и на них просто не нужно обращать внимания, до этого еще дорасти надо... У нас же в свет и тьму никто не верит. Зато в энергии всякие, восточные бирюльки и экстрасенсов недоделанных сколько угодно. Такие вот дела, хозяйка!

«Так вот почему мне хотелось поджечь газеты... А ведь меня он даже не коснулся!» – подумала Ирка.

Антигон подобрал булаву, лихо прокрутил ее в руке и заставил исчезнуть.

– Вообще-то лишены не должны здесь бывать. Не положено. Совсем мрак охамел. Все подряд нарушает, – добавил он недовольно.

– Позвать златокрылых? – спросила Ирка, запоздало сожалея, что не бросила в *лишенца* копьем.

– Как хотите, хозяйка! Вам решать! Я что? Я ничего! – устранился Антигон.

Как бывшая, а во многом и не бывшая нежить, он относился к златокрылым с опаской.

Посмотрев на часы и прикинув, что до поезда еще достаточно времени, Ирка вызвала златокрылую двойку. Секунд через десять явились два сосредоточенных молодых стража, патрулировавших площадь над тремя вокзалами. Один был под мороком сурового капитана милиции. Другой, видимо, обладавший чувством юмора, обычному зрению представлялся испуганной старушкой в платке, которая из опасения жуликов цепко прижимала к животу сумочку.

«Капитан» подошел к Ирке. «Старушка», будто невзначай держащая в опущенной руке флейту, осталась в стороне, шагах так в семи. Ирка приписала это легкому недоверию, которое многие златокрылые стражи испытывали к валькириям.

– Документики спрашивать будете? – спросила Ирка, пытаясь пошутить.

Златокрылый смотрел на нее серьезно и без улыбки. Ждал сути. Настроившись на деловой лад, Ирка описала ему то, что видела. Страж даже не попытался что-то записать или с кем-то связаться. Только кивнул, спокойно повернулся и пошел к напарнику.

– Эй! Пойдите! – крикнула Ирка. – Я не понимаю! Вы что, не собираетесь ничего делать?

«Капитан» остановился. Повернулся. В глазах у него было бесконечное златокрылое терпение.

– Что вы хотите, чтобы мы делали? – спросил он мягко.

– Ну догонять там. Ловить! Вообще работать! Выполнять свои обязанности! – с негодованием произнесла Ирка.

Златокрылый вздохнул и беспомощно повернулся к напарнику.

– Скажи ты ей. Может, тебя она послушает. Ее, видно, мой морок с толку сбивает, – попросил он.

– Девушка! Вы что, новенькая, что ли? Это же лишенец! Он что есть, что его нет. Его надо было сразу глушить, как увидели. А то сейчас он здесь, а через секунду в Южной Америке, – объяснила Ирке «бабулька».

И, действительно, «бабульке» Ирке было психологически поверить гораздо легче. Видимо, причина действительно состояла в «милицейском» мороке.

* * *

В Питер Ирка приехала ранним утренним поездом. Было даже не темно, а как-то сизосыро. В вокзальном динамике простуженно хрипел приветственный марш. Бесснежный, сырой город показался Ирке похожим на размороженную курицу.

Рядом с Иркой шли две девушки. Одна, маленькая и сердитая, как оса, гулко катила по перрону чемодан на колесиках. Другая, высокая и симпатичная, то и дело отставала и догоняла ее короткими перебежками.

– Как ты можешь встречаться с молодым человеком, в доме у которого стоит телевизор? – внушала оса подруге.

– Он его не смотрит! Бабушка смотрит! – оправдываясь, вступилась высокая.

Оса расхохоталась.

– Это он так тебе сказал? Где гарантии? Вдруг он тоже хоть одним глазом смотрит? Ниже, чем в телеканализацию, рухнуть нельзя!.. И вообще, москальская твоя душонка, еще раз обзовешь мой Питер «Петей с бургером», откушу тебе нос!

– А если Ленингрозом? – встревожилась высокая.

– Тогда еще и уши отгрызу! Сказано: Питер! Пять букв! Начинается с парной глухой

мягкой, заканчивается сонорной звонкой дрожащей! Уши отгрызу! – решительно отрезала оса.

Ирка покосилась на нее с легким беспокойством. Она справедливо опасалась людей, которые, не нуждаясь в раскашке, становились бодрыми уже сразу, с утра. Да и шутки были подозрительно про одно и то же. Шутки шутками, но когда некая тема повторяется навязчиво часто, тут есть повод задуматься. Граф Дракула, по непроверенным слухам, тоже начинал с относительно невинной привязанности к сырому фаршу.

Рядом с Иркой шагал Антигон, на которого у валькирии-одиночки вчера при посадке в поезд потребовали свидетельство о рождении и еле-еле согласились впустить без него. Вот и сейчас повторилось примерно то же самое.

– Смотрите, какая мамаша наглая! Нет чтобы ребеночка на ручки взять, она ему еще и удочку дала тащить! – с негодованием произнесла какая-то активная бабулька.

Ирка даже остановилась. Удочкой ее копые еще не обзывали. Да и матерью пятилетнего ребенка, под мороком которого часто путешествовал Антигон, нечасто. Заметив на лице своего оруженосца ухмылку, она навьючила на него еще и рюкзак.

– Еще одно «хи-хи!» – и сама тебе на плечи сяду! – предупредила она.

– Спасибо, гадкая маменька! Век не забуду вашей милости! – пропыхтел нагруженный кикимор, кроме копья тащивший еще сумку с ноутбуком и связку книг. По всезнайской своей привычке валькирия-одиночка вечно читала десяток книг одновременно, причем добрую половину из них кусками и из середины.

У здания Московского вокзала в сизых сумерках стояли двое – молодая женщина в очках, обмотанная уходящим в бесконечность белым шарфом, и мальчик лет семи. Мать, глядя вверх, проводила пальцем извилистую черту, призывая сына обратить внимание на архитектуру. Сын к архитектуре был равнодушен и пытался потерять свой указательный палец в носу.

Ирка улыбнулась. Маму, которая воспитывает гения, видно сразу. У нее почти всегда бывает твердый взгляд, спокойно-вопросительная улыбка и настойчивый голос, менторски всплескивающий и замирающий на конце фразы.

Ирка подумала, что, если у нее у самой когда-нибудь будут дети, она не станет растить их гениями. Разве только научит читать года в три, разговаривать месяцев в семь и... Тпрру! На этом лучше остановиться, а то, пожалуй, и у нее самой скорее, чем она думает, появится такой же шарф.

По длинным проспектам, заглядывая в арки, бродили стылые ветры. Знакомиться с ними Ирке не хотелось. От Московского вокзала до Васильевского острова она доехала маршруткой. Пассажиры бились о зачехленное копые коленями, спотыкались о рюкзак, но не злились, а лишь укоризненно скидывали на Ирку глаза.

– В Москве бы меня уже убили, – пробормотала Ирка, сравнивая питерские маршрутки с московскими.

Сидевший рядом парень студенческого вида повернул к ней розовое лицо.

– Не-а. В Москве больше орут, но рук не распускают. В Питере орут меньше, но руки распускают значительно чаще, – со знанием дела произнес он.

Наблюдение оказалось точным. Минут через десять, когда парень уже вышел, втиснувшийся на его место здоровяк сердито пнул копые, попутно наступив на ласты Антигону.

– Эй ты, психопатио истериотти! Еще раз так сделаешь, коленки будут гнуться в другую сторону! – предупредил его Антигон.

Здоровяк испуганно взглянул на ребенка, говорившего скрипучим старческим голосом, и на всякий случай отодвинулся.

Ирка мало-помалу просыпалась. Настроение у нее улучшилось, что немедленно сказалось и на восприятии окружающего. Курица сонного утреннего города ожила, разморозилась и зашевелила крылышками.

Нужный дом по Большому проспекту Ирка нашла сразу. Ей даже не представился

случай заблудиться. Водитель, которому она назвала адрес, остановился прямо напротив. Ирка вышла и ссадила Антигона, который долго с воплями выдергивал застрявшее между креслами копые. Гильотинная дверь маршрутки хлопнула, и микроавтобус умчался.

Дом оказался последним в ряду, не слишком далеко от портовых кранов. Он был громоздким, длинным. Ввысь не рвался, но на земле стоял прочно, подозрительно поглядывая на мир небольшими, утопленными в массивных стенах окнами.

Прежде чем войти в подъезд, Ирка отыскивала площадку напротив бензоколонки, за которой ей поручено было наблюдать. Детская горка, турник. Забытая в песочнице синяя лопатка и несколько пивных жестянок под мокрой от ночного дождя скамейкой. Дневной приют детей с мамами, студентов и смирных городских пьянчужек. Весь джентльменский набор большого города.

Некоторое время Ирка трепетно созерцала площадку, напряженно ожидая, что сердце проснется и что-то подскажет. Ничего подобного! Сердце молчало и лишь огрызалось, как партизан на допросе.

Подбежала крупная молодая собака, тощая, с ребрами, обозначенными, как на анатомическом пособии. Очень серьезно, не заигрывая и не попрошайничая, она обнюхала Ирку руки и отбежала. Ирка попыталась посмотреть на собаку истинным зрением, но увидела только то, что у собаки блохи, а на задней ляжке следы глубокого, но неплохо заживающего укуса.

Ирка окликнула собаку и бросила ей остатки еды из пластиковой коробки, которую ей дали в поезде. Пес вернулся, внимательно все обнюхал, но съел только сливочное масло.

– А ну пошел отсюда! Собачек небось кормите, а слуга у вас две недели уже не пнутый! – завистливо топая на пса лапами, крикнул Антигон.

Собираясь уходить, Ирка машинально взяла у Антигона копые, сделала шага два и внезапно ощутила, как футляр от бильярдного кия дрябло провис у нее в руке. Первой мыслью было, что копые сломалось в маршрутке, но тотчас по весу Ирка осознала, что причина в ином. В футляре больше ничего нет. Копье, упорно не желавшее исчезать вот уже несколько дней, теперь удалилось само собой.

Ирке захотелось немедленно призвать его, чтобы проверить, отзовется оно или нет, но что-то подсказало, что делать этого не следует. Во всяком случае, не здесь и не сейчас.

Антигон нетерпеливо прыгал у подъезда. Глухая железная дверь была недавно покрашена в серебристо-серый цвет. Причем красили так старательно-зловненько, что покрасили даже и кнопки домофона. Несколько секунд Ирка соображала, как ей попасть внутрь, после чего догадалась достать ключ, который дала ей Фулона. На брелоке вместе с обычным ключом висел и магнитный. Она поднесла его к домофону, и тот запищал, как голодный птенец, увидевший мамочку.

Подъезд поражал своей масштабностью и одновременно запущенностью. Он был похож на узкий, непропорционально вытянутый кверху пенал. Ступеньки выглядели так, будто им пришлось выдержать минометный обстрел. Ирка на мгновение остановилась, вслушиваясь в сонную тишину подъезда, и решительно двинулась вперед.

Кикимор, тащившийся сзади, с отставанием ступенек на пять, неожиданно издал горлом неясный возглас. Ирка обернулась и увидела, что кикимор исчез.

– Антигон! – окликнула она нервно.

Никто не отозвался. Снаружи кашлял случайными звуками город. Натянутой стальной струной гудел кран в порту. Где-то наверху, довольно далеко, хлопнула дверь. Пока Ирка соображала, каким образом кикимор мог умчаться вперед, кто-то несильно, явно отвлекая внимание, дернул ее сзади за рюкзак. Ирка стала поворачиваться, но тотчас чьи-то холодные ладони закрыли ей глаза.

Валькирия-одиночка всегда считала, что у нее хорошая реакция. Однако чем больше человек уверен в каком-либо из своих достоинств, тем сильнее он заблуждается. Это непреложное правило ей сейчас и доказали более чем наглядно.

Ирка попыталась освободиться, но держали ее крепко. Можно было, конечно, сделать

что-нибудь в меру кардинальное, например, сломать нападавшему мизинец или ударить его каблуком по подъему ноги, однако с этим Ирка пока не спешила. В конце концов, вреда ей пока не причиняли. Даже больно не делали. Кроме того, Ирка сообразила, что, напади на нее темный страж, ее голова давно бы уже прыгала по ступенькам. Церемониться бы с ней точно не стали.

– Считаю до трех и начинаю злиться! – предупредила она.

Сзади кто-то хмыкнул, явно не слишком утраченный.

– Если с моим кикимором что-то случилось, бери фломастер и рисуй себе черную рамочку! – продолжала Ирка.

За ее спиной послышался смех, и очень знакомый голос сказал:

– Я вот тут прикинул. Большинство поездов из Москвы в Питер и из Питера в Москву выходят поздно вечером и идут одну ночь. Билет в плацкарте стоит гораздо дешевле гостиницы. Интересно, кто-нибудь из иногородних туристов додумался днем бродить по Питеру, а ночью ехать в Москву? Следующий день бродить по Москве – и ночью снова в Питер? Интересный такой эмоциональный бутерброд. Довольно вкусно может получиться, если продумать все детали.

– Матвей! – радостно воскликнула Ирка.

Руки отпустили ее, и, действительно, она увидела Багрова. На нем была яркая альпинистская куртка с большим количеством «молний». Длинная челка спускалась ниже бровей.

– А я тебя чуть не убила!

Багров улыбнулся.

– Я так и понял. Знаешь анекдот? «Я б ему шею сломала, повезло, что не сунулся!» – заявила черепаха, провожая взглядом жирафа».

Немного обиженная, Ирка наклонилась, поднимая упавший рюкзак.

– Откуда ты здесь взялся? – спросила она.

– Мог бы сказать «от верблюда», да не хочется клеветать на бедное животное.

– Перестань хохмить! Я серьезно.

– Я тоже. Адрес и ключи дала мне Фулона, ну а с поездом я решил не связываться. Мне и билет бы не продали. Я паспорт свой опять потерял.

– Что, еще один? Это какой, пятый? – не поверила Ирка.

– Если не шестой, – самодовольно признал Матвей.

К гражданским бумагам он относился с величайшим равнодушием. Паспорт, которым на всякий случай снабдила его Фулона, он называл «инструкцией на мой труп», а чистые его страницы со всевозможным семейным положением использовал как записную книжку. Ирка его в целом понимала. Никто из тех, кто хотя бы слегка, хотя бы краем души постиг вечность, никогда не сможет важно дуть щеки при виде любой бумажки с гербовой печатью. Да и что такое бумажка, когда само наше тело при всем его мудром устройстве всего лишь треть ванны воды и еще примерно полведра всякой прочей таблицы Димы Менделеева?

Когда Багров терял очередной паспорт, Ирка, втайне побаивающаяся Фулону, отправлялась к Гелате и через нее уже добывала новый документ. Гелата относилась к Матвею благосклонно, хотя и дразнила его за глаза: «Некромаг-с-пропиской-в-лодочном-сараяе». В сарае – это потому, что адрес лодочной станции был записан у него внутри штампа с пропиской.

– Значит, ты здесь уже давно? – спросила Ирка у Багрова.

– Часов шесть точно. Время оглядеться и познакомиться с соседями у меня было, – таинственно заверил ее Матвей.

Ирка понадеялась, что соседи хотя бы живы.

– А где Антигон? Куда ты его дел? – спросила она.

Багров уклонился от прямого ответа.

– Ну и шума же от вас было! Вначале пыхтели у дверей, как стадо паровозов, затем вошли навьюченные, наступая друг другу на пятки. И это в незнакомом месте! Нет чтобы

растянуться, оглядеться, просканировать магию! – сказал он с укором.

Распределительный щит, установленный внизу, дрогнул, будто кто-то пнул его изнутри. Свет в подъезде мигнул, погас и снова зажегся. Дверца распахнулась, и выглянул Антигон. Потемневшие бакенбарды стояли торчком. От одежды пахло проводкой. Зато в глазах плескало буйное счастье.

– Вообразите, хозяйка, меня токомшибануло! Вы поднимайтесь, а я тут пока ремонтик сделаю! – крикнул кикимор в восторге и, отплывнув кусок оплавленного провода, вновь полез в распределительный ящик.

Щит задергался и задымил. Свет в подъезде погас окончательно.

– И догадался же я, шляпа, его туда сунуть! Хуже, чем запереть наркомана на аптечном складе! – сказал Багров виновато.

Лестничные пролеты были длинные. Поднимаясь по ступенькам, Ирка пыталась сообразить, зачем Фулоне потребовалось отправлять к ней в Питер помощника. Это, конечно, здорово, но все же интересно, почему...

– Я думаю, она поняла, что никто не способен наблюдать за площадкой круглосуточно. Надо же иногда делать вид, что спишь, – вслух предположил Матвей.

Ирка остановилась и, повернув к нему лицо, взяла его за локоть.

– Еще раз влезешь ко мне в мысли – умчишься вниз считать ступеньки! – предупредила она.

На третьем этаже Багров остановился и шагнул к тяжелой двустворчатой двери. Ирка потянулась за своим ключом, но вспомнила, что у Матвея ключ тоже имеется.

– Хочешь открыть дверь? На, попробуй! – коварно предложил Багров.

Ирка повернула ключ четыре раза. Ключ слушался охотно, даже слишком, однако на общем результате это никак не сказывалось. Дверь оставалась закрытой.

– Не получилось? То-то же! Я тоже долго мучился. Оказалось, есть секрет. Когда провернешь ключ до половины, вот так, до диагонали, дверь надо пнуть. Не сильно, а нежно и прицельно. Примерно сюда... Только не переусердствуй! А то предохранитель защелкнется, и с этой стороны вообще не откроешь.

– А если пнешь слабо? – поинтересовалась Ирка, отводя ногу, чтобы испытать полученный совет на практике.

– Тогда дверь не ощутит серьезность твоих намерений попасть внутрь квартиры...

Ирка сделала короткое движение ногой.

– Ай!

Язычок замка щелкнул.

– Молодец! У тебя определенно талант! Только в другой раз пинай не пальцами! На ноге столько замечательных мест! Зачем же выбирать самое неудачное? – снисходительно одобрил Багров.

Ирке вновь захотелось его убить. Со своей опекой Багров порой становился невыносимым. Не потому ли с ним Ирке бывало иногда так же тяжело, как и без него?

Ирка дважды безуспешно врезалась плечом в дверь («Все же лучше на себя!») – не удержался от совета Матвей) и оказалась в длинном широком коридоре. Направо шли двери, за которыми угадывались узкие комнаты-пеналы. Всего комнат было три. Крайняя совсем откушенная. У Ирки возникло стойкое ощущение, что там им и предстоит жить.

Коридор выводил в помещение с занавеской. За занавеской обнаружилась кривоногая ванна, а само помещение, в котором поселилась ее кривоногость ванна, – кухней.

– Это как так? Почему? – спросила Ирка озадаченно.

Она попыталась, но так и не сумела представить, как какая-нибудь бабулька сможет сидеть в ванне, когда тут же, в метре от нее, через занавесочку, гоняют чай два коммунальных соседа.

Матвей охотно пояснил, что они в доходном доме 1911 года постройки. Доходный – это значит под сдачу. Учитывая, что Васильевский остров считался тогда дремучей окраиной, дом, мягко скажем, строился не для богатых. Ванная в нем была не

предусмотрена. Водопровод с канализацией тоже. Когда, лет через сорок уже, стали устраивать кухню и ванную, не придумали ничего лучше, чем занять под это крайнюю комнату.

Вдоль левой стороны коридора тянулся длинный стол-верстак с полками, на которых помещались многочисленные части горных велосипедов. Судя по числу рам, велосипедов было не меньше трех. На стене висели доски для виндсерфинга, серфинга и кайта, а все пространство под ними занимали постеры с профессиональными серфингистками. Серфингистки были девушки как на подбор видные, но, на придирчивый взгляд Ирки, с короткими ногами.

– Никакой мистики! Чем центр тяжести ниже, тем больше устойчивость, – пояснил Матвей, предупредительно разорвав дистанцию, чтобы не поплатиться за очередное подзеркаливание. – Соседей тут двое, – продолжал он. – Один, Игорь, парень-студент. Это его доски и велосипеды... А вот со второй соседкой я познакомился ближе, чем хотелось бы. Активная такая дама. В квартиру меня пускать не хотела. Я дверь открываю, а она ключ мой с другой стороны своим ключом вытаскивает.

– Ты ей ничего не сделал? – с беспокойством спросила Ирка.

– Да не, ничего. Только посадил в тот же ящик, что и Антигона... Шучу! Поладили потом. Ты ее увидишь. Зовут Инга Михайловна. Она такая подтянутая вся, правильная. На кухне у нее пять ведер, в которые она собирает мусор разных сортов. Пластиковые банки отдельно, жестянки отдельно, бумагу отдельно.

– Разве это плохо? По-моему, правильно. Просто Европа, – одобрила Ирка, сроду не имевшая помойного ведра, но по бытовой лени заталкивавшая мусор внутрь пустых молочных пакетов.

– Хорошо-то хорошо, – согласился Багров. – Но если что-то случайно опрокинешь, она орать начинает. Она из тех экологов, у которых на лбу написано: «Растерзаю за раздавленного таракана». По мне так в первую очередь человек должен любить людей. А мусор и антарктических пингвинов только от крайних излишков любви, которых обычно не бывает.

– Странно. Вроде хорошо, а на самом деле плохо, – сказала Ирка, представляя себе Ингу Михайловну как маленькую и кругленькую женщину с поджатыми губами.

– Я не говорю, что плохо. Но есть настоящая любовь к людям, которая уже потом переливается и на все другие живые существа, а есть любовь замещающая, пустая и фальшивая. Это когда человек любит исключительно кошек, собак, попугайчиков, бенгальских тигров или дельфинов. Любит до безумия, до повизгиваний, ненавидя все остальное и замещая любовь к человеку любовью к кошке или птичке. Такой человек легко произносит что-нибудь в духе: «Только моя собака меня понимает» или «Всех людей в мире не променяю на одного волнистого попугайчика!» – серьезно сказал Багров.

Ирке надоело стоять в коридоре с рюкзаком, и она толкнула дверь в комнату. Комната оказалась лучше и просторнее, чем можно было ожидать снаружи. Не исключено, что кто-то из валькирий, скорее всего любившая уют Гелата, тайком от Фулоны немного похимичил здесь с пятым измерением. Поперек комнату удачно разгораживали книжные полки, так что получились две вполне независимые и автономные жилые зоны.

– Чур, я у окна! – заявила Ирка.

– А я? – грустно спросил Багров.

– А ты будешь сторожить дверь, чтобы меня не украли, а украли тебя!

Ирка бросила на кровать сумку с ноутбуком, скинула рюкзак и отправилась умываться. После поезда у нее было острое ощущение собственной нестерильности.

– Осторожно! Вода горячая! – запоздало крикнул ей вслед Багров.

– Я не морж, чтобы умываться холо... аaaa! аaaa!

– Я предупреждал! – укоризненно произнес Матвей.

– Ты предупреждал «горячая», а надо было предупреждать: «чокнутый кипяток»!!! – завопила Ирка. – Улавливаешь семантическую разницу?

Багров засмеялся.

– Чего ты смеешься? – взвилась Ирка.

– Ты даже когда злишься – употребляешь заумные слова. Надо будет как-нибудь уронить тебе на ногу молоток и послушать, что ты скажешь.

Ирка от неожиданности перестала злиться и наморщила лоб. Вопрос был интересный.

– Наверное, попытаюсь проследить трансформацию образа молотка в мировой литературе, взяв в качестве первообраза молот какого-нибудь Тора. Потом, всесторонне выяснив все пласты, вычленю некие общие черты, характеризующие все молотки и молоты, а именно жесткость, грубость, и перейду к рассуждению о том, что конкретно хотело сказать мне в твоём лице коллективное бессознательное, когда позволило молотку вторгнуться в границы моего физического «Я»!

Ирка с торжеством уставилась на Багрова и собралась развивать тему дальше, но неожиданно короткая сильная боль навывлет просверлила ей виски. Ирке почудилось, что она ослепла. Перед глазами заплескали белые огненные пятна, какие бывают от направленной в лицо лампы.

Она упала на колени, едва не ударившись носом о ванну, но тотчас вскочила. Мгновением позже до слуха Ирки долетел подозрительно знакомый вопль. Оттолкнув Багрова, она кинулась к окну и увидела, как двое приземистых мужчин под локти несут куда-то Антигона, а он бьёт ногами и верещит. Успела Ирка увидеть и грязно-желтую машину, за задним стеклом которой угадывался бледный овал чьего-то лица.

Ирка призвала копьё и уже занесла руку для броска, но, раздумав, повернулась и метнулась вниз по лестнице. Можно было, конечно, телепортировать, но экстренные телепортации редко бывают удачными. Загрохотали ступени. Матвей, поначалу отставший, нагнал ее уже внизу.

Когда Ирка и Багров выбежали на улицу, ни мужчин, ни схваченного ими кикимора уже не было. Там, где недавно стоял автомобиль, на асфальте остался синеватый след шин. Как видно, водитель сорвался с места резко, с пробуксовкой.

Ирка сгоряча пробежала метров сто, после чего вернулась к ожидавшему ее Матвею. Тому с самого начала ясно было, что догнать легковую машину бегом – иллюзия.

– Не успели! – воскликнула Ирка.

– Почему ты не бросила копьё? Убила бы хоть одного, а я допросил бы труп!.. Не успели бы они затолкать его в багажник! – сказал Багров, своим повышенным гуманизмом подтверждая, что его учитель-волхв занимался далеко не одним только сбором лекарственных трав.

Ирка посмотрела на копьё, древко которого сотрясалось нетерпеливой и обиженной дрожью.

– Стекло мешалось... – сказала она.

– С каких это пор копьё валькирии может помешать стекло? Оно попадет в цель в любом случае, если брошено с решимостью, – уверенно произнес Матвей.

Ирка покорно кивнула. Она отлично знала, что Багров прав. Какой смысл врать и отрицать очевидное?

– Я не смогла, – призналась она. – Ты же знаешь, что копьём валькирий нельзя ранить. Если оно в кого-то попадает, то это уже окончательно.

– Ну и прекрасно! В каких-то вещах чем окончательно, тем лучше.

– Нет, не прекрасно! – рассердилась Ирка. – Они ведь только схватили Антигона! Не убили, а лишь отняли булаву и потащили в машину! Не смотри на меня как доктор! Я знаю, о чем ты думаешь! Что добро должно быть с кулаками! А ну как кулаки перевесят? И очень даже легко могут перевесить!

Багров не стал затевать спор.

– По мне так, чем раньше пресекается зло, тем меньше оно успевает натворить и тем с меньшими потерями выкорчевывается. Прижжешь маленькую ранку – не будет язвы... – только и сказал он.

Помолчал, посмотрел на следы шин и добавил:

– Странно, что Антигон не успел ничего сделать. Обычно у него обостренное чувство опасности! Конечно, я тоже его схватил, но я-то другое дело! У меня было время подготовиться.

– И правда странно. Может, его так сильно током шарахнуло, что он ничего не соображал? – предложила вариант Ирка.

– Не в том причина. Тут что-то другое...

Багров вошел в подъезд и, бросив задумчивый взгляд на выкорчеванную без усилий железную дверь, остановился у электрического шкафа. В шкафу что-то гудело и тряслось. Кисло, до щекотного чувства в языке, пахло паленой проводкой. На пыльной резиновой оплетке одного из кабелей ясно обозначились четыре пальца и черта от ногтя. Похоже, Антигон пытался удержаться, когда его выволакивали.

– Никаких особых следов борьбы. Взяли тепленьким. Убивать не стали, потому что явно хотят что-то узнать. Заметь, что вопить Антигон начал уже на улице! – сказал Багров.

– И что это значит?

– Ты ощутила сильную головную боль за несколько секунд до того, как мы услышали крик?

– Да. Мне показалось, что голова у меня сейчас взорвется.

– Мне тоже было не особо приятно, хотя я и успел блокироваться. Тут с вражеской стороны сработал сильнейший интуитивщик. Он послал волну боли, которая на несколько секунд лишила Антигона способности сопротивляться. Если мы с тобой почувствовали это наверху, через кучу ступеней отсюда, то что испытал твой кикимор внизу?

Несмотря на то что ситуация была малоподходящая, Ирка не стала сдерживать улыбку.

– Я примерно знаю что, – сказала она.

– Что?

– Крайнее удовольствие!

Глава 6

Дура лэкс, сэд лэкс!¹

Главное – заставить врага сломаться и пятиться. Когда идешь обратно, «Налево – еще раз налево» превращается в «направо – еще раз направо».

Арей

– Ну и где дырки от пуль? – критически спросил Меф, дважды обойдя длинный черный автомобиль, ожидавший их у входа.

Мамай сплюнул сквозь зубы и толкнул ногой колесо.

– Нэту дирок, – сказал он.

– Что, серьезно? Не ожидал от тебя такого, – удивился Буслаев.

Мамай осклабился.

– Слюшай, зачэм абыдыт хочишь? Кагда машин с гора упал и савсэм всех убил, какой такой дырка, а? – сказал он.

Убедившись, что Мамай и здесь не изменил своим привычкам, Меф влез в автомобиль. Немного погодя к нему присоединились Дафна с котом и Арей. Мамай захлопнул за шефом дверцу, сел за руль, и длинная машина, нетерпеливо зарывчав, рванулась с места.

Замелькали, расплетаясь, переулки. Завизжали тормозами потоки машин на внезапно плеснувших запретом светофорах. Голубоватой подсветкой горели приборы. Размазалось по стеклу плоское отражение от мертвенно застывшего лица Мамаи.

¹ Dura lex, sed lex (лат.) – Закон суров, но это закон.

Меф и не заметил, как они выскочили из города. Надвинувшийся вечер скрещивал лучи фар. Арей не двигался. Его тяжелая голова была опущена на руки. Рядом, отодвинувшись от него насколько возможно и настолько же придвинувшись к Мефу, сидела Даф.

– Поменяйся со мной местами, а? Не хочу я здесь! – прошептала она Мефу и, не дождавшись ответа, перебралась к окну.

Теперь Дафна и Арей оказались по краям, Буслаев же посередине между ними, да еще с нагло угнездившимся у него на коленях Депресняком.

– Хорошо сидим, э? По степени градации мрака, а? – не открывая глаз, насмешливо произнес Арей.

– Или света, – упрямо сказала Дафна.

Она не желала, чтобы мрак вновь перекинул между собой и Мефом незримый мостик общности, по которому зашагают кожаными сандалиями мертвые его легионы.

Ей подумалось, что в человеческом мире чистая победа над тьмой почти невозможна, как невозможно вброд перебраться через жидкую трясику, не запачкавшись. В конце концов, наполовину проигрыш – это наполовину победа. Главное, куда после битвы обращено лицо сражающегося.

Машину тряхнуло. Мамай ради эксперимента свернул со встречной полосы на свою, по касательной зацепив шарахнувшийся легкий грузовичок.

– Дыдацать пять! Вэсэло, а? – сказал Мамай, кинжалом делая зарубку на руле. Это он считал аварии с начала поездки.

Меф давно не смотрел на дорогу. Его больше занимала сохранность собственных брюк, которые в двух местах уже прорезал бритвенными своими когтями Депресняк. Меф попытался незаметно согнать кота с коленей, и тогда Депресняк, которому не хотелось слезать, выпустил когти уже на полную. Меф взвыл.

– Это потому, что ты его гладил! – сказала Дафна, спасая Буслаева от кота.

– Но ему же нравилось!

– Мало ли! Отдельным котам удовольствие строго противопоказано! От удовольствия они начинают мурлыкать и выпускать когти, – подтвердила Дафна.

– Зоркое наблюдение, светлая! Большинству людей счастье тоже противопоказано. Они мгновенно начинают искать, чем себя наказать, и чуть ли не битое стекло грызут, – насмешливо подал голос Арей.

– Может, проще и честнее поделиться лишним счастьем, урезать себя в чем-то осознанно? Когда у машины работают тормоза, можно позволить себе не врезаться для торможения в столб, – предложила Дафна.

Ей не нравилось, когда мрак выкидывает логические обманки. Арей зевнул и не ответил. Такая уж была у него манера – не слышать вопросов, которые ему неинтересны либо невыгодны.

В дороге Мефу не понравилось. Ехать из Москвы в Питер на автомобиле удовольствие примерно в половинку от серединки от ниже среднего. Особенно если автомобиль то и дело исчезает во время обгонов и после материализуется на трассе километрах в трех впереди, почти под колесами у встречного трейлера.

В Питер они приехали посреди ночи. Промчавшись по центру города, в районе канала Грибоедова Мамай резко свернул направо. Здесь он бесцеремонно припарковался в столб и, обежав автомобиль, открыл шефу дверцу.

Арей грузно вылез, разминая затекшие колени. Улита уже встречала их, нетерпеливо прохаживаясь у низкого, с фигурной ковкой заборчика.

– Шеф! Пока я вас ждала, у меня замерзли ноги! – сказала она капризно. – Давайте уволим этого водителя-чайника! Ему только на тракторе без прав по селу гонять!

Мамай позеленел от ярости и схватился за саблю, однако встретил прищуренный взгляд Арея и мгновенно растаял в ночи вместе с автомобилем.

Улита о чем-то вспомнила и, махнув руками, подала знак. Грянул оркестр, и тотчас за спиной ведьмы, в луче вспыхнувшего прожектора, проявился почетный караул местных

суккубов. Все поджарые, смуглые, обмундированные как кавалергарды.

Между ними, улыбаясь, прохаживались три девицы в кокошниках. Косы до пояса, румянец до диатеза. Средняя держала на полотенце хлеб-соль. Она была красива до одурения, до страстного щемления, но глаза у нее были нехорошие, остановившиеся, влажно-бессмысленные, точно у мертвого барана.

– Ага! Суккуб! – понял Меф и не ошибся.

Это был безошибочный признак. Не просто так говорится, что глаза – зеркало души. Суккубы же, как души не имеющие, не могут имитировать и взгляда. Сколько ни бился с ними Лигул, ни орал, ни плевался – так ничего и не достиг. Только даром потратил время и сослал пару сотен бедолаг в Нижний Тартар на полное растворение.

По сигналу Улиты все три девушки белыми лебедицами поплыли к Арею. Мечник, не любивший суккубьего духа, поморщился, махнул рукой, и девицы тотчас исчезли, обрушившись на асфальт пустой грудой народных костюмов.

– Улита! Что ты тут устроила? – спросил он недовольно.

Ведьма подняла с асфальта каравай, подула на него и, откусив кусок с краю, начала жевать.

– Нормально пропеклось. Можно было не волноваться, – услышал Меф ее озабоченное бормотание.

– Улита! Я, кажется, задал вопрос! – повысил голос начальник русского отдела.

Секретарша подбоченилась.

– Интересный фортель! Человек старается, ночей не спит, возится с этими уродскими суккубами, чтобы они рядом друг с другом стоять хотя бы без рож смогли, а ему такое говорят!.. Все, считайте меня с первого числа уволенной по собственному желанию!

Арей примирительно хмыкнул.

– Ладно. Признаю, что был не прав. Дом-то покажешь?

Улита, все еще немного обиженная, но уже заметно смягчившаяся, подала кому-то знак.

В ярких лучах подсветки вспыхнул трехэтажный особняк. Современный, но построенный в пузатом купеческом стиле, с башенками, лепниной и прочим, несколько избыточным декором. Голубовато-белые лучи прожекторов скользили по нему, облизывая со всех сторон.

Заметно было, что Арей приятно удивлен.

– Недурной дом! – похвалил он. – Ты постаралась на славу! Откуда он у нас?

Улита довольно улыбнулась.

– Год назад три друга-бизнесмена построили домик и стали мечтать, как выгодно они его продадут и честно-благородно поделят все на троих. Будут гулять под луной за ручку, каждый со своим чемоданчиком денег. Особенно один все не мог успокоиться. Напишет на бумажке сумму – смотрит. На три разделит – снова смотрит и на стульчике ерзает. Потом его посетила гениальная мысль, что, если вообще не делиться, можно гулять под луной совсем одному. Чик! – и в один дождливый день буквально тут же, где мы сейчас стоим, начинается пальба. Один убит, другой ранен. Раненый хорошо подумал, кто его мог так огорчить, шепнул кому полагается пару слов и спокойноенько умер от газовой гангрены. В общем, если совсем коротко, то теперь все трое на кладбище, а особняк в полном распоряжении нашей конторы.

Меф оглянулся на Дафну и по грустному ее лицу определил, что все рассказанное чистейшая правда.

– Выходит, они поубивали друг друга сами? Без вмешательства мрака? – удивленно спросил он у Арея, вспомнив, что не встретил в рассказе Улиты ни одного упоминания суккубов или комиссионеров.

У мечника дернулась щека.

– Ну почему без вмешательства? А кто посылал искусовые мысли, раздувал жадность, унаваживал, скажем так, душу? Допустим, ты подпилил ножки стола лобзиком, но

так, что стол остался стоять. Прилетела муха, села на стол, и стол упал. По твоей логике выходит, что в падении стола виновата муха. И верно: нечего копытами куда попало переться.

Последнюю фразу Арей договаривал рассеянно, явно думая о чем-то другом.

– Зал-то спортивный в этой купеческой цитадели есть? Где мы будем выбивать пыль из коврика по имени «Мефодий Буслаев»? – поинтересовался он у Улиты.

– Да. Огромный залище на весь подвал. Места навалом даже без пятого измерения. Если покажется мало – расширим, – закивала ведьма.

Она выглядела крайне довольной собственной расторопностью и ожидала поощрения. Однако от Арея добиться его было непросто.

– Ну-ну... посмотрим, – только и сказал он.

– Я хочу спать. Надеюсь, наши с Дафной комнаты не на самом верху? Я не дотащусь, – зевнул Меф.

Стоя с охапкой оружия в руках, он мечтал о мгновении, когда можно будет швырнуть весь этот деревянный и стальной хлам на пол, упасть на кровать и, не раздеваясь, вырубиться.

– Не спеши! Спать пойдешь после небольшой разминки, – остановил его Арей.

– Что? Сразу приехали – и тренировка? – взбунтовался Меф.

Арей внимательно посмотрел на него и хмыкнул.

– Да какая там тренировка посреди ночи? Посмотри на себя! Ты вялый и обвисший, как холодная вермишель! Максимум тебя хватит на небольшую встречу с друзьями, если, конечно, Улита ее подготовила!

Ведьма заверила, что она все сделала. Меф озадачился.

– С какими друзьями? У меня в Питере нет друзей, – сказал он.

– У тебя нет. Зато ты у них есть, – таинственно хихикнула Улита.

Открыв калитку, она провела их по дорожке мимо центрального входа, обогнула дом, спустилась на несколько ступенек и через еще одну дверь проводила их сразу в зал.

Меф осмотрелся. На длинной банкетке сидели пятеро здоровенных лбов в возрасте от восемнадцати и примерно до двадцати пяти лет. Один, глядя в карманное зеркальце, развлекался: методично подпаливал зажигалкой щетину, после чего быстро тер это место рукавом. У двух из пяти были сломаны носы, и даже самый мирный выглядел так, будто никогда не ложился спать, не поев предварительно сырого мяса. Заметив Арея, все они вскочили и вытянулись.

– Тайские боксеры. Ну разве не красавцы? – громко сказал Арей. – А это вот и есть тот самый Мефодий Буслаев. Знакомьтесь!

Меф, поспешно свалив свои железки, протянул было руку, но его ладонь повисла в воздухе. Все пятеро молча стояли и глядели на его ладонь с таким брезгливым вниманием, будто она была измазана в навозе.

Буслаев смутился и озадачился.

– Что-то они какие-то странные! Вроде я им ничего не сделал, а они смотрят на меня, как свора голодных псов на охамевшую сосиску! – шепнул он мечнику.

Арей хлопнул себя по лбу.

– С чего бы это? Ах да! Улита по моей просьбе сообщила им, что ты называл их дебилами, уродами и обещал изувечить... Да, кстати, мечта ты в этой схватке применять не будешь. И никаких дополнительных заморочек тоже. Я обещал выбить из тебя пыль, и я об этом позабочусь.

Мефодий грустно оглянулся на Даф и со вздохом полез на ринг. Он понял уже, что ему не открутиться. Да и размяться-переодеться Арей ему не позволит. Заявит, что все настоящие войны проходят без разминок.

Не оборачиваясь, Меф чувствовал, что тайские боксеры следуют за ним с бульдожьим упорством, не отставая ни на шаг.

– А перчатки хотя бы есть? Ну или бинты? – спросил он, пролезая под канатами.

Улита вопросительно посмотрела на Арея и театрально всплеснула руками.
– Родной, какие перчатки? Да мы йод в рассрочку покупаем! Откуда у мрака такие средства?

* * *

Меф очнулся утром. Он лежал в незнакомой комнате. В окно с любопытством глазело бледное и рахитичное осеннее солнце. Спohватившись, что его поймали за подглядыванием, солнце поспешно занавесилось тучами.

Меф сел на кровати. Голова была тяжелая, как котел. Меф ощупал нижнюю челюсть. Двигать ею, говорить и жевать было больно, губы вспухли, но выбитых зубов языком не обнаруживалось. Если учесть, что дрался он без капы, это хотелось назвать чудом.

Рядом на кресле дремала Дафна, на коленях у которой лежала флейта. Лицо у нее казалось уставшим. Меф понял, что она заснула совсем недавно, всю ночь маголодиями вдыхая жизнь в его избитое тело.

– Дафна! – хотел окликнуть Меф, но она уже открыла глаза.

Истинные стражи-хранители слышат мысленные призывы прежде, чем их подопечный успевает разомкнуть губы и направить воздух из легких на голосовые связки.

– Доброе утро! – сказала она жизнерадостно.

Меф согласился с тем, что добрее не бывает, и уточнил, чем закончился вчерашний день. А то он как-то не уловил момента, когда погасили свет.

– Неужели ты ничего не помнишь? – озабоченно спросила Даф.

– Помню, как лез на ринг. А вот что после было – хоть убей! – сказал Меф.

– Да особенно ничего и не было, – успокоила его Дафна.

– Но я хотя бы многих вырубил?

Даф мягко коснулась его плеча.

– Ты уверен, что хочешь услышать правду? – спросила она.

Меф придиричиво посмотрел на свои костяшки, несколько раз сжал и разжал ладони и обнаружил, что нигде не болит и даже нет ни одной припухлости. Подозрительно. Как кулаки ни набивай, а такого просто не бывает.

– Нет, не уверен... – сказал он, но все же не удержался: – Неужели я не ударил ни разу?

– Бой продолжался секунд семь. Большинству тайцев даже не удалось тебя ни разу пнуть. Они уходили расстроенными, перешагивая через тебя, как через кучу листьев.

«Куча листьев – это еще довольно вежливо», – подумал Буслаев.

– Зачем Арей это устроил? Заставил драться безоружным, когда я привык мечом? – сам себя спросил Меф и сам себе ответил: – Он хотел показать мне, что я ничто. Пустое место.

– Ты не пустое место! – решительно сказала Даф.

– Нет, пустое!

– Пустым является только то место, которое считает себя полным. У всех же прочих еще есть шанс, – сказала Даф.

Меф встал и прошелся по комнате, разглядывая ее. Уютно, функционально, но безлико, точно в номере дорогой гостиницы. Лично он предпочел бы простой, без задвигов чердак – с турником, брусками, свисающей на цепях боксерской грушей и стопками книг на полу.

Огромный раздвижной шкаф прятался за зеркалом. Желая узнать, что лежит в шкафу, Меф толкнул дверцу, и его немедленно хлестнуло по носу древком упавшей мавританской пики. Пика была размещена в шкафу очень коварно, и увернуться от нее мог только тот, кто знал о ловушке заранее.

– Это не я ее туда поставила! – на всякий случай сказала Дафна.

– Знаю, что не ты. Мы из Москвы вообще никаких пик не привозили. Задушу Улиту! – мрачно пообещал Меф.

Он сел на подоконник и, ощущая затылком холодное стекло, сказал Дафне:

– Вчера я не успел толком объяснить, зачем мы поехали в Питер. Хочешь знать?

– Да.

– Через месяц мне предстоит бой с одним деятелем из Тартара. Арей взялся меня поднатаскать, а то моя спортивная форма потерялась в раздевалке. Сама видела, как меня вчера размазали по стене.

Даф нахмурилась.

– Мрак тренирует тебя, чтобы ты сражался с мраком! В этом есть очевидная натяжка! Ты меня понимаешь?

– Не-а.

– Разве ты не чувствуешь подвох?

– Не особо.

– Сам подумай. Как туманом можно уничтожить туман? Или тьму тьмой? Так и мрак, тренирующий кого-то для сражения с мраком, выглядит фальшиво.

– Я верю Арею, – упрямо сказал Меф.

– Можно верить ему сколько угодно, но Арей служит мраку! А кто из какого колодца черпает, тот такую воду и сам пьет, и других угощает. Кто твой противник?

– Гопзий Руриус. Говорят, отлично владеет клинком.

Меф сказал это как будто промежду прочим, а сам быстро скосил на Даф глаза, проверяя, как она отнесется к этому имени. Буслаев заметил, что Даф напряглась.

– И бой, конечно, устроил Арей? Но от твоего имени, сам же, как добрый дядюшка, остался в стороне? – невинно спросила Дафна.

Меф насторожился, не понимая, куда она клонит и откуда вообще могла узнать, что Арей именно так и поступил.

– Допустим, – признал он неуверенно. – Но у Арея не было другого выхода! Если я откажусь от боя, Гопзий заберет мой меч. Коротышка Лигул утверждает, что мой меч не мой, а мрака, и нашел ему нового хозяина. Понимаешь, моему мечу!!!

– Вспомни судьбу этого особнячка. Губят не микробы, а собственность. И Арей придумал, что для сохранения меча тебе надо убить этого Гопзия? – уточнила Даф.

– Э-э... В целом, да.

– Чудно! Допустим: ты победил. Лигул отдаст твой меч кому-нибудь еще, и Арей, почесав в затылке, придумает, что с ним тоже надо драться! Гениально! Учитывая же, что тебя вырубил самый дохлый из тайских боксеров, когда остальные и подбежать-то не успели, тебя закопают еще до Нового года.

Но для Мефа сейчас важна была не логика, а меч.

– Я никому его не отдам! Не будь занудой! – огрызнулся он.

Дафна кисло посмотрела на своего подопечного.

– Интересно, кто в большей степени дурак и зануда? Тот, кто сто раз в день повторяет: «Не хлопайте дверью!», – или тот, кто продолжает хлопать?

– Я склонен рассматривать оба варианта.

– Этот твой Арей – глупый солдафон! – продолжала кипеть Дафна. – Его девиз: если не хочешь, чтобы день прошел впустую, – отруби кому-нибудь голову. Путь самурая, мол, – это путь смерти, и всякая прочая мелкодемоническая лажа для зомбиков-самоучек!

– А разве путь света не такой?

– Даже близко не такой. Путь света – дарить жизнь, учить любви и истине. Если надо – погибнуть за это, спокойно, без сомнений и без ощущения совершения чего-либо героического. Но не стремиться к смерти как к цели и тем более не считать трупы, как это делает твой Арей, – произнесла Дафна убежденно.

Мефа поразило, что она даже не страховалась рунами, точно не опасалась, что здесь, в питерском особняке мрака, их подслушивают даже стены.

– А он их считает? – спросил Меф озабоченно и тотчас сам понял, что да, не исключено. Если Арей знал, сколько побед одержал Гопзий, значит, и число собственных побед было ему известно.

– Они все считают, – сказала Даф. – Это только кажется, что у мрака романтика. На

самом деле – это подлейшая и скучнейшая из всех бухгалтерий. Все эйдосы в дархе у каждого стража десятки раз пересчитаны и учтены. Что такое, допустим, «трехсотэйдосный» страж? Что-то гордое и сильное? Ничуть! Это страж, отнявший жизнь у трех сотен людей, в том числе у стариков, женщин, детей, и мучающий их непрерывно в вечности.

– Думаешь, я сам этого не понимаю? – спросил Меф.

– Что толку от твоего понимания, если ты знаешь, а все равно позволяешь ловить себя на «слабо»? А если Арей велит тебе перебежать шоссе с завязанными глазами – побежишь? – отрезала Даф.

– Да нет. Я бы не побежал! Ни за что!.. Пусть ищет другого камикадзе. А сколько там полос? Движение сильное? – машинально прикинул Меф.

– Тьфу ты! – рассердилась Даф. – Правду про вас Шмыгалка говорила: «Если хочешь, чтоб побольше людей через покрашенный забор перелезло, повесь табличку: „Перелезать запрещено!“

Вспомнив о чем-то, она озабоченно добавила:

– Я, кажется, слышала об этом Гопзии от кого-то из наших.

– И?..

– Что «и»?

– Он хороший боец? – жадно спросил Меф, уже заведший себе внутреннюю папочку под названием «Гопзий», в которую собирались все возможные сведения.

– Да вроде как трусом его никто не называл. Гопзия считают одним из фаворитов Лигула. Он один из «рубак», но Арей его не любит за то, что он принимает от Лигула подачки. Но Гопзию на мнение Арея плевать. Арей – воин по своей сути. Он дерется просто потому, что иначе не может. Гопзий же, он больше как скучный профессиональный боксер, который поначалу всегда долго ломается, чтобы получить гонорар побольше. Потом кривляется перед камерой, прыгает, разминается, позволяет массировать себе плечи и все такое... Затем, правда, дерется, и дерется хорошо. Вот Лигул и приманил его твоим мечом.

– Интересно, что заставляет таких, как Гопзий, рисковать головой? Неужели одна только выгода? – задумчиво спросил Меф.

– Я тоже об этом как-то размышляла. Для «светлого» бойца – это необходимость благой жертвы, преодоление себя, потребность спасти кого-то, защитить. Если он при этом останется в тени – даже лучше. В транспорте «светлый» сколько угодно позволит топтаться у себя на пальцах и даже измазать мороженым свою куртку. Еще и сам попросит прощения, что испортил чужое мороженое. Для «темного» – это азарт, вызов, потребность стать первым, подмять других, поплясать на костях и всякое такое. Жажда броского поступка и скрытое желание смерти тоже не исключены.

– Про скрытое желание смерти – это ты про Арея? – напрягся Меф.

– Возможно. Да только Арей не хуже меня знает, что смерти в значении черной пустоты нет. Для темного стража смерть – слияние с мраком. Одна бессмысленная, непрерывная, неисчерпаемая и необъяснимая мука. Знаешь простое правило? Не всякий копающий ловчую яму и устанавливающий на дне деревянный кол желает в нее провалиться. Но всякий копающий проваливается.

* * *

Меф и Дафна спустились вниз. Не зная дома, они с непривычки заблудились в лабиринте комнат и лестниц, мраморным завитком спускавшуюся вниз, нашли не сразу.

Улиту они обнаружили внизу, в столовой. Секретарша в одиночестве сидела за длинным, накрытым белой скатертью столом и разрывала руками холодную, в белых пятнышках жира, индейку.

– Привет нокаутированным! – приветствовала она Мефа. – Отгадай, кто тебя вчера наверх отволок? Думаешь, Арей или светлая? Держи карман шире и двумя руками! Я!!!

Мефу не хотелось вспоминать о своем ночном унижении.

– Ты уже завтракаешь? – спросил он.

Улита перестала жевать и бросила в него ножкой индейки.

– Обижаешь! Пока что ужинаю! Время завтрака еще не наступило, – сказала она.

Меф легко увернулся от ножки, попутно отметив, что у него слегка закружилась голова. Похоже, без легкого сотрясения мозга все же не обошлось. Он знал, что Улита любит ужинать долго и упорно, до победного конца. Первый ужин был у нее часов в шесть вечера. Второй в полночь, когда скрипуче били часы. И, наконец, последний плавно соприкасался с ранним завтраком, в свою очередь перетекающим в целую серию обедов.

– Присоединяйся! Тренировка у тебя через час, так что поесть успеешь! И ты, светлая, тоже садись! Не маячь! – сказала Улита, взглядом придвигая Дафне стул и решительно толкая ее стулом под колени. – Я наконец поставила себе диагноз! – продолжала ведьма, вновь начиная заниматься индейкой. – В классическом случае (не в таком запущенном, как у меня!) бывает «утробобесие», а бывает «гортанобесие». «Утробобесие» – это когда ты готов есть постоянно, но что попало. Каша так каша, суп так суп – лишь бы натрескаться побольше. А «гортанобесие» – это когда можешь три дня голодать, если тебе не дадут чего-то определенного. Ну там устриц, солененького огурчика, ветчинки или каких-нибудь муравьиных пупков.

Дафна усомнилась, что у муравьев есть пупки, однако в дебри биологии решила не вдаваться.

– А у тебя что – «утробо» или «гортано»? – спросила она.

Секретарша вздохнула.

– У меня хуже. У меня улиробесие. Это когда хочется есть много, постоянно, но всякий раз чего-то определенного. Сейчас вот, к слову сказать, хочется индейки, так что я вам ее не дам. Самой мало. А вот лаваш можете взять. Ну или там хлеба... – она махнула рукой на большое блюдо.

На столе зазвонил деревянный, под старину, телефон. Улита лениво взяла трубку.

– Да, привет, Ромочка!.. И тебе!.. Ну почему, ты тоже сокровище! В каком смысле? Ну, во всех делах, где работают языком, а не лопатой, ты незаменим!.. Да, здесь! Сейчас позову! – проворковала она, без предупреждения швыряя трубкой в Мефа.

Даф заметила, что у Улиты выработалась уже привычка бросать, а не протягивать. Даже если человек стоял от нее на расстоянии полуметра, ведьма себя особенно не утруждала.

На этот раз Меф чудом успел уклониться, и увесистая трубка, пролетая, чиркнула его по скуле. Погрозив Улите кулаком, Меф подтянул к себе трубку за провод.

Меф не сразу осознал, что Ромочка и Ромасюсик – это один и тот же персонаж. Точнее, он осознал это, когда услышал в трубке марципановый голос:

– Прашечка хочет с тобой увидеться!

– А памятник с лошадкой она уже посмотрела? – с досадой спросил Меф.

Ему стало ясно, что Ромасюсик его одурачил: позвонил Улите, зная, что сам он на звонок не ответит.

– До памятника с лошадкой пока не добрались. У нас тут образовалось одно дельце. Так ты придешь? Что мне передать Праше, если я случайно ее увижу... Ой! Ухо! – Ромасюсик пискнул жалобно и печально.

Меф догадался, что проврававшийся шоколадный юноша случайно увидел Прасковью раньше, чем смел надеяться. Когда железные пальцы очередной наследницы Тартара выпустили его ухо, Ромасюсик с новыми силами кинулся умолять Мефа немедленно приехать.

Слова извергались из него водопадом. Буслаев даже трубку от уха отнял, чтобы его не захлестнуло.

Есть такой тип поддакивающих женщин. Не душечка, а универсальная подлиза, которая, чтобы войти в контакт, раз по семь повторяет каждое слово собеседника. Улыбается при этом нежно и неискренно. Ромасюсик не был такой женщиной. Он вообще не был

женщиной, если на то пошло. Но стоило послушать его или посмотреть на него хотя бы минуту, как такая женщина непременно вспоминалась.

– Что, достали тебя? А ты спроси у нее: «Прасковьюшка! Ты умеешь рисовать фломастерами свинью неблагодарную?» – толкая Буслаева ногой, жизнерадостно посоветовала Улита.

Меф скорчил Улите рожу. Голос Ромасюсика звучал то вкрадчиво, то визгливо, то умоляюще. Мефу чудилось, что шоколадный юноша бежит у него вокруг головы как паучок, обвивая ее словесной паутиной.

Не выдержав, он решительно потряс трубку, точно надеялся вытряхнуть из нее Ромасюсика со всей его болтовней. Выждав секунд пять, Меф вновь поднес трубку к уху и, твердо зная, что Прасковья прекрасно его слышит, хотя и дает ответ через другого, негромко окликнул:

– Прасковья! Ау!

На том конце провода моментально воцарилась тишина. Ромасюсик поспешно закрутил вербальный кран и притих, как зайчик.

– Прасковья! – настойчиво повторил Меф. – У меня совершенно нет времени! Давай так: ты соберешься с мыслями и четко сформулируешь, чего тебе надо, а я не менее четко отвечу, почему я не могу тебе этого дать! И на этом все! Точка!

После короткой паузы Меф услышал в трубке непонятный дребезжащий звук и догадался, что Прасковья разбила что-то о стену. Волна боли, ненависти, смятения на миг затопила сознание Мефа. Он поспешно коснулся спасительной руки Даф, она слегка пожала его ладонь, и волна отхлынула.

В динамике что-то хлопнуло, и вновь воцарилась тишина.

– Что там у вас такое? – спросил Меф машинально.

На ответ он не рассчитывал.

– Ай донт ноу, – услышал он озадаченный голос Ромасюсика.

– Как не знаешь?

– Да так – не знаю. Она в другую комнату выбежала, – более-менее нормально произнес Ромасюсик. Он даже не кривлялся. Видно, случившееся потрясло и его. – В общем, как хочешь, но на твоём месте я бы пришел. Один или с этой твоей душехранительницей. Не пожалеешь! – добавил Ромасюсик.

– Почему?

– Ну хотя бы потому, что Праша тут светлого зацапала. Пока он еще жив. Так что передать: придешь?

Меф насторожился. Что-то подсказывало ему, что шоколадный юноша разнообразия ради сказал правду.

– Теперь приду. Но если окажется, что ты обманул...

– То мне в очередной раз ничего не будет! Ну все, покусики! Гуд бай, май лав! Целую в клювик, жду в гости! – вновь стал придуриваться Ромасюсик и бойко продиктовал адрес.

– «Каменноостровский» – сколько «н»? – спросил Меф, ища глазами ручку.

– Для таксиста это не принципиально. Скажи ему хоть четыре, только номер дома не перепутай! – сказал Ромасюсик и внезапно дал отбой.

Меф даже озадачился. Это был первый случай в мировой истории, когда шоколадный юноша первым прекратил разговор.

– Загадочная эта Прасковья! Она почему-то совершенно не умеет воспринимать слово «нет», – пробормотал Меф, возвращая Улите трубку.

– А что тебя удивляет? – сказала ведьма, грустно обсасывая крылышко. – Лигул вырастил Прашечку в Тартаре. Что такое «нельзя», она хотела бы понять, но пока не в состоянии. Слово новое, буковок много, значение туманное. Ну а Праша аутистка, глубинная такая, замкнутая. Рвущаяся наружу из своих недр, но совершенно себя не осознающая. Вроде наивной дикарки, которая ножом разжимает в метро зубы какому-нибудь дяде, потому что ей хочется посмотреть, какого цвета была жвачка, которую он засунул в рот. Ты ей

нравишься, Буслаев, вот только она не знает, как это показать. То ли тебе голову отрезать, то ли себе голову отрезать, то ли еще кому-нибудь голову отрезать... Другому же стилю общения ее в Тартаре не научили.

Мефодий с тревогой оглянулся на Дафну. Слова Улиты впервые заставили его задуматься, что, возможно, он судил о Прасковье слишком поспешно.

Даф, как всегда, была само благоразумие.

– Вообще, да. Мерить всех по себе – все равно как черпать бесконечность чайной ложкой, – согласилась она. – Для выросшей в Тартаре в Прасковье еще очень и очень много человеческого, здорового и нормального! Если она уцелела там, где уцелеть нельзя, невозможно представить, какой яркостью обладал бы ее эйдос в нормальных условиях. Любой другой давно стал бы монстром от той же доли вседозволенности.

Меф озабоченно взглянул на часы, соображая, успеют ли они заскочить к Прасковье до начала тренировки.

– Улита! Если мы не вернемся вовремя, предупредишь Арея, что я опоздаю?

– Даже кончиком языка не пошевелю, – заявила ведьма.

– Почему?

– Потому что не поможет. Сегодня ночью, когда я несла тебя на ручках, как жених невесту, Арей сказал мне вот что: «Когда очнется, передай господину Буслаеву, что мое время стоит дорого. Наши занятия переходят на коммерческую схему оплаты. Сто пятьдесят отжиманий за три минуты опоздания. А там пусть считает сам, если у него с арифметикой хорошо».

Глава 7

Молочный зуб

Один мальчик нашел на улице амулет. К амулету была привязана бумажка, а на бумажке написано: «Амулет счастья». Мальчик надел амулет на веревочку, принес его домой, и ночью у него умерли мама и папа. Мальчик подарил амулет другу. Друг надел амулет и попал под машину. В больнице доктор снял амулет и спрятал в карман. Той же ночью у доктора в квартире случился пожар. Пожарные нашли на пепелище только амулет. Один пожарный взял его себе. На обратном пути пожарная машина врезалась в столб и взорвалась.

Амулет упал на дорогу. К нему была привязана бумажка: «Амулет счастья».

Детская страшилка

Входя на кухню, Эдя зацепил макушкой круглую лампу-шар и проворчал, что вот, некому ее перевесить. Хотя дело-то плевое – провод укоротить.

– Кто у нас в доме мужчина? – поинтересовалась Зозо.

Лицо у нее было немного мятое со сна, с розовой складкой на щеке от смявшейся наволочки.

Эдя на всякий случай оглянулся, но никаких мужчин поблизости не обнаружил и понял, что наезд был на него.

– Не надо подлых намеков! И вообще, когда тебя впервые в жизни называют в транспорте «мужчина» вместо «молодой человек» – это царапает по ушам ржавым гвоздем. Хотя, конечно, я и раньше смутно догадывался, что я не девочка.

– У меня было хуже, – печально призналась Зозо. – Вчера какой-то пьянчужка налетел на меня в метро и орет: «Мать, ну что встала? Подвинься! Ты не у себя в селе!»

– Два пинка в одном флаконе – это сильно. Ты не выцарапала ему глаза? – удивился Эдя.

– Нет, только подвинулась. Я была в глубоком шоке... Кстати, ты помнишь, что сегодня суббота?

– Это ты насчет своего влюбленного майонеза? Да, я предупредил приятеля. Он уже морально готов, – с таинственной ухмылкой заверил ее Эдя.

– Леонид не майонез. Он говорил, что в детстве в футбол играл. Вратарем был, – попыталась заступиться Зозо.

Эдя не растерялся.

– Ну и что? В любительском футболе на ворота обычно самых толстых и медлительных ставят. Они больше места занимают, и вероятность, что в них попадет мяч, довольно высокая. В профессиональном – да, там вратари хорошие, ну да это другое дело.

– А, чего? Извини, ты что-то бормотал невнятное... Я не расслышала, – с зевком сказала Зозо, надеясь своей глухотой пресечь разошедшегося брата.

– Ты тоже извини! – не обиделся Эдя. – Да, кстати, я твой мобильник нечаянно разбил. Сел на него.

Зозо сорвалась со стула.

– Что-о-о???

– Шутка. Но смотри: ушки сразу прочистились. Глазки зажглись. До чего, оказывается, просто вылечить твой слух! – обрадовался Эдя.

В задумчивости он открыл холодильник, обзвывая пустые полки. Нашел кастрюльку с двухдневным супом. Понюхал, поднес к окну, чтобы посмотреть на свет, и решил оставить сестре.

– Ладно! На работе поем, – решил он.

Быстро собравшись, Эдя отчалил. Зозо несколько минут просидела на стуле, морально раскачиваясь, а затем решительно встала и отправилась к зеркалу приводить себя в порядок.

– Сегодня или никогда! Никогда или сегодня! – гипнотически повторяла она, обновляя в памяти образ своего избранника.

Она была уже почти готова, когда позвонил Бурлаков и еще раз напомнил про молочный зуб ее сына.

– Да-да, милый! Я уже его взяла! – соврала Зозо, совершенно забывшая про это.

Поиски продолжались минут пятнадцать, пока не увенчались успехом. Зуб Мефа обнаружился в коробке с нитками и иглами, на самом дне, рядом с наперстком и всякой мелочовкой. Прежде чем сунуть его в кошелек, Зозо некоторое время держала зуб на ладони, вспоминая, как маленький Меф с обычным для него маниакальным упорством раскачивал его языком и пальцами, а она, Зозо, пугалась и охала, что он чрезмерным рвением повредит зубу постоянному. И как потом, когда зуб все-таки поддался – синеватый, костяной, с багровым ободком в том месте, где он прилегал к десне, – Меф гордо вручил его матери.

– Пусть будет у тебя! Я для себя завтра другой расшатаю! – великодушно сказал он.

«Может, не отдавать? Ну их, эти исследования!» – на миг мелькнула у Зозо мысль, но тотчас она заглушила ее соображением, что личная жизнь важнее детского зуба, а ведь именно сегодня многое должно решиться.

* * *

Ресторан, в котором Зозо встречалась с Бурлаковым, находился недалеко от гастрономического бомбоубежища Хаврона. Он был чистеньким, пахнул свежей выпечкой и начинался с большого белого холста, на котором известные люди ставили маркером свои размашистые подписи. Подписей было довольно много, что должно было напугать Зозо уважением к этому царству прославленных желудков.

Возле этого холста Зозо, пришедшая раньше назначенного срока, и дожидалась Бурлакова. Заметив машину Леонида, въезжающую на парковку, Зозо испытала внезапную робость и укрылась в женской комнате, где и просидела десять минут, рассматривая в круглое зеркало над раковиной свое испуганное лицо.

– Сейчас или никогда! – повторяла она точно заговор.

Тем временем ее «зубодробилкин» уже сидел за столиком и равнодушно, точно

язвенник, листал меню.

– Прости! Надеюсь, ты не соскучился? – проворковала Зозо, подходя.

– Ничего-ничего! Примерно этого я и ожидал. Пунктуальные женщины – это утопия! Они мне совершенно не нравятся! – сказал Бурлаков.

Его медлительный голос, которым он нередко запугивал пациентов до состояния амебы, потеплел ровно настолько, насколько это было уместно. Зозо порадовалась, что не вышла из своего убежища, даже когда в дверь барабанили.

Подошедшая официантка чем-то напоминала грустного, большеглазого, очень чистенького тушканчика. Зозо так волновалась, что ткнула пальцем в первый попавшийся салат и попросила сок.

– Сок свежесжатый? – уточнила официантка.

– Что? Как хотите! – не расслышав, торопливо сказала Зозо.

– Я лично ничего не хочу! – назидательно произнес тушканчик и удалился на задних лапках.

– Ну как твой сын? Где он сейчас? – приветливо спросил Леонид.

– Сидит дома. Играет на компьютере, – соврала Зозо, не видевшая Мефа уже недели две.

– В прошлый раз ты говорила, что он круглые сутки делает уроки. Или он сутки делает уроки, а следующие сутки играет? – добродушно напомнил Бурлаков.

Зозо с усилием улыбнулась.

– Он очень тихий. Его почти никогда не видно, – сказала она, надеясь, что, когда встреча кандидата в папы и кандидата в сыновья все же произойдет, Меф будет хотя бы без меча и без подружки.

К счастью, Леонид больше не интересовался подробностями жизни девятилетних мальчиков. Он равнодушно взглянул через стеклянную стену на улицу, где стоял его автомобиль, а когда сразу после этого посмотрел на Зозо, той показалось, что взгляд у него блестящий и колючий, как новенький зубной бор.

«А ведь он меня совсем не любит! И не нужна я ему совсем! Ему вообще непонятно что нужно. Прав Эдя: мутный он!» – с внезапной ясностью подумала Зозо.

Ей захотелось встать и уйти. Она даже дернулась, отодвигая стул, но страх одиночества и желание быть счастливой любой ценой приказали ей остаться.

– Как вы относитесь к ревности, Леля? – спросила она задиристо.

Порой Зозо захлестывала лихая волна отваги, и тогда мгновенно становилось очевидно, что она мать Буслаева и сестра Хаврона. Среди кактусов не растут подснежники.

По вялым глазам Бурлакова Зозо прочитала, что к ревности он не относится никак, поскольку она не имеет прямого отношения к его служебным обязанностям.

– Ревность, Зочка, это качество, требующее постоянного эмоционального обслуживания и большого количества свободного времени, – сказал он.

– Не ревновать тоже плохо. Если тебя совсем не ревнуют – значит, ты безразлична. Плевать, где ты, с кем ты, чем занимаешься, о чем думаешь – вообще глобально чихать на тебя, – с убеждением сказала Зозо.

Бурлаков поправил солонку.

– Как-то они ужасно долго ничего не приносят! – сказал он тоскливо. – Понятно, что горячее готовят. Но я же просил вначале кофе! Что они за ним, ослика на базар послали?

Зозо с задержкой улыбнулась. Она испытывала смятение.

– Да, кстати! А где мой зуб? – вдруг вспомнил Леонид.

«Твой – у тебя во рту!» – чуть не ответила Зозо, но сдержалась и смиренно полезла в кошелек. Зуб Мефа Бурлаков разглядывал недолго. Завернул в салфетку и спрятал в нагрудный карман.

– А посмотреть? – спросила Зозо с обидой.

– Посмотреть? Ну да не тут же! – улыбнулся Бурлаков. – Я и так уже по зубику увидел, что в детстве мальчик любил конфетки! Ай-ай-ай! Могу открыть вам профессиональную

тайну, Зочка! Конфеты – лучший друг стоматолога! Если бы их не было, многим из нас пришлось бы искать другую работу.

Зозо хотела ляпнуть, что Меф всегда, даже в три года, гораздо больше конфет любил мясо, но внезапно в дверях увидела своего родного братца. За спиной у Эди маячил встопорщенный и сердитый «здоровый конкурент». Эдя повернулся к нему и что-то шепнул, указывая на столик.

В момент, когда краснолицый, размахивая руками, направился к ним, Зозо осознала, что он изрядно навеселе и находится в той стадии подпития, когда уже хочется совершать героические поступки, но еще не хочется просить за них прощения.

В сердце у Зозо шевельнулось сомнение, что ее план был так уж хорош.

«Прикончу Хаврона!» – пугливой птицей вспорхнула мысль. Однако было уже поздно.

– Привет, Зоя! А я тебя всюду ищу! Вот и встретились! – фальшивым тоном уличного пристава произнес краснолицый, оглядываясь на дверь, в которой то появлялся, то исчезал Эдя.

– Привет! – поздоровалась Зозо, запоздало спохватываясь, что не знает даже имени своего арендованного поклонника.

Краснолицый шевельнул щеточками усов. Неумелая игра компенсировалась старательностью, с которой он выговаривал слова.

– С кем это ты тут, Зоя? Что за мужик? Почему я его не знаю? – продолжал он.

– Леонид, может быть, вы сами представитесь? – предложила Зозо.

Бурлаков стал привставать, нерешительно протягивая ладонь. Краснолицый посмотрел на его руку и сдвинул бровки.

– А ты сиди! – гаркнул он.

Леонид озадаченно хлопнул глазами.

– Простите... – начал он.

– Не прощу! Сидеть, я сказал! Руки держать перед собой! Смотреть на стол! – гаркнул краснолицый. В голове у него что-то замкнуло.

И тут Леонид Бурлаков совершил главную свою стратегическую ошибку. Он вскипел и вскочил, оказавшись головы на полторы выше краснолицего. Видимо, преимущество в росте затуманило ему мозги и он забыл, что в бытовой драке побеждает обычно не самый сильный, а тот, у кого в большей степени отвинтились тормоза.

– Послушайте, уважаемый! Я не позволю, чтобы какой-то гном... – величественно начал он.

Лучше бы он родился глухонемым. Никакая другая часть тела не вредит человеку больше его собственного языка. Если поначалу лицо у приятеля Эди было просто красным, то теперь сделалось отечным. Казалось, ткни его щеку пальцем, она брызнет помидорным соком.

– А ну пошли выйдем! – глухо, уже без всякого актерства сказал он.

– Никуда я с тобой не пойду!

– Пойдешь! Еще как! – мрачно пообещал краснолицый и, ухватив Бурлакова за пиджак, поволок его к выходу, точно упорный буксир неуклюжую баржу.

– Мужчина, держите себя в руках! Официант, вызовите милицию! – пискнул Бурлаков.

– Я те покажу милицию! Сейчас ты у меня получишь и милицию, и полицию! – ласково, как ребенку, пообещал бывший борец, однако обманул и милиции не показал.

Похожая на тушканчика официантка проводила их заинтересованным взглядом. Зозо метнулась следом, но, опомнившись, осталась на месте. В этом самцовском дуэте она явно была лишняя.

В окно ресторана мать Мефа видела, как краснолицый, наседая на Бурлакова, толкает его в грудь и что-то кричит. Полный, крупный, похожий на гуся Леонид шаг за шагом отступает, примирительно выставив ладони и оставляя поле боя маленькому задиристу «гному».

На этом этапе обзор Зозо загородили белые спины любопытствующих официантов.

Повторяя «пустите! да пустите же!», она с трудом протолкалась к стеклу и увидела, что перепуганный Бурлаков чудом заперся в машине и сдает назад, а краснолицый бежит следом, колотит кулаком по лобовому стеклу и что-то выкрикивает.

– Надо же! Дворники оторвал! Додумался же! Не нужно было твоему кексу его обзывать! Получил бы пару щелчков – и всё! – услышала Зозо восхищенный голос брата.

Зозо в гневе обернулась, готовая наброситься на него, но Эдя благоразумно отбежал и перепорхнул на освободившийся стул Леонида.

– Надо же, еще тепленький!.. Старался, нагревал! – сказал он созерцательно.

– Ты мне все перечеркнул! Сказано было: культурную мягкую сцену, а не скандал! Специально нашел психа, да еще и подпоил его! – крикнула Зозо, подбегая и нависая над братом.

– Ты сядь... А то мне как-то неуютно! – попросил Эдя.

– Не сяду! – упрямо сказала сестра и... села.

– А теперь можешь продолжать ругаться! – разрешил Эдя.

– Психа нашел и подпоил!

– А вот и нет!

– А вот и да! А вот и да! – крикнула Зозо.

– Ничуть! Просто мой приятель переживал, что не справится с ролью, вот и хлебнул для храбрости. Твой «зубодробилкин» назвал его гномом, ну и покатилося...

Какое-то время оба молчали. Эдя играл сахарницей, постукивая ногтем по блестящей крышке, а Зозо мысленно разглядывала осколки своего счастья, удивляясь тому, что не так уж и сожалеет.

Эдя взгляделся в сестру и положил руку ей на запястье.

– Ну-ка переведи на меня свои телескопы! – велел он.

Зозо сердито вырвала у него руку.

– Не трогай!

– А ты посмотри на меня!

– Не посмотри! Хаврон! Хаврон! Хаврон! – всхлипнула она, используя удачную фамилию брата в качестве самого близкого ее синонима.

– Хрю-хрю, – покорно согласился Эдя.

Удивленная Зозо вскинула на брата сердитые глаза, увидела круглую радостную физиономию и внезапно для себя хихикнула. Несерьезно так, по-школьному.

– Тьфу! Смотреть противно, какой ты счастливый! Все мне изгадил, а доволен!

– Какое у него глупое лицо было, а! Ты видела? – воскликнул Эдя в восторге. – И вообще я, конечно, свинья, но свиньи животные умные. Они всегда настоящую морковку от ненастоящей отличат. А этот твой зубодробилкин фальшивый. Гниль в нем. Не нужен он тебе совсем!

Зозо вздохнула.

– Бедный Леля! Он теперь, наверное, невесть что обо мне думает, – сказала она.

Однако в этом Зозо ошибалась. Бурлаков совершенно о ней не думал: ни плохо, ни хорошо, вообще никак. Когда первый гнев улетучился, он даже порадовался, что нелепый случай помог ему так быстро и относительно безболезненно (несколько тумачков и оторванные дворники в счет не шли) развязаться с этой абсолютно не нужной ему дамочкой.

Особых пробок на дорогах не было. Казалось, все способствует Леониду для самого скорейшего исполнения его замысла.

Вскоре машина его остановилась возле сада «Эрмитаж». Бурлаков вышел и стал прохаживаться вдоль ограды. Он прошелся раз, другой, третий, нетерпеливо поглядывая по сторонам, но все равно пропустил мгновение, когда мягкий гнутый человечек возник перед ним.

На сей раз Тухломон был в лыжной шапочке, однако самих лыж в руках не держал, а имел только пластиковую офисную папочку с бумагами. Вид у гибкого человечка был занятой и одновременно будто отрешенный. Так ждут посторонних, мимолетных и

малоинтересных людей.

– Ну? – спросил он.

Бурлаков, мерзнувший без плаща, поневоле оставленного в ресторане, торопливо извлек салфетку.

– Это все мне? – приятно улыбнувшись, спросил гибкий челочек.

Леонид молчал. Тухломон развернул салфетку, посмотрел и нежно констатировал:

– Да, мне! Ишь ты! Гадость какая маленькая!

Цепко взяв зуб двумя пальцами, комиссионер, глумясь, вставил его в мгновенно опустевшую пластилиновую десну, а ненужную салфетку скомкал и кокетливо бросил в лоб Бурлакову.

– Мне чужих бумажиков не надо! Покусики! Ну я побрел помалюсику!

Не отделяя слова и дела, Тухломон повернулся и быстро пошел. Бурлаков на секунду застыл в крайнем изумлении, а затем кинулся за ним, хватая за ускользящее острое плечо. Во рту у доктора таинственно запахло зубными пломбами.

– Стой! Куда? Ты же обещал!

Тухломоша неохотно притормозил и повернулся.

– Ну чего тебе, противный? Надоел совсем! – томно сказал он, передразнивая суккубов.

– А вечная жизнь? А президентство над объединенными Америками? А богатство? А совершенное знание? – поспешно крикнул Бурлаков.

Гибкий человечек озабоченно надул щеки.

– Ах да! Чуть не забыл! – сказал он и, таинственно минуя все промежуточные движения, оказался совсем рядом с Леонидом.

– От эйдоса-то отрекаешься, конечно? – поинтересовался он рассеянно.

Бурлаков нетерпеливо подтвердил, особенно не вдаваясь в детали. Вечность стучалась в его двери обеими руками. Какой уж тут эйдос! Человечек с мягким лицом ободряюще кивнул, приветствуя такое решение.

– Ну-ка откройте ротик! Больно не будет! Будет сплошная нирвана! – произнес он до пугающего знакомым голосом – фирменным его, неподдельным бурлаковским баритоном.

Леонид от удивления разинул рот, точно бегемот в зоопарке. Однако ртом его, идеально ухоженным и опломбированным, Тухломон совершенно не заинтересовался. Пластилиновая ручка поднялась и протянулась по самой короткой траектории. Бурлаков с ужасом ощутил, как, нетерпеливо раздвигая ребра, она проникает ему в грудную клетку.

«Разве такое возможно? Рука и вдруг в грудь? Там же сердце! Я умру!» – застучали в виски молоточки паники. Однако прежде, чем ужас стал острым, гибкий человечек извлек ее обратно, сжатую в кулак.

Бурлаков поспешно устави́лся на грудь. Ожидаемой крови и ран не было. Даже одежда не пострадала.

– Вот она – твоя вечная жизнь! Не бойся, вечнее не бывает! Уж и захочешь, чтобы закончилась, ан не закончится! – сказал человечек, на миг открывая липкий кулак, в котором что-то золотилось.

И хотя Бурлаков очень смутно понял, что это, сердце защемило тоской невозвратной потери. Ему стало вдруг ясно, что его надули, обманули – причем очень просто, нагло и цинично. И что вдвойне обиднее – совсем уж мимоходом.

– Ну почему? Почему? Я же не сражался со злом! Никого не трогал! Все делал, как мне говорят! За что вы меня так? – крикнул он через вскипевшие детские слезы, такие смешные в почти уже сорокалетнем мужчине.

Тухломон остановился и осклабился зубками, на которых он, по особой договоренности с мраком, прорасщивал новые разновидности кариеса.

– Кисик, кого теперь волнует, что ты не сражался со злом? Главное, что зло с тобой сражалось!.. Но все уже в прошлом! Чао, бамбино! Сверли зубки и не скучай!

Он пакостно подмигнул Бурлакову наглыми глазками, щелкнул пятками и исчез.

Глава 8

Щеголь из Тартара

Усталость или псевдоусталость – это чувство, посылаемое не от света. Не свет говорит тебе после пяти минут труда: «Ты устал! Перегорел! Ничего не можешь! Свесь лапки и не борись!» Где нет накала – там нет и преодоления. Ну-ну, не плачь! Устраивать истерики тем более дурной тон. Истерика – дочь лжи и внучка беспомощности.

Эльза Керкинитида Флора Цахес
«Общее человековедение»

С момента исчезновения Антигона истекал уже второй день. Ирка искала его сама, поставила на уши всех валькирий, однако поиски кикимора ни к чему не привели. Он как в воду канул. Остальные валькирии, к ужасу Ирки, отнеслись к пропаже оруженосца как-то пугающе по-деловому, без большого сочувствия и трепета.

– Если у охотника медведь ночью в лесу собаку украл – ее проблемы. Почему заснула? Почему не лаяла? Кто кого сторожить должен? – отрезала Таамаг.

Гелата же, утешая, сказала:

– Посмотри на свое копье! На наконечнике ржавчина есть?

Ирка вызвала копье и посмотрела.

– Нет.

– Вот и не трясись! Значит, он жив и ему сравнительно неплохо. Если ржавчина появится, но будет легко оттираться – значит, ему плохо, но он опять же жив. А вот если ржавчина станет глубокой, сухой и оттереть ее будет невозможно, вот тогда да, действительно капут... И, смотри, сама будь осторожна! Чуть что – вызывай нас всех!

Ирка хотела спросить еще что-то, но подмосковная валькирия уже отвлеклась и, вспомнив о чем-то, радостно затараторила в трубку:

– Знаешь, чего мой-то учудил? Я попросила его поменять провод в настольной лампе! Он взял, отрезал провод от фена и поменял! Я ему говорю: а завтра, когда мне фен будет нужен, ты что, обратно от лампы его отрезать будешь? Нет, говорит, от тостера отрежу! Хоть бы его, дурака, кто-нибудь украл!

Ирка осторожно опустила трубку рядом с рычажками. Жаловаться на своего оруженосца Гелата могла часами, и собеседник ей для этого, по большому счету, требовался только в качестве декорации.

Наше обычное бытовое время делало то, что оно всегда делает, когда ему совсем уж нечего делать, а именно шло. То ускоряясь, то замедляясь, стрелки на круглых кухонных часах проглатывали часы и невкусно давились минутами. Капала вода в кране. Вспыхивала и гасла электрическая лампочка. Трясся гневной ревматической дрожью старый холодильник, обиженный на жизнь и на продукты, заточенные в железном его чреве. Плакал и булькал слив в ванной, когда кто-то включал стиральную машину.

Изредка в небольшое окно заглядывали солнечные лучи и с любопытством прыгали на постерах, разглядывая коротконогих серфингисток, на одноцветных купальниках которых бесцеремонный фломастер записал уже чьи-то телефоны и расписание зачетов.

Мало-помалу Ирка привыкала к питерской квартире валькирий. Привыкала к Багрову, по утрам имевшему гусарскую привычку с уханьем принимать ледяной душ. Привыкала к соседям – как к любителю спортивных велосипедов, ловкому, татуированному, похожему на цыгана парню, так и к хлопотливо-болтливой Инге Михайловне.

О своих чувствах к ней Матвей больше не заговаривал. Лишь однажды возник опасный момент, когда он затронул эту тему. Ирка напряглась, но оказалось, что можно было и не напрягаться.

Багров заметил на столе забытую с обеда колбасу, убрал ее в холодильник, захлопнул его и только потом уже продолжил говорить о любви.

– Вот она – иерархия ценностей! – сказала Ирка.

«Коммунальная жизнь» не так сильно угнетала валькирию-одиночку, как ей казалось вначале, хотя существовали, конечно, и минусы. С другой стороны, все зависит от того, как смотреть на неудобства: радостно или с ропотом. Если с ропотом, то ни к чему, кроме приумножения и без того сильной общемировой вони, это не приводит и не приведет.

В первый же вечер Инга Михайловна начала приставать к Ирке, требуя у нее московский номер хозяйки комнаты «для серьезного разговора о бесцеремонных пришельцах», как она выразилась. Ирка дала ей телефон Фулоны. Как протекал разговор, Ирка никогда не узнала, так как он велся зловещим шепотом из закрытой комнаты, куда соседка демонстративно втянула шнур телефона. Но, видимо, валькирия золотого копья сумела найти веские аргументы, потому что энергичная дамочка долго ходила точно оглушенная и пластиковую бутылку из-под постного масла выбросила в ведро с подписью «перегнивающие отходы», чего не случалось с ней уже лет семь.

На другой день, впрочем, Инга Михайловна вполне уже пришла в себя и накинулась на Багрова, когда он взял на кухне не ту вилку.

– Ваши вилки – алюминиевые, с белыми пластиковыми ручками! Неужели так сложно запомнить? Я не хочу есть одними вилками с молодежью! Это негигиенично! – заявила она.

Багров не стал спорить. Ему надо было идти на улицу сменять Ирку на площадке, где она терпеливо сидела на скамейке, уже узнаваемая местными бездомными псами и молодыми мамами, которые, бегая с детскими колясками, ловили в сыром городе солнечные пятна.

Хотя Фулона и велела ей вести за площадкой скрытое наблюдение, Ирка не совсем понимала, где ей скрываться и как. Притворяться юной спортсменкой, которая носится вокруг песочницы для истончения талии, а больше от полноты лошадиных сил? Сидеть на корточках в редком кустарнике, рождая у нездоровых людей нездоровые ассоциации? Или бродить по бензоколонке, назойливо умоляя пасмурных дяденек плеснуть девяносто пятого бензина в карманную газовую зажигалку? В результате, поколебавшись, Ирка решила, что будет просто сидеть на скамейке с ноутбуком на коленях и что-нибудь читать или писать, если внешний свет не будет забивать экранный.

За этим занятием и застал ее утром Багров. Ирка сидела на скамейке, дула на пальцы, мерзла, но не переставала печатать. Матвей остановился шагах в пяти. Он стоял и смотрел, как Ирка мгновенно и чутко касается клавиатуры пальцами. Если ей надо было заменить слово, она не удаляла его целиком, а выискивала какую-нибудь общую букву или слог, тщательно обстригала вокруг все лишнее и дописывала.

– Зачем ты это делаешь? Так же долго! За то время, что ты возишься, ты со своей скоростью предложение напечатаешь! – удивленно спросил Багров.

Ирка, не заметившая его прежде, резко обернулась и попыталась захлопнуть ноутбук, но, поняв, что Матвей не вчитывался в текст, успокоилась и ограничилась тем, что закрыла файл.

– Мне его совсем убивать жалко. Для меня слово живое. Пусть хоть одна буква, но уцелеет, – пояснила она.

Матвей сел рядом. Скамейка была холодной и влажной.

– Ты что, так всю ночь и просидела? – спросил Багров.

– Нет. Ночью морозно было. Я бродила.

– И что, видела чего-нибудь особенное?

– Нет.

– Совсем ничего?

– Совсем, – сказала Ирка, смутно припоминая, что ночью, незадолго до рассвета, ей показалось, будто где-то здесь, шагах в десяти, между турником и детской горкой, вызолотился небольшой квадрат.

Продолжалось это так мимолетно, что Ирка приписала все своему воображению, а тут еще, почти одновременно, за домами всплеснул быстро скрывшийся в тучах диск

свежерожденного солнца. Ирка сразу же связала загадочное пятно света с солнцем, и мозг ее, получив необходимую для самоуспокоения логическую связь чуда с материальным событием, успокоился.

За ужином у Инги Михайловны обнаружился еще один бзик.

– Она кормит собаку своими ногтями! – в ужасе выдохнула Ирка, выскакивая на улицу к Багрову.

Они дежурили по очереди, двенадцатичасовыми сменами.

Матвей прохаживался по площадке, с подозрением поглядывая на трех шумливых туристов, которые, расстелив на скамейке газету, нарезали на ней докторскую колбасу и хлеб.

– Чего-чего? – не понял Матвей.

– Я же объясняю: *постригает ногти и скармливает своей собачке!* Это все равно что людоедство!

– Вполне закономерно для последовательного эколога. Что такое ногти? Кальций, белковые цепочки и так далее. Вот если бы она кормила собаку твоими ногтями, да еще бы отмахивала их кухонным топориком вместе с пальцами, тут я бы насторожился, – равнодушно сказал Багров.

Как ученик волхва и отчасти некромаг, он смотрел на многое рационально. Собачка у соседки была компактная, карманной породы.

Успокаивая Ирку, он налил ей кофе из предусмотрительно захваченного с собой термоса. Матвей даже на дежурстве ухитрялся устраивать свой быт лучше, чем Ирка устраивала его дома, под крышей.

– Могу я что-нибудь для тебя сделать? – спросил он.

– Да. Купи мне перчатки, – сказала Ирка, грея пальцы теплом дымящейся крышки.

Багров покосился на прикинувшую к трубам луну, грустно слушавшую их разговор.

– Днем надо было сказать. Сейчас магазины уже закрыты, а с прохожих снимать гуманизм не позволяет.

Ирка надула губы, как ребенок, которому объяснили, что, несмотря на всю любовь к своему замечательному потомству, папуля не может свинтить часики с башенки, которая стоит на Красной площади. И вообще не захватил с собой отвертки.

– Вот и я о том же! Весь мир тебе подарить готовы хоть сейчас, а как до перчаток дело доходит, так магазин, оказывается, закрыт, – сказала Ирка.

Ворчала она, правда, напрасно. Перчатки Багров ей все равно где-то раздобыл, даже и среди ночи. Успокаивало то, что они были с ценником. Значит, не с дяди снял.

* * *

Ночью, часов после трех, Ирка, не зная по какой причине, ощутила навязчивое беспокойство. Она встала с толстой картонки, которую постелила на скамейку, чтобы не так холодно было сидеть, и, скинув капюшон, настороженно обошла площадку, сжимая в руке спешно вызванное копьё.

«Может, валькирий вызвать? Хорошо, допустим, я их вызову и что скажу? Что мне тревожно?» – размышляла она, пытаясь наступить на голову обвиняющей ее змее страха.

Внешне для беспокойства не было никаких причин.

На песочницу никто не посягал, и орды гуннов не штурмовали детскую горку. Насморочные тучи жались к крышам. В порту неуклюже, как краб, ворочался кран. Ярко освещенная бензоколонка лежала напротив, точно прилипшее к земле пятно света.

Ирка переключилась на истинное зрение, но и истинным зрением не увидела ничего опасного. Даже ползший по стене доходного дома по Большому проспекту старый суккуб с полным рюкзаком мерзких снов и, кашляя, точно усталый почтальон, рассовывавший их в форточки, не заинтересовал ее. Высвеченный Иркиным вниманием суккуб на мгновение застыл, оглянулся и тотчас, не дожидаясь копья, сгинул.

«Сразу видно: стреляный воробей. Реакция должна опережать событие. Испугался – сначала убеги, а потом уже думай», – одобрительно подумала Ирка.

Вот только не все, что хорошо для суккуба, хорошо для валькирии. Суккубу просто – испугали его, помчался в другую часть города и там снова знай себе расставляй скверные сны-удочки. Расставил, сиди и жди, где клюнет. А что делать ей? Площадку-то с собой не утащишь.

Ирка вздохнула. Сунув копьё под мышку, она стала греть в карманах руки и неожиданно для себя обнаружила там плитку шоколада.

«Багров! – поняла она. – Тоже мне паж нашелся! А что, правда, возьму его в пажи! Некромаг, подсовывающий в карман шоколадки, это мощно».

Съев шоколад, Ирка приободрилась. Страх не то чтобы ушел, но как-то временно отодвинулся и сделался не таким сильным. Точно человек, искавший тебя в этой комнате, перешел искать в соседнюю.

Сама не зная зачем, Ирка забралась на горку и скатилась. К ее удивлению, это не подарило ошеломляющего замирения в груди, как бывало в раннем детстве. Собрав на джинсы холод и мокрую ржавчину, Ирка разочарованно отошла от горки.

«Никогда не повторяй того, что тебе нравилось в детстве! Потеряешь прекрасное воспоминание!» – вспомнила она совет Бабани, которая однажды, в зрелые уже годы, сломала зуб, вздумав купить такого же петушка на палочке, как дарила ей когда-то мама. То ли сахар изменился, то ли память отомстила, но петушок клюнул-таки ее красной своей головой.

Когда небо забрезжило ожиданием рассвета, Ирка, встрепенувшись, перешла туда, где вчера видела золотистый квадрат, и остановилась там. Ни на какое чудо она себя не настраивала и ничего особенного не ожидала.

«Если тебе дано увидеть – увидишь сама!» – вспомнила она напутствие Фулоны.

В истинном чуде нет никакой мистики. Оно абсолютно естественно, неназойливо и чаще всего почти неприметно. Все пышные чудеса являются в большинстве своем ложными и уж точно идут не от света.

Переминаясь с ноги на ногу, Ирка стояла и дула на замерзшие пальцы, ловя дыхание сложенными ладонями. Копьё она к тому времени заставила уже исчезнуть и была очень довольна, что то послушалось. Ходить с ним долго не особенно удобно. Удовольствие это ниже среднего, а романтика скоро выветривается.

В миг, когда над крышей дальнего дома стал проявляться розовый ободок, что-то легко и неуловимо подуло Ирке в глаза. Она моргнула и в тот краткий момент моргания, когда глаза ее были закрыты, внезапно увидела начало длинной, из тысяч и тысяч ступеней, прозрачной лестницы, уходившей ввысь. Она, Ирка, стояла у самого ее подножья, шагах, быть может, в трех от первой из ступеней.

Ирка от неожиданности распахнула глаза, а когда вновь, секунду спустя, закрыла их уже специально, то вместо лестницы увидела лишь обычную черноту. Сколько она после ни моргала и ни стояла с закрытыми глазами, лестницы так и не увидела.

Все, что у Ирки осталось, – это та первая, захваченная памятью яркая картинка. Диск солнца уже приподнялся над домом. Две большие, навечно прописанные в Питере тучи медлительно подползали к нему, точно рыхлые слизни к сочному плоду.

Солнце и подняться еще не успело, а слизни уже забрались на него и закрыли, и только изредка дряблые тела их, трескаясь, освещались изнутри живыми алыми полосами.

Примерно час спустя Ирка оставила свой пост и поднялась в квартиру. Матвей уже встал и поджаривал на сковородке большой кусок вырезки, щедро поливая его маслом и добавляя много перца. Рядом с Багровым стояла Инга Михайловна и, держа под мышкой откормленную ногтями жирную собачку, критически наблюдала за его действиями.

Когда соседка удалилась, Ирка рассказала Багрову о своих ночных страхах.

– Сама не пойму. Суккуба я, что ли, испугалась? – сказала она виновато.

Матвей ухватил сковороду за ручку и, подбросив вырезку, ловко поймал ее уже другой

стороной.

– Страхи бывают тройкого рода. Первый – когда человеку есть чего бояться, и он боится. Второй – когда бояться нечего, но он все равно боится. И третий, когда бояться есть чего, но человек этого не боится, а боится чего-то совсем иного, чаще всего надуманного, – назидательно произнес он.

– И какого же рода мой страх? – спросила Ирка.

Этого Багров не знал.

– Может, первого. Но не исключено, что и третьего, – сказал он.

* * *

Поев, Ирка ненадолго прилегла отдохнуть. Матвей же вышел на улицу. На площадке стояла девчонка лет одиннадцати с пятнами грязи на жеребьчих коленях. Она бросала мяч, и его желтое упругое тело отпрыгивало от стены ей в руки. Изредка девчонка бросала мяч слишком сильно, не успевала поймать его и, заранее ойкая, лезла в кустарник доставать.

Решив, что на шпионку мирового зла девчонка не тянет, Багров подошел к турнику и, выполнив подъем с переворотом, сел на перекладину. Минут через десять девчонку позвали, и она, пискнув: «Сейча-а-ас!», умчалась.

Багров машинально проводил ее взглядом, а когда вновь повернулся, то увидел троих мужчин. Последний как раз заканчивал выходить из глухой стены и с недовольным лицом оглядывался, проверяя, не застрял ли каблук.

Матвею потребовалось не больше секунды, чтобы понять, кто перед ним. Спрыгивая с турника, Багров огляделся. Площадка опустела. Даже движение автомобилей по Большому проспекту странным образом прекратилось.

В рядовых случаях тартарианцы, посещая человеческий мир, пытаются все же замаскироваться. Не потому, разумеется, что им важно мнение смертных, но хотя бы из опасения без предупреждения быть атакованными боевой двойкой златокрылых. Однако эти трое не потрудились даже натянуть морок.

Двое – те, что шли по краям, – были в темных, прожженных лавой плащах. Под плащами поблескивали нагрудники. В них были вделаны защитные кольца, в которые многие стражи мрака предпочитали во время боя вставлять дархи, чтобы метавшаяся на цепи сосулька не стала легкой добычей меча или маголодии.

Оба маленького роста, но крепкие, почти квадратные. У того, что слева, отрубленное ухо смотрело темным слуховым провалом. Видимо, тем же ударом у него был стесан край скулы. Выглядело это жутко – точно скол по мраморной голове статуи.

Напарник безухого был абсолютно лыс. Единственной растительностью у него на лице служил жесткий темный пучок под нижней губой. Там, где взгляд его узких, точно прорезанных глаз скользил по асфальту, прочерчивался белый след изморози.

Страж с отрубленным ухом был вооружен боевым топором. Лезвие топора узкое, как у томагавка, но рукоять гораздо длиннее, что едва ли позволяло использовать оружие как метательное. Оружием другому служил индонезийский меч-педанг.

Однако Багров безошибочно ощутил, что основная угроза исходит не от этой парочки дуболомов, а от того, кто небрежно и будто кокетливо идет между ними. Казалось, Матвея он вообще не замечает, а опасается лишь, случайно наступив в лужу, забрызгать до блеска начищенные сапоги.

Это был молодой, изящный страж с женственным лицом, темными тонкими бровями и такими же темными тонкими усиками. Для тартарианца кожа лица его была странно белой и нежной, с голубоватыми и тонкими прожилками. Даже дарх у него отличался щеголеватостью. Не серебристый, а полупрозрачный, подчеркнуто хрупкий, похожий на елочную игрушку-сосульку. Единственный из троих он казался безоружным. Создавалось впечатление, будто этот юный тартарианский щеголь никогда не обременяет свою ладонь ничем, что способно испортить его ухоженные жемчужные ногти.

Багров шаг за шагом отступал, выгадывая лишние секунды. Мозг его лихорадочно просчитывал варианты, вынужденно выбирая между неудачными и самыми неудачными. Материализовать клинок он не пытался. У ученика волхва хватало опыта, чтобы понять: победить он не сможет. Не только хрупкого и тонкого, у которого не было даже меча в руке, но даже и кого-то из его спутников.

Да и станут ли стражи мрака честно с ним сражаться? Если они и соблюдают подобие благородства, то лишь в битвах между своими. Кто он для них? Просто досадная помеха. Сор, который надо смести по пути к цели.

Искать помощи? Но вызвать валькирий способна только Ирка. Если же мысленно призвать сейчас Ирку, то, пока она проснется и примчится, он, Багров, будет уже мертв, да и она сама погибнет, вступив в неравный бой. Нет, звать никого нельзя. Там, наверху, Ирка в безопасности. Здесь же в битве против троих она обречена. Возможно, кого-то одного копьё ее и поразит, но другие двое не станут дожидаться, пока копьё вернется к одиночке для нового броска.

Повернуться и побежать, чтобы бесславно умереть от раны в спину? стыдно, позорно и бесполезно.

Телепортировать? Не успеет подготовиться и размажется где-нибудь по дороге. Или того хуже – кто-то из темных выбросом воли перенаправит телепортацию в Тартар, и он материализуется уже там, среди выжженных и холодных его равнин.

Прежде Матвей множество раз представлял свою смерть. Он проигрывал ее и так, и иначе, окружал самыми разными деталями, но никогда не предполагал, что она будет именно такой.

Страх просачивался каплями, точно вода из трещины. Он сжимал сознание, и из него, как из кухонной мочалки, лезла та грязь, что, возможно, хранилась там годами. Кружилась голова. Мысли становились все тесные, невеликодушные, скверные.

Щеголеватый страж, казалось, отлично понимал, что происходит в душе у Багрова. Он остановился, коротким жестом приказывая остановиться своим спутникам, и пальцем поманил Матвея к себе.

– Боишься, ученик волхва? Знаю, что боишься. Хочешь жить – иди сюда! – окликнул он его ломким и женственным, как и сам он, голосом.

Услышав насмешливый голос, Матвей вспылел. Мысль, что последнюю минуту жизни надо прожить достойно, выплеснула в кровь его благородную ярость. Багров понял, что тартарианцы не прочь взять его и допросить, а раз так, то этого и нельзя им позволить. Продолжая отступать, Матвей дернул «молнию» на куртке, радуясь, что она открывается как сверху, так и снизу.

– Эй, суккуб! У меня для тебя подарочек! Лови! – крикнул Матвей.

Менее всего он желал попасть в руки стражей мрака живым, а раз так, то лучше оскорбить их посильнее, чтобы выдержка их оставила.

Оскорбление подействовало. Действительно, щеголеватый страж был похож на суккуба куда больше, чем ему самому хотелось признавать. Изрубленные физиономии дуболомов озарились ухмылками. Молодой страж заметил это едва ли не раньше, чем сам Багров. Ноздри у него раздулись от гнева.

– С вами я поговорю позднее! А ты дошутился, парень! – сказал он, и в руке его сверкнул вдруг блестящий, тонкий и прямой меч.

Продолжая держать меч опущенным, он быстро, точно скользя, устремился к Багрову. Оба его спутника незамедлительно последовали за ним, отставая самое большее на шаг.

Матвей повернулся, как бы затем, чтобы убежать, но на деле, чтобы рука смогла незамеченной скользнуть под куртку, туда, где в подкладку вшиты были несколько узких карманов. Едва пальцы коснулись легких, без накладок рукоятей, он рывком распрямился и почти без интервала метнул четыре ножа. Ножи эти были постоянными его спутниками. Выкованные в Эдеме, они не отражались темной магией и вполне могли доставить хлопоты тартарианцам.

В момент, когда последний из ножей оторвался от ладони Багрова, расстояние между ним и изящным, как эльф, красавчиком было не более трех метров. Все ножи были брошены технически правильно, без чрезмерной силы, плавно, быстро и неожиданно. Промаяхнуться Багров не мог, однако лишь один из четырех ножей попал в цель, вонзившись в предплечье тому из троих, у которого стесана была скула и отрублено ухо. Как Багров и предполагал, он оказался самым медлительным. Остальные двое успели среагировать. Что касается красавчика, то он, продолжая приближаться, отразил нож лезвием меча с такой царственной небрежностью, словно Багров запустил в него гнилой палкой.

Прежде чем Матвей осознал, что безоружен, щеголеватый молодой страж, подбежав, без размаха ударил его гардой меча вначале в живот, а затем в подбородок. Оба удара, разные по уровням, нанесены были почти мгновенно. Матвей потерял сознание даже быстрее, чем испытал боль. Колени подогнулись. Тело его, качнувшись, мягко упало на песок. Количество в очередной раз восторжествовало над качеством и, попинав его ногами, удалялось, лихо сплюнув в сторону.

Красавчик краем меча небрежно повернул лицо Багрова к себе.

– Я передумал убивать тебя быстро. Ты ведь хотел этого, не так ли? Не люблю, когда меня считают идиотом! В Тартаре я покажу тебе, почему туда не стоит рваться. А на свет особенно не надейся: к тем, кто баловался некромагией, у него своего отношение, – пообещал красавчик бесчувственному телу и, повернувшись к одному из своих спутников, властно дернул подбородком.

Страж с педангом неохотно наклонился и, перебросив Багрова через плечо, без усилия выпрямился. Молодой страж, не оглядываясь, уже быстро шагал по площадке, в рассеянности переводя взгляд с турника на горку и обратно. Казалось, он ищет чего-то, но что, не знает и сам, и это порядком его раздражает.

Безухий тартарианец наконец вырвал из предплечья нож и с рычанием отшвырнул его в сторону. Из раны короткими толчками била кровь.

– Закрой рану, Флаат! Кровь хлещет из тебя, как из свиньи! – с досадой приказал ему щеголеватый.

– Я не могу. Нож эдемский.

– Тогда заткни ее чем-нибудь! Меня раздражает кровь, которую пустил не я! Ты что, не видел ножа, когда он летел?

– Я думал, он летит не в меня.

– Сочувствую. Индюк тоже считал, что хозяева кормят его, потому что он важный и красивый.

Безухий попытался улыбнуться, но улыбка получилась больше похожей на оскал. Его рукав с каждой минутой намокал от крови все больше. Капли ее уже текли по пальцам и, срываясь на асфальт, с шипением и дымом прожигали его.

– Ладно, идем! Тебя надо срочно доставить в Нижний Тартар! Такие раны рубцуются только там, – принял решение красавчик.

Он сделал шаг, однако прежде, чем остальные успели последовать за ним, чей-то властный голос настиг его.

– Гопзий Руриус! Оглянись!

Щеголеватый вздрогнул и оглянулся.

Эссиорх был не один. Из-за плеча его выглядывал Корнелий. В одно и то же время он ухитрялся поправлять очки и подносить к губам флейту. Но и это было еще не все. В сияющем квадрате, который с утра видела Ирка, в ряд стояли еще четверо златокрылых.

«Красавчик» быстро прикинул расстояние. Восемь шагов и пять готовых к бою флейт – для любого стража мрака это арифметика смерти.

– Шестеро против троих. Причем один из нас ранен, а другой тащит на плече эту падаль, которая мешает ему быстро двигаться. Это вы называете честным боем, светлые? – процедил он сквозь зубы.

– Когда вы напали втроем на одного, честность вас не заботила, – логично заметил

Эссиорх.

Гопзий озадачился, впервые обратив внимание на эту маленькую несуразность. Темные порой могут нащупать края собственного эгоизма, а вот увидеть его дно – никогда.

– Ну так это такой один, что для равного боя с ним мне пришлось бы сражаться одним пальцем, – наконец нашелся он. – Вас-то всё равно шестеро!

Эссиорх предусмотрительно отвел голову, чтобы воинственный Корнелий, вертевшийся как флюгер, не ткнул его флейтой в глаз. В реальном бою находиться рядом с таким вот Корнелием опаснее, чем оказаться в окружении врагов. От тех хотя бы приблизительно представляешь, чего ожидать.

Эссиорх увидел Багрова, чьи повисшие руки покачивались при каждом движении несшего его стража, и зрачки его сузились.

– Пусть твой приятель положит его на землю, и очень осторожно, если сам хочет жить! – посоветовал он.

Страж с педангом медлил повиноваться. Напротив, он придвинулся ближе к Гопзию и встал так, что тот при желании легко пронзил бы Матвея своим жалящим клинком.

– Да. Но мы его не убили. Даже подобрали за собой мусор! – вспомнил Гопзий.

Златокрылые пришли в движение и, рассыпавшись, теперь окружали их, отсекая все пути к бегству. Стражи света не переносят глумления над человеком. Спутники Гопзия тревожно завопили. Тартарианцы всегда ощущают, когда свет *действительно* разгневан.

– Положите его на землю! – тихо повторил Эссиорх.

Тонкая бровь Гопзия вопросительно изогнулась. Быстрым движением подняв меч, он коснулся им шеи Багрова.

– Надо ли понимать, что, если мы не тронем заложника, нам позволят удалиться? – уточнил он.

Истинный страж мрака никогда не перестает просчитывать варианты. Никаких особенных принципов в жизни у него нет, мораль относительна, идеалы условны, желание погибнуть за Лигула тяготеет к нулю, а раз так, то можно и поторговаться.

Эссиорх не ответил, однако Гопзий верно уловил его колебание. Страж с пучком волос на нижней губе вопросительно оглянулся на Гопзия. Тот, помедлив, кивнул. Страж послушался и, опустив Багрова на землю, с глумливой заботой подложил ему под голову капюшон.

– Теперь проваливайте! – велел Эссиорх, замечая, что лица сопровождавших его златокрылых выразили крайнее разочарование. Они уже мысленно закатывали стражей мрака маголодиями в асфальт.

Однако уважение златокрылых к чужому слову столь велико, что ни один из них никогда не нарушит обещания, данного другим светлым, даже если втайне считает его поспешным или неосторожным.

Гопзий и страж с педангом не заставили просить себя дважды и исчезли в ту же секунду. Страж с топором тоже исчез, но на несколько кратких мгновений позже. Как ни крути, а все-таки он слегка притормаживал.

– Ну и урод же этот Руриус! Я еле сдержался, чтобы его не прикончить! – едва погас круг телепортации, категорично заявил Корнелий.

Эссиорх подошел к Багрову и, опустившись на колени, осторожно коснулся пальцами его шейной артерии.

– Откуда ты знаешь, что урод? Вроде не похож на урода, – сказал он рассеянно.

– А я говорю: урод! У меня на уродов чутье! От них нравственно смердит, как от гниющей рыбы. Кстати, Эссиорх, а как ты узнал, что это Гопзий? Ты с ним раньше не встречался?

Хранитель покачал головой.

– Не доводилось. Но нам, помнится, показывали портреты лучших бойцов мрака.

– Кто один из лучших бойцов мрака? Этот тощий, дерганый шкет?! – вознегодовал Корнелий, сам, как известно, не отличавшийся толщиной. – Жаль, я с ним не схлестнулся!

На шесть и по хлопку! Даже не на шесть! Таких пижонов и на два мочат!

Один из златокрылых, не выдержав, хрюкнул от смеха, после чего все четверо быстро исчезли, кивнув хранителю. Корнелий же продолжал прыгать вокруг Эссиорха, продолжая объяснять, как сильно повезло Гопзию, что он, Корнелий, его не узнал.

– Слушай, не носись! Ты мне все глаза песком запорошил! Если тебя злит, что Гопзий твой ровесник, а уже один из лучших бойцов, то имей совесть это признать. Чего ты тут прыгаешь, будто в тебя вселился бешеный глист? – проворчал Эссиорх.

– Нет, ты послушай! Я его насквозь вижу! Такие, как Гопзий, притворяются последовательно плюющими на чужое мнение, а сами три дня могут проторчать в ванной, незаметно выдавливая какой-нибудь прыщик! Авторитетов как будто не признают, но если случайно услышат, что сапоги с тупыми носками уже не носят, скорее повесятся, чем их наденут... Это не страж мрака, а сплошное гниющее самолюбие!.. И девчонок небось еще клеит, собака!

– Корнелий! Остынь! – терпеливо повторил Эссиорх. – Хочешь заняться самокритикой – отойди в сторонку! Я тут человека в чувство привожу!

Племянник Троила нахохлился и, попытавшись обидеться, отошел от хранителя шагов на пять.

Когда несколько минут спустя Ирка, ощутившая внезапную тревогу, появилась во дворе, Эссиорх все еще хлопотал над Багровым. Матвей открыл глаза, однако пока смутно осознавал, где он.

Корнелий, которому требовалось спустить воинственный свой пыл, возбужденно подпрыгивал и обстреливал ослабленными маголодиями скомканную газету, которую ветром проносило по Большому проспекту. По газете он так ни разу и не попал, зато в клочья разнес одно из задних колес проезжавшего трейлера, после чего ему осталось только сделать вид, что туда он и метил.

– А, валькирия-недоодиночка! – нарочито путая слова, приветствовал он Ирку. – Утро доброе! Мы тут бьемся-бьемся, а она чай прохлаждается!.. Почему ты вышла?

– Да как-то не спалось совсем! Места себе не находи... – рассеянно начала Ирка и вдруг вскрикнула.

Заметив Багрова, она метнулась к нему. Матвей полулежал, опираясь на локоть, и отрешенно, плохо узнавая, смотрел на Ирку. Мир медленно собирался из осколков.

– Я точно чувствовала! Ну просто как знала! – воскликнула Ирка со слезами.

Корнелий так расхохотался, что уронил сначала флейту, а потом и очки. Поднял и то, и другое, после чего флейту уронил еще раз, а очки больше не ронял.

– Обожаю женскую интуицию! После того, как тебе свалится на голову кирпич, женщина непременно скажет, что вещее сердце подсказало ей это еще вчера!.. А сны снились так еще неделю назад! Одно непонятно: с какой радости она потащила тебя мимо стройки, когда ты преспокойно сидел дома с книжкой и даже не собирался выпираться из дома?

Ирка не ответила. Она вообще не слушала, что он там лепечет. Чувство вины глодало ее, как сто тысяч мелких голодных крыс. Ирка схватила Эссиорха за запястье.

– Он будет жить? Скажи: будет? Только не скрывай ничего: мне нужно знать!

Эссиорх задумался. Хранители, как известно, любят честные ответы на вопросы.

– Вообще-то смерти как таковой не существует. С другой стороны, если имеется в виду физическая жизнь данного тела, тут какие-то сроки, конечно, есть, – сказал он.

– Сколько? – жадно спросила Ирка.

– Ну лет пятьдесят еще точно. В зависимости от состояния организма и при условии чуть более заботливого отношения к своей голове, – уточнил Эссиорх.

Корнелий принялся ржать, после чего Ирке оставалось только левой рукой резко рвануть его за стопу, правой придерживая колено. Ойкнув, Корнелий плюхнулся на землю и, охарактеризовав Ирку не понимающей шуток истеричкой, стал искать улетевшие очки.

Прошло еще добрых пять минут, прежде чем Багров окончательно оправился от удара

и сумел рассказать, как все было.

– Вы-то откуда здесь? – спросил он.

– Да, в общем, оттуда и появились, что вы охраняете. К сожалению, едва не опоздали, – с улыбкой пояснил Эссиорх.

Ирка решила, что пришла пора брать быка за рога.

– Может, ты все-таки перестанешь играть в тайны мадридского двора и ясно скажешь: *что именно мы охраняем*? А то сначала Фулона мудрит, потом ты!.. Если уж и темные знают, то от кого вообще секрет? – спросила она с негодованием.

Эссиорх смущенно закашлялся, в нерешительности поглядывая на Корнелия.

– Видишь ли... Тут не все так просто. Есть истины, которые не познаешь раньше, чем до них дорастешь. До этого же момента даже и говорить о них не следует.

– Хочешь сказать: я не доросла?

Эссиорх уклонился от прямого ответа.

– Ты что-нибудь видела? Я имею в виду: *видела ли ты хоть что-нибудь сама*? – спросил он осторожно.

– Да, – подумав, ответила Ирка.

Эссиорх вновь посмотрел на Корнелия. Тот недоверчиво вытянул губы.

– Где? Там, где я стою? Точнее, ползу! – сказал он и, наконец найдя очки, на четвереньках отбежал в сторону.

Ирка осмотрелась.

– Нет, гораздо дальше. Здесь! – уточнила она, решительно вставая туда, где ночью зажегся сияющий квадрат.

Эссиорх и Корнелий уставились друг на друга.

– Все верно! – сказал Эссиорх.

– Ну разве я не говорил многократно, что все женщины гении, а которые не гении, тем попросту надоело ими быть! – завопил Корнелий. – Конечно, она видела! Это был большой сверкающий камень размером примерно с меня, не так ли? Не то чтобы рубин, но красноватый такой, вроде рубина – так, да?

Ирка удивленно моргнула.

– Камень? Почему камень? Мне показалось, что это была лестница!

Глава 9 Заботливый недруг

Люди – совмещающиеся сосуды. Злоба одного мгновенно ощущается другими и становится их собственной. Даже скрытую злобу не спрячешь. Так же и свет становится светом тех, кто рядом, при условии, что в первое мгновение ты не позволишь мраку и недоверию захлестнуть твой огонек.

«Книга Света»

– Ждать нэ надо? – сипло спросил Мамай.

Сегодня он был на желтой «Волге» с шашечками, непрерывно колотил по гудку, орал в окно на медлительных прохожих, вытряхивал под колеса пафосных внедорожников переполненную пепельницу и всю дорогу слушал шансон. Меф готов был поклясться, что более кондово-правильного водилы в этот час не отыскать было во всем Питере.

С другой стороны, зорко-умная Дафна уже в самой этой сверхдостоверности усматривала фальшь и натяжку. Как только некая форма или психологический тип становятся настолько ясными, что легко и охотно поддаются пародированию, это верный признак того, что в самое ближайшее время этот тип или форма исчезнут совсем. Жизнь, как и литература, не любит исследованных ходов.

– Ждать не надо. Потом лучше еще раз приедешь, – сказал Меф.

– Точна нэт? Ну на нэт и суд тоже нэт!

Высунув в окно свою круглую, точно у раздобревшего кота, голову, хан точным плевком убил воробья и, газанув, исчез в бензиновом облаке. Вслед за Депресняком Меф из любопытства подошел к воробью. От того осталось немного – несколько перьев и хвост.

– Знаешь, чем он плюет? – спросил он.

Даф не знала и знать не хотела. Физиологические подробности были ей мало интересны.

– А вот и напрасно. Калибр 7,62, да еще со смещенным центром!

Меф поднял голову навстречу моросящему дождю. Прямо перед ними тянулся длинный, геометрически неправильный дом с арками. Он то приближался к Каменноостровскому проспекту почти вплотную, то странным зигзагом от него отползал.

– Ты уверена, что это тот самый дом? – спросил он с сомнением.

– Вообще-то адрес записывал ты, – напомнила Даф.

– А-а! Ну тогда тот самый! – сказал Меф и изо всех сил попытался припомнить, называл ли ему Ромасюсик номер подъезда и квартиру.

Пока он припоминал, где-то высоко окно вдруг брызнуло осколками. Прямо к ногам чудом отскочившего Мефа в стеклянном ливне упал и разлетелся вдребезги тяжелый горящий стул. Депресняк зашипел. Дафна схватилась за флейту. Из разбитого окна пятого этажа высунулась шоколадная физиономия Ромасюсика.

– Кукусики! Мы тут!

– Ты что, сдурел? – закричал на него Меф.

– Это не я! Это Прашечка захотела показать, в какой мы квартирке! Она беспокоится, что вы потеряетесь! – донесся извиняющийся голос.

Убедившись, что стекла уже перестали сыпаться, Меф перешагнул через стул. Обломки его догорали.

– Она очень заботливая, ты не находишь? – спросил Меф.

– Она действительно заботливая. Просто не всегда понимает, каким образом заботливость правильно проявлять, – отвечала Даф, раз и навсегда взявшая себе за правило всегда говорить о Прасковье и вообще обо всех людях исключительно хорошее.

Они как раз подходили к подъезду, когда оттуда вышел высокий парень примерно тех же лет, что и Буслаев. Меф, не знавший кода, подбежал и придержал дверь ногой. Парню это не понравилось, и он что-то пробухтел на тему, что не нанимался тут всяким двери открывать.

– Значит, освоишь новую профессию, – сказал Меф.

Парень обиделся и стал пинать его по ступне, чтобы закрыть подъезд. Буслаев небрежно оттолкнул его и пропустил Дафну.

– Только тронь еще – убью! – зашипел парень.

Одной рукой он схватил Мефа за ворот, а другой начал лихорадочно рыться в кармане в поисках непонятно чего.

– Газовый баллончик в другой куртке! Ну, которая без капюшона! – заботливо подсказал Меф.

Парень на мгновение оцепенел. Буслаев воспользовался этим и, сделав ему легкий кистевой залом, выкинул из подъезда. Опомнившись, парень стал рваться в подъезд для драки, но Меф уже заварил дверь изнутри легким прикосновением пальца.

– Мощная вещь – эта точечная сварка! Всего-то мизинцем коснулся, но минут десять продержится! – похвастался он.

Дафна дважды ткнула пальцем кнопку лифта, что у нее, с ее выдержкой, означало раздражение.

– Может, ты перестанешь задира́ть людей? – с досадой сказала она Мефу.

– А кого я зади́рал-то? Он первый полез!

– Но он же правда открыл тебе дверь!

– Он открыл ее себе! – уточнил Меф. – По мне, так сделал случайно хорошее дело,

радуясь, что его сделал, сиди и не квакай. И потом, что я, *доказуху*, что ли, не узнаю?

– Кого-кого? – непонимающе переспросила Дафна.

– *Доказуху*. Это мое внутреннее слово. Если парень развивается нормально, он в детстве часто дерется, много вопит, но потом довольно быстро успокаивается. Так?

– Примерно, – неохотно согласилась Даф.

– Если же он маменькин сынок, из тех, которым треники при плюсовой температуре под брюки поддевают и за ушками бальзамом мажут, то в детстве его колотят, конечно, немилосердно. И в школе, и во дворе. Причем особенно старается какой-нибудь один «злобный Вася», которого *доказуха* считает своим личным врагом и которого втайне боится до дрожи в трениках.

– Не издевайся!

– Я и не издеваюсь. Я просто объясняю, как бывает. Зато где-то к старшей школе или младшим курсам института в *доказухе* начинает созревать мужество, чисто из чувства компенсации, и он потом всю жизнь колотит грушу, носит с собой нож-бабочку и мечтает порвать кого-нибудь, как тузик грелку. А самое потешное в этой ситуации то, что «злобный Вася», из-за которого *доказуха* и сделался *доказухой*, давно стал примерным толстеньким пингином и ходит в магазин покупать сыр с дырками.

– А ты каким был в раннем детстве? Не *доказухой*? – спросила Дафна.

Она вдруг вспомнила, что Меф и сам не прочь поколотить грушу, не говоря уже о мече, который ночью чуть ли не одеялом укрывает.

– Не-а. Детство у меня было обычное, туповатое. В стиле: клей – выпей баночку соплей. Швыряли с крыши снежки на дорогу, подкладывали на трамвайные рельсы петарды, лизали в мороз полозья санок, надевали на выхлопную трубу машины шарики и все такое, – сказал Меф.

Предупредительно щелкнув по носу Депресняка, уже нацелившегося драть когтями стенки кабинки, Дафна шагнула в подъехавший лифт.

– Слушай, я одного не понимаю! Если ты хорошо понимаешь этого парня, почему не мог попытаться наладить с ним контакт? – спросила она озадаченно.

– С *доказухой* невозможно наладить контакт. Он для этого слишком напряженный. И потом, зачем мне это? Мне его симпатию в газетку не заворачивать! – отрезал Меф.

Дафна ничего не сказала, подумав про себя, что если формально Меф порвал с мраком, то внутренняя его связь с ним, особенно в части категоричных и циничных суждений, пока что очень сильна. Даже если собака и вырвется из будки, цепь прошлых привычек все равно потянется за ней. Долго, очень долго, с огромным внутренним упорством надо будет грызть ее, прежде чем цепь уступит.

На пятом этаже их уже ждали. Едва двери лифта разъехались, Меф увидел двух застывших стражей. Под плащами угадывались нагрудники. От вываренных, с прожилками лиц так и дышало Нижним Тартаром. Вглядевшись в них истинным зрением, Меф увидел окутывающее стражей темное облако. Лица исчезали в нем, как в тумане, теряя всякую индивидуальность. Дафну едва не вывернуло от пропитывавшего их нутряного запаха серы. Даже у Арея он не был таким густым и смрадным.

Едва увидев Дафну, оба стража рванулись к ней как псы. Меф схватился за меч, грудью закрывая Даф и давая ей возможность вытащить флейту, но тут на площадку выкатился Ромасюсик.

– Это свои! Это гости! – закудахтал он, хватая стражей за локти. – Убивать их сразу нельзя! Прашечка будет сердиться и делать всем ата-та!

Тартарианцы неохотно отодвинулись, и то ровно настолько, чтобы вынудить Даф, когда она будет проходить мимо, коснуться их. На копченых лицах застыло торжество. Стражи мрака знают, как невыносимо свету их зловоние.

– А *эти* откуда? – спросил Меф.

– Охрана! – небрежно уронил Ромасюсик. – Я даже имен не запоминаю. Чего голову ломать? Каждый день Лигул новых присылает, а старых отзывает. И знаешь, что

любопытно? Сейчас покажу!

Вернувшись, Ромасюсик подскочил к крайнему стражу и требовательно дернул его за рукав.

– Эй ты! А ну открыл рот! Ты что, оглох?

Страж рта не открыл, но посмотрел на Ромасюсика с такой лютой ненавистью, что Меф удивился наглости шоколадного юноши. Разве он не знает, что тартарианцы отличаются крайней злопамятностью? Почему он так уверен в своей безнаказанности?

– Донт вонт? Эс ю вонт!.. – дернул плечиком Ромасюсик. – Лигулу все будет доложено!.. Я хотел просто показать, что у них у всех языки отрезаны. И даже не просто отрезаны, но и прижжены. Чтобы новый не вырос и кончик не раздвоился, а?

Ромасюсик захихикал и, очень довольный собой, толкнул дверь.

– *Прощю* к нашему *шалащю* ! – сказал он, намеренно сюсюкая. – Пару дней назад тут была прокуренная такая конура с грязными шторами и попугаем, в которой жила одна ворожейная бабулька. Наша, разумеется, до последнего искусственного зуба. Когда я сообщил в Канцелярию, что мы едем в Питер и хотим где-нибудь скромненько поселиться, ее быстренько прибрали к нашему приезду.

– Квартиру или гадалку? – не понял Меф.

– И то, и другое. Когда мы тут появились, Мамзелькина уже удалилась, а комиссионеры вытаскивали последнее тряпье. Вообрази, у этой курицы в подушку было зашито штук сто золотых колец! Сглаз она с них, что ли, снимала? Хи-хи?! – Это последнее вопросительно-восклицательное «хи-хи» Ромасюсик произнес ужасно заискивающим голосом.

– Дохихикаешься сейчас! Урод Лигул! Зачем убирать тех, кто тебе служит? – пробормотал Меф.

Дафна печально посмотрела на него. Когда Буслаев наконец поймет, что мрак не умеет быть благодарным? Достаточно вслушаться в звучание самого слова «благодарность», чтобы всякие сомнения окончательно отпали.

* * *

Квартира, снаружи не производившая впечатления большой, внутри оказалась огромной. Видно, тут уже успела поработать команда дизайнеров из суккубов. Меф и прежде сталкивался с пятым измерением и примерно догадывался, что можно сотворить с его помощью, однако, на его взгляд, спальня размером с футбольное поле была явным перебором.

Не меньшим излишеством показался Мефу и двойник尼亚гарского водопада, который кто-то из суккубов, забавляясь, ухитрился засунуть в сливной бачок туалета общей площадью в полтора квадратных метра.

– Я понимаю, что этот джоук очень фулишь, но всякий сунувшийся туда просит пощады! – мармеладно ухмыляясь, поведаль Ромасюсик.

На зеркале в коридоре зубной пастой было размашисто написано:

«Прежде чем вспылить, считай до трех! Ну хотя бы до двух!»

Узнав свой собственный недостаток и метод борьбы с ним (только он считал до десяти), Меф озадаченно почесал нос. Он усомнился, что это написал Ромасюсик. Ромасюсики над собой не работают. Неужели Прасковья пытается обуздать свою горячность? Вот это да!

У окна стоял громадный телескоп, нацеленный не на звезды, а на улицы города.

– Прашечка, понимаешь ли, на людей целыми часами смотрит! Как они ходят, чего делают. Сдались они ей, эти люди! Меня ей, что ли, мало? – со снисходительной ужимкой произнес Ромасюсик.

– Нет. Тебя может быть только много! – успокоила его Даф.

– А ты бы, конечно, смотрел на людей только пять минут в день и то в оптический

прицел? – добавил Меф.

Ромасюсик озабоченно заерзал.

– А вот подзеркаливать нехорошо, особенно если я об этом уже сутки назад думал! – заявил он.

Кто-то мягко коснулся сзади щеки Мефа. Именно щеки, а не плеча. Он обернулся и увидел Прасковью. В глаза ему точно кровью брызнули. Одетое во все алое, Прасковья была подобна алому росчерку по мокрой акварельной бумаге.

– Привет! – сказал Меф.

Прасковья нетерпеливо посмотрела на Ромасюсика. Тот дернулся, полужакрыл веки и заговорил чужим голосом, точно резиновая кукла, которой насильно растягивают губы:

– Я шла за тобой целую минуту, повторяя каждое твое движение. Я была твоей тенью. Ты меня не заметил. Может, я и есть твоя тень?

Пока Ромасюсик говорил, Прасковья не отрывала от Мефа вопрошающих глаз. Она точно и шутила, и не шутила в одно и то же время. Буслаеву стало не по себе.

– Ромасюсик сказал: ты захватила кого-то из светлых? Где он? – спросил Меф.

Прасковья резко отвернулась и встала к нему боком. Меф почувствовал, что она уязвлена.

– Так вот чем Ромасюсик тебя заманил! Выходит, теперь всякий раз, чтобы тебя увидеть, мне придется отлавливать светлых пачками?

– Ну почему обязательно всегда?.. Кстати, как дядя на лошадке? Не свалился? Сбылась мечта твоей жизни? – некстати брякнул Меф.

Обычно он не лез в карман за словом, однако в присутствии Прасковьи напряглся и ляпал нечто совсем не к месту. Сложно сказать, что больше его смущало: наличие ли суфлера – Ромасюсика или то, что рядом стояла Дафна и тихо гладила котика.

Лицо Прасковьи выразило сложную смесь обиды и недоумения. Радость в глазах, которая всхлипнула в первые секунды, когда она увидела Мефа, померкла. Зрачки сделались сухими и злыми. Она перевела взгляд на Ромасюсика, и тот вдруг рухнул на колени, точно ему подсекли лодыжки индонезийским боевым серпом.

– Я не хотел, госпожа! Вы же не обиделись, нет? – залопотал он и тотчас после короткой паузы сдавленным голосом сказал: *– Нет, не обиделась! Но ты должен помнить правило: знать свое место! Глумиться над кем угодно, только не надо мной! Давай сюда свою руку!*

Со стороны казалось, будто Ромасюсик разговаривает сам с собой, только губы его растягивались гораздо сильнее и горло напрягалось, как при английской артикуляции.

– Но госпожа!..

– Я сказала: руку! Каждая минута промедления – лишний палец!

Покорно дрожа, Ромасюсик повиновался. На выпуклом лбу выступили крупные капли глазури. Он то отдергивал ладонь, то вновь протягивал и при этом жутко скулил. С ледяным выражением лица Прасковья хладнокровно взяла его одной рукой за безымянный палец, другой – за указательный и...

– Не надо! – неожиданно для себя произнес Меф.

Прасковья удивленно остановилась и вскинула на него глаза.

– Я не поняла! Ты мне что, приказываешь?

– Нет. Прошу.

– По-другому он не понимает! Раньше эта куча шоколада не боялась боли, но я пожелала, и теперь он ее боится! Смотри, как он потеет!.. Не умеешь уважать – учись хотя бы дрожать, раб!

– Проболтался я, так что ломать пальцы надо мне! А заодно прижечь язык! – сказал Меф, досадуя на себя, что послужил разносчиком сплетен, как последний из комиссионеров.

Прасковья внимательно смотрела на него. Казалось, в душе у нее совершается напряженная работа.

– Непонятный ты! Не пожелал стать наследником Лигула! Теперь жалеешь лживого

раба. Стань он господином, он унижал бы нас в десятки раз больше, а то и прикончил бы. Он же нас ненавидит. И тебя, и меня... Мы оба это знаем.

Ромасюсик произнес это и тотчас замотал головой, изо всех сил показывая, что это неправда и на самом деле его просто зашкаливает от любви к человечеству.

– Пусть даже так, – согласился Меф. – Но кто сказал тебе, что именно ты тот скальпель, который должен вскрывать нарывы? Кто назначил тебя судьей? Ты сама?

Прасковья фыркнула.

– *Ладно, спорить не буду... Только просто так я ошибок не прощаю и даром ничего не делаю! Что ты готов дать мне, если я пощажу его?*

– А чего ты хочешь? – спросил Меф.

Прасковья улыбнулась. На меловом лице выделялись только алые губы.

– *Махнемся не глядя?* – предложила она, задорно поглядывая на Дафну.

– На тему? – напрягся Меф.

– *Переходи ко мне в пажу! Работал на Арея – поработаешь на меня. А Дафночке мы подарим Ромасюсика! Она же у нас добренькая! Будет его жалеть, сдувать пылинки, не станет ломать пальчики! Глядишь – и Ромасюсик у нас перекуется, заиграет на дудочке и полетит на белых крылышках в Эдем!*

Перспектива стать хозяином Ромасюсика Дафну не обрадовала, как не обрадовала она и самого шоколадного юношу, скорчившего жуткую рожу.

Меф молчал, глядя в пол. Мужчин он не боялся, а вот все эти женские штучки, когда на нервах играют как на гитаре, ужасно его раздражали.

Глаза у Прасковьи заблестели. Она все прекрасно поняла.

– *Что, не согласен? Хорошо быть светленьким, когда все у тебя в порядке! Ну так и не учи, как мне поступать с моим рабом! Сама решу!* – крикнула она, резко дергая Ромасюсика за кисть.

Послышался хруст, и Ромасюсик заскулил.

– *Ничего! У него за два часа все срастется! Но врать будет меньше!* – с усилием выговорил он, растягивая губы, и тотчас, своим уже голосом, снова жалобно заскулил: – У-у-у! Рука!

Дафна поднесла к губам флейту, маголодией уменьшая его боль. На окне вспыхнула штора. Квартира мертвой гадалки отторгала светлую помощь. Один из немых стражей рванулся к Дафне, чтобы вырвать у нее флейту, но вместо флейты встретил меч Мефа, красноречиво коснувшийся его дарха. Страж зарычал, вырывая из небытия свой клинок.

– *А ну хватит! Успокойтесь все! Живо! Идите за мной!*

Лицо Прасковьи дернулось. Она резко повернулась и быстро зашагала куда-то, подав знак своим охранникам, Мефу и Дафне следовать за ней. Последним тащился Ромасюсик, бережно нянчивший свою кисть.

– Сколько ты сегодня наговорил – все мимо! Лучше бы молчал! – шепнула Мефу Дафна.

– Да она вся как открытая рана! Ей что ни скажи – она взрывается! – оправдываясь, пробурчал Буслаев.

Прасковья подошла к стене, дернула дверь, и внезапно все они, за исключением оставшейся снаружи охраны, оказались в тесной маленькой комнате.

Меф понял, что этот закуток – единственное, что осталось в квартире от прежней хозяйки. На стене – пыльный ковер. На столе – несколько бронзовых фигурок, торчащая в подушке большая цыганская игла и рассыпанная колода карт. С единственной пожелтевшей фотографии серьезно смотрели молодые мужчина и женщина. Между ними на стуле, держась за высокую спинку, стояла большеглазая девочка лет четырех в белом платье.

Что-то подсказало Дафне, что это и есть та гадалка, тело которой санитары вывезли после мимолетного визита Аиды Мамзелькиной. Странно устроена жизнь! Тот, кто был когда-то чистым и радостным ребенком, потом всю жизнь опутывает других сетями мрака, не понимая, что давно опутан ими сам. Страсти, как крючок на удочке, который вонзают

человеку в кожу, а затем потихоньку тянут за леску. Порвать леску и освободиться можно, но проблема в том, что это безумно больно.

Прасковья опустила на узкий диван и, беспомощно, точно жеребенок, поджав под себя правую ногу, снизу вверх посмотрела на Мефа. Сложно было поверить, что это она минуту назад безжалостно сломала Ромасюсику пальцы.

Дафне захотелось уронить Прасковью на голову Депресняка, но она успокоила себя мыслью, что котик может ушибиться. Она отошла к столу и принялась наглаживать кота с энергией школьного учителя физики, который пытается получить статическое электричество методом трения. Вот только, увы, с лысыми котами этот метод изначально заводит в тупик.

– *У меня вчера был один мой поклонник !* – промокнув рукавом сахарные слезы, поведал Ромасюсик.

Меф сильно озадачился, но, увидев, как растягиваются его губы, кивнул. Одновременно он обнаружил, что при упоминании о поклоннике Прасковьи в груди у него шевельнулся мерзкий собственнический червячок. Непонятно, когда он вообще успел туда пробраться.

– *Странно, что Лигул не принимает никаких мер. Не присылает мне в коробке его головы, ну и так далее...* – продолжала ворковать Прасковья. – *Стражам не положено к кому-либо привязываться. Он говорит, что не спрашивал разрешения дядюшки и вообще плевал на него, но я ему не верю... Хотя он, конечно, такой, что может и не спросить. В смелости ему не откажешь.*

– И как зовут твоего героического поклонника? – спросил Меф, усилием воли пытаясь раздавить ускользающего мысленного червячка.

– *Гонзий Руриус Третий*, – с удовольствием выговорила Прасковья.

Меф вздрогнул, не понимая, шутка это или нет.

– *Аристократичное имя, не правда ли? Он очень гордится историей своего рода. Гонзия Руриуса Первого казнил Кводнон, когда тот пытался устроить переворот. Гонзий Руриус Второй пал, по слухам, от флейты самого Троила... Ну а Третий пока что жив и здоров. Вы с Гонзиком что, знакомы? Да-да, я называю его Гонзиком!*

– Лично нет, – осторожно ответил Буслаев.

Прасковья с удовольствием откинулась на спинку дивана и, склонив голову набок, по-кошачьи уставилась на Мефа.

– *Может, ты сидишь? А то ужасно раздражает, когда рядом торчит что-то крупное и врет*, – картонным голосом сказал Ромасюсик.

– В каком смысле врет?

– *Гонзик сказал мне про дуэль. Ты вызвал его, и довольно грубо. Он даже не ожидал от тебя такого хамского письма. Изначально Гонзик был настроен вполне дружелюбно. Ему неловко было отбирать у тебя меч, но приказ есть приказ.*

– Меча я не отдам, – сухо сказал Меф.

Он не видел повода обсуждать одно и то же до бесконечности. От перестановки возражений суть отказа не меняется.

Прасковья вскочила с ногами на диван, оказавшись выше Мефа. Буслаева толкнуло тугой волной ее гнева. Он даже ощутил металлический привкус крови.

– *Ну и дурак! Я знаю: мне должно быть все равно, но ты обречен! Ты смертник! Понимаешь? В большей степени, чем тогда в Тартаре, когда Лигул собирался накормить тобой яроса!*

– Посмотрим, – сдержанно ответил Меф.

Тот, кто запаниковал раньше собственных похорон, не доживет и до них.

– *Тут и смотреть ни на что не надо! Гонзий не просто один из лучших клинков мрака! Он умеет все просчитывать заранее!*

– Можно приблизительно просчитать тактику боя и его стратегию, но не сам бой. Бой – это всегда импровизация, – уверенно сказал Меф.

Прасковья нетерпеливо дернула рукой, и между ними просунулась круглая голова

Ромасюсика.

– Нечего озвучивать общие места! Гонзий просчитывает не это. Тебе известно, что такое совместимость артефактного оружия? – спросил Ромасюсик очень громко. Видимо, Прасковья казалось, что чем ближе рупор, тем веселее аргументы.

– Приблизительно, – сказал Меф, отодвигаясь от кипящего сахарной слюной шоколадного юноши.

– Значит, не знаешь! Порой заведомо более слабый артефакт может оказаться полезнее сильного. Кинжал слабее арбалета, но если ты катаешься с противником по земле, полезнее иметь кинжал, чем арбалет. Согласен?

– Допустим.

– Твой меч – бывший меч Древнира – артефакт переменной силы. Он может быть очень могучим, но бывают часы и дни, когда силы его иссякают. Таковы все артефакты, изначально сотворенные не во зло. Клинок же Гонзика выкован в Тартаре. Он не знает ни приливов, ни отливов, ни сомнений.

– Плевать!

– Плевать будут верблюды! Я докажу тебе, Буслаев, что ты самонадеянный дурак! Ты даже сам себя не понимаешь! Где тебе понять стража!

– Докажи!

– Даже доказывать ничего не буду. Когда назначен бой?

Меф, не до конца доверявший Прасковье, помедлил. Новая наследница мрака расхохоталась, и Буслаева вновь накрыло волной ее эмоций.

– Да не нужен мне твой ответ! Я сама высчитала: 29 ноября! Думаешь, мне сказал об этом Гонзий! Как бы не так! Он хитер как лис и лишнего никогда не сболтнет... 29 ноября – дата максимального ослабления твоего оружия. В этот день сил в твоём мече будет меньше, чем в любой музейной железке! Вот тебе и ответ, кто из вас двоих станет трупом!

Меф вопросительно взглянул на Дафну, но она стояла к нему спиной, и он видел лишь два светлых ее хвоста, невесомо приподнимавшихся точно крылья.

– Это что, правда? – спросил он озадаченно.

– Правда – категория света. Мрак имеет дело с фактами, – чужим голосом сказал Ромасюсик. Он даже скулить перестал. Так и стоял с выпученными засахаренными глазами. Видимо, Прасковья сжала его сознание, точно в тисках.

– Разумеется. Фактами проще манипулировать. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь, – сказала Дафна, не оборачиваясь. – Где тот светлый, которого вы якобы схватили? – напомнила она.

Прасковья дернула худым плечом. Момент нанести удар настал.

– Можете забрать.

– Откуда?

– Он в морозильной камере.

В руках у Дафны что-то негодуяюще мявкнуло. Не заметив, она стиснула загривок кота.

– Где?

– Говорят тебе: в морозилке! Хочешь – забирай. Не хочешь – пускай валяется. Мне места не жалко, – нетерпеливо повторила Прасковья.

Меф метнулся к двери. Как найти кухню, он примерно представлял. Буслаев дернул дверцу морозильника, и тотчас на него глыбой льда вывалился окоченевший Антигон, похожий на рыбину в глубокой заморозке.

Выпуклые глаза его были покрыты изморозью, но губы медленно шевелились. Меф прислушался и, к своему удивлению, обнаружил, что Антигон очень медленно и заторможенно, со скоростью примерно десять звуков в минуту поет песню: «Солдатушки, бравы ребятушки!»

Рядом вынырнула физиономия Ромасюсика. Возясь с Антигоном, Меф не заметил, что на кухне он уже не один.

– Что вы с ним сделали?

– Хотели кое-что узнать, но не успели. Этот болван Ромасюсик сдуру запер его в холодильнике, – поведаль он самокритично. – Прежде чем мы опомнились, он увидел банку с прокисшим вареньем и впал не то в кому, не то в запой. Чтобы он не пел песен и не буянил, мы зашвырнули его в морозильник. И что у вас в Эдеме, все такие?

– Это кикимор, – сдержанно ответила Даф.

Оправдываться и растолковывать Прасковье, что кикиморы не имеют отношения к Эдему, она считала бесполезным. Есть вещи, которые не понимаешь, а есть вещи, которые не желаешь понять. Объяснить первые еще можно – было бы желание, объяснять же вторые – напрасная трата времени и сил.

Ромасюсик, немного пришедший в себя, стоял и тихо потел шоколадом, ногтем соскабливая выступающую глазурь. Мефодий взял пьяненького Антигона и взвалил его на плечо. Разогнуть его без предварительной разморозки оказалось невозможным.

Прасковья равнодушно наблюдала, как влажные капли с носа постепенно оттаивающего Антигона, срываясь, падают на кафедру.

– Больше ничего не скажу, Буслаев. Убирайся! Сам решай, с кем тебе быть. Только знай: хоть ты и задрал голову к звездам, но все равно остался прежним!.. Охрана, наши гости уходят! Проводите их! – приказала она губами Ромасюсика.

Немые стражи сомкнулись за ними. Один из них попытался подтолкнуть Дафну в спину, но сидевший на плече Депресняк сделал быстрое движение лапой, и запястье стража прочертили четыре борозды. Тартарианец даже не вздрогнул. Он медленно поднял руку и, с тайной угрозой глядя на Дафну, слизнул кровь. Дафна поспешно нагнала Мефодия. С ним рядом она чувствовала себя спокойнее.

Уже в лифте, когда двери его закрылись, Мефодий повернулся к Дафне:

– Думаешь, Прасковья сказала правду про 29 ноября?

– Если люди прочитывают фазы Луны, почему девушка, воспитанная Лигулом в Тартаре, не может просчитать фазы усиления и ослабления твоего меча? Думаю, для того, кто имеет дар, это не задача, – резонно сказала Дафна.

У Мефа на языке завертелся вопрос: почему Арей согласился на 29-е? Неужели не учел? Или не знал? Однако озвучивать свои подозрения не стал, а, напротив, надежно укрыл опасения под пестрыми обрывками суетных дневных мыслей, точно Арей и его, Мефа, отношение к нему до сих пор были тем огороженным участком души, куда он упорно не пускал своего стража-хранителя.

Вместо этого Меф сказал:

– Слушай, я тут все думаю об этих стражах с вырезанными языками. Это ведь те, кто вякнул что-то на Лигула или на Кводнона. Ведь так?

Даф подтвердила, что да, не исключено.

– Но почему тогда свет их не защитил? Они же, получается, наши союзники? – озадачился Меф.

Дафна невесело улыбнулась. Порой Буслаев задавал вопросы, поразительные по своей наивности.

– Ты их видел? Ну, скажем, того, которого поцарапал мой кот? – спросила она.

– Да. По-моему, у него не все дома.

– И что, много у него общего со светом?

Меф молчал, ожидая, пока откроются двери лифта.

– Вот ты сам себе и ответил, – закончила Даф. – Не всякий, вякнувший что-то на мрак, становится светом. Иначе всякий бандит, ткнувший ножом другого бандита, назывался бы борцом с преступностью.

Сказала она это невесело, вспоминая о темных перьях в собственных своих крыльях.

Неосторожно поворачиваясь в тесной кабине, Меф сильно приложил Антигона носом об стенку.

– Ну наконец! А то служишь-служишь, и никакой... ик!.. ласки! – внятно произнес

Антигон.

Язык его отмерзал значительно быстрее, чем туловище.

– Знаешь, – задумчиво сказала Дафна. – Сегодня я стала гораздо лучше относиться к Прасковье. Даже несмотря на эту отвратительную сцену...

– Потому что она предупредила о Гопзии?

Меф вышел из подъезда и задрал голову, желая убедиться, что Прасковья, стремясь попрощаться с ними, не вышвырнет из окна, например, диван. Ну или Ромасюсика.

– Нет. Когда заметила, как Прасковья двигается. Порывисто, беспокойно. Волосы часто поправляет. Губы у нее покусанные. Она как нервный ребенок хватается за одну игрушку, за другую, за третью, но ничем не может себя занять и ужасно страдает.

– И какая игрушка ей теперь нужна? Спровадить Ромасюсика, а меня определить вместо него? – недоверчиво спросил Буслаев.

– Да. Сейчас ей кажется, что, может, именно ты – та игрушка, получив которую она успокоится. Тем более что это пока единственное, что от нее ускользает и чего не может дать ей всеильный дядюшка Лигул. Это глупость, конечно, но страдания настоящие, неподдельные...

– Что-то я не заметил особенных страданий. Кикимора умыкнула и в холодильник сунула. Ломает своему болтуну пальцы из-за всякой ерунды. Старуху-гадалку из-за нее спровадили на тот свет, – проворчал Меф.

Даф не спорила.

– Да, все верно. Но когда-то на лекциях нам говорили, что, если свету и мраку показать одну и ту же изгаженную, залитую кислотой картину, мрак увидит следы кислоты, свет же то, что от картины еще сохранилось и что можно восстановить.

Послышался визг тормозов. Выскочившее из ниоткуда желтое такси врезалось в землю в нескольких метрах от ног Мефа. Вскопало газон, покачнулось и с грохотом, с угрозой просадить рессоры, завалилось на колеса. За тот час, что Меф был у Прасковьи, Мамай ухитрился утратить заднюю левую дверь и вышибить лобовое стекло.

– Поехали! Мне и так шут знает сколько раз отжиматься придется, – деловито сказал Меф.

Глава 10 Трынг Однорукий

Ничего не убивает быстрее сытости.
«Книга Света»

Корнелий, не отпущенный Эссиорхом на очередное, «самое важное» свидание, дулся вот уже десять минут. А когда Корнелий дулся, он становился ужасно правильным и то и дело говорил «благодарю вас». Вдобавок он непонятно где подхватил грипп (почти небывалое событие для стража!) и теперь через равные промежутки времени чихал в рукав.

Нахохленный, как больной воробей, Корнелий сидел на кухне коммуналки валькирий и смотрел на Багрова слезящимися сердитыми глазками. Багров, расположившийся на табуретке напротив Корнелия, выглядел ничуть не лучше. Голова еще кружилась после удара. Лицо было землистое. Веки опухли и посинели.

Ирке стало жаль их обоих.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она Корнелия.

– Благодарю вас, отвратительно!

– Может, тебе чая с лимоном или таблетку какую-нибудь?

– Благодарю вас, обойдусь.

– Тогда чего ты такой кислый?

– Благодарю вас, на себя посмотри!

В третий раз приняв ледяной вербальный душ, Ирка успокоилась и переключила

внимание на Эссиорха. Тот стоял у окна и смотрел на площадку, которая отсюда, сверху, видна была только одним, довольно незначительным углом.

– Как хочешь, а Багрова я забираю с собой. Нужно показать его тем, кто знает больше моего, – сказал Эссиорх.

Он почувствовал Иркин вопросительный взгляд даже не оборачиваясь.

– Почему? – спросила Ирка.

– Мне не нравится его рана.

– У него нет раны.

– Ошибаешься. То, что удар был нанесен рукоятью, еще ничего не означает. Тартарианское оружие очень коварно.

Ирка кивнула. Вопрос «почему?» она задала скорее по инерции. Ирка и сама понимала, что Эссиорх прав. Молчаливый и землисто-бледный Багров в данный момент больше походил на завязавшего вампира, добровольно перешедшего на кетчуп, чем на человека.

Пока они говорили, Корнелий надумал съесть сырую луковицу, тем самым заложив динамит под атаковавших его микробов. Ирка ожидала, что он будет морщиться, однако связной света ел лук совершенно спокойно, раскусывал его с хрустом, точно яблоко, и лишь изредка пальцами вытягивал застрявшие между зубами волокна.

Уже умяв половину луковицы, он спохватился, что луковица принадлежала серфингисту, соседу Ирки, поскольку лежала на его трети стола.

– Теперь я должен срочно сделать для него что-нибудь хорошее! Или получится, что я совершил кражу, а это на сто пудов черное перо!

– Дай ему денег. Он мечтает купить новый парус. Он объяснял, что со старым нельзя делать каких-то перебросов, – подсказала Ирка.

Корнелий промокнул согнутым запястьем нос.

– Свет денег не дает! То есть дает, конечно, иногда, если иначе никак не помочь, но деньги изначально не мерили ценности. Они чаще вредят, чем приносят пользу. Лучше я сделаю для него что-нибудь другое... Не мешай! Пчхи!

Корнелий вытянул флейту и, любовно глядя на нее, поднес к губам. Глядя, как нежно он играет, Ирка внезапно осознала, почему Корнелий со всеми своими заскоками все-таки являлся настоящим эдемским светом. В нем был трепет, было уважение к своей миссии и отсутствовало равнодушие, похожее на копоть пригоревшего чайника.

Самой маголодии Ирка не слышала. Лишь в какой-то момент ей показалось, что на сердце накатила и отхлынула теплая волна.

– Ну вот! – сказал Корнелий минуту спустя. – Готово! Знаешь, что я ему подарил? Если теперь он возьмет в руки засохший цветок идохнет на него, то цветок оживет.

Ирка придвинула табуретку к столу.

– А если он всю жизнь не возьмет в руки засохшего цветка и никогда не будет на него дышать? Не так уж часто взрослому, психически нормальному мужику хочется дышать на сухие цветы! – сказала она.

– Ну это уже его проблемы! Если кто-то не собирается использовать свой дар, то плохо от этого не дару! – строго ответил Корнелий.

Он спрятал флейту, с хрустом доел луковицу и решительно встал.

– Ну что, покалеченный мраком! Идем тебя лечить, пока у меня и вечернее свидание не сорвалось, – обратился он к Багрову.

– У тебя же днем было «самое важное»! – насмешливо напомнила Ирка.

Корнелий не спорил.

– Да, так и есть. Но тут какая была логика? Если на самом важном свидании мне разобьют сердце, то будет полезно, если кто-нибудь помажет его зеленкой на менее важном.

Эссиорх поймал его за шкирку и постучал согнутым пальцем по лбу.

– Тебе не зеленка нужна, а доктор! Я знаю, что иногда представляю? Если тебе в одно ухо влить перекись водорода, то из другого уха польется пена!

Корнелий хихикнул было, но спохватился, что он на Эссиорха в обиде, и сурово сказал:

– Благодарю тебя за больные фантазии, старичок! Оставь их для медицинского персонала!

– Не груби! – благодушно произнес Эссиорх.

– А вот и буду грубить! Чихать я на тебя хотел! – сказал Корнелий и тотчас, не отделяя угрозы от ее воплощения, обстрелял Эссиорха серией мелких чихов.

Движения у Багрова были замедленные, и телепортировать его из квартиры стражи не решились.

– Может, э-э... по лестнице? – предложил Корнелий.

– Она его разве пустит? – усомнился Эссиорх.

– А если с нами? А то ведь размажется где-нибудь, и все дела... Если будут ругать, объясним, что тут случай особый.

Эссиорх, помедлив, неуверенно кивнул и помог Багрову встать.

– Не смущайся! Держи меня за шею! Тут ничего стыдного нет! Всякий, кто получал по мозгам, это понимает! – ободрил он его.

Ирка вышла их проводить, а когда минут через десять вернулась, то еще в коридоре ощутила, что в комнате кто-то есть. Сердце, этот известнейший в широких кругах паникер, застучало, нашептывая самое худшее. В одно мгновение Ирка собралась, материализовала копье и, распахнув ногой дверь, ворвалась в комнату.

* * *

На нешироком, но глубоком подоконнике, характерном для доходных домов, Ирка увидела Гелату. Валькирия воскрешающего копья сидела и лузгала семечки. Рядом мялся ее здоровенный оруженосец и от нечего делать тыкал негнущимся и толстым, как столб, пальцем в клавиши Иркиного ноутбука.

Валькирия-одиночка едва сдержалась, чтобы не пригвоздить эту наглую тушу к стене. Она не выносила, когда кто-то трогает ее компьютер.

– Чего ты такая дерганая? *Семачки* будешь? – спросила Гелата, радостно выговаривая слово на деревенский манер.

Ирка, все еще взбудораженная, отказалась. Гелата не стала уговаривать.

– Ну и правильно! Чего желудок засорять? Мне больше достанется, – сказала она.

Ирка опустила копье. На своей кровати она обнаружила брошенный чемодан.

– Ты надолго? – спросила она.

– А что, уже надоела? – заинтересовалась подмосковная валькирия.

– Да нет.

Гелата хихикнула.

– Хороший ответ «да нет». Удобный. Тут тебе и «да», тут тебе и «нет». Я на сутки! Завтра меня сменит Бэтла. Это тебя, уверена, порадует. А потом – морально приготовься! – Радулга и Таамаг.

Ирка мысленно застонала.

– А их-то зачем?

– Есть такое хорошее слово: «усиление». Оно всегда необычайно радует сотрудников силовых служб, особенно когда приходится на выходные. Вот и Фулона решила, что тебе требуется усиление!

– После нападения темных?

– Угу. И это, заметь, при том, что темные *заведомо ничего не могут сделать* с тем, что мы охраняем! Они этого даже не видят, только догадываются! Это я тебе по секрету говорю!

Оруженосец потянулся к семечкам. Гелата, не глядя, шлепнула его по пальцам.

– Убери ковш! Сама насыплю! – велела она.

– Как ничего не могут сделать? – недоверчиво переспросила Ирка.

– Я имею в виду, что бывают вещи важные, но вполне материальные, которые можно похитить. Допустим, отобрать копье у убитой валькирии, чтобы не смогла воплотиться

новая. А существуют вещи глобальные, которым сложно повредить даже при огромном желании. Скажем, рассвет. Как его уничтожишь? С топором за ним гоняться? – пояснила Гелата.

– Зачем же мы тогда ее охраняем? – Ирка вспомнила мгновенно вспыхнувший прямоугольник света с лестницей и подумала, что да, действительно, такое не украсть.

Она ощущала себя вконец сбитой с толку.

– Ты думаешь, просто так у валькирий комната здесь? Фулона не знала, куда вложить деньги, и говорит себе: а куплю-ка я комнатку в Питере, – хихикнула Гелата. – Нет, дорогая моя! Валькирии охраняли это всегда! Хоть раз в день, но здесь обязательно появлялся кто-нибудь из наших и смотрел, все ли в порядке.

– Все равно не понимаю!

Гелата спрыгнула с подоконника, чтобы с любопытством заглянуть в шкаф. На месте ей как всегда не сиделось. Хотелось все трогать, поправлять и наводить порядок. Правда, в комнате с минимумом мебели развернуться было негде, и это удручало.

– Рано или поздно поймешь! Ты ведь что-то видела, хотя бы мельком, не так ли? По глазам вижу, что видела, иначе я вообще не начала бы этот разговор. А раз видела, то, значит, достойна была!.. Иначе бы я чок-чок, молчок, на язык замочек, а на губы задвижку! – заявила она.

Ирка закрыла глаза и вновь увидела трепетный, все пронизывающий свет, мягко разливавшийся в утреннем сумраке сырого города. Свет неназойливый, согревающий все существо, вливавшийся не только в одни зрачки, но в тело и в душу. Свет, который оставался с тобой до тех пор, пока ты был достоин быть с ним и желал этого.

– Если совсем коротко, то на площадке начинается прямая лестница из человеческого мира в Эдем! Ты понимаешь, как это важно? Уничтожить лестницу нельзя, но можно осквернить. Каким унижением это будет для всех, кому дорог свет! Какое торжество для врага, плюнувшего в самую душу!

В голосе Гелаты прозвучало такое неподдельное и глубокое негодование, что в комнате Инги Михайловны проснулась и заскулила собака.

Звук этот отвлек подмосковную валькирию, и она уже более спокойно, совсем по-деловому сказала:

– В общем, эта лестница существовала здесь всегда, еще до Питера. Если разобраться, то и сам Питер возник здесь из-за нее. Осознают это люди или нет, все они неосознанно тянутся к свету. Может, дерево и не знает, что на свете есть солнце, но листья и ветки все равно к нему тянутся.

– А как же выход к Балтийскому морю? – осторожно спросила Ирка, в мозговой копилке которой забренчали излишки образования.

Однако Гелата была настроена категорично.

– Нечего пудрить мне мозги! Выход к Балтийскому морю можно было прокопать и где-нибудь в другом месте, – сказала она небрежно.

– Прокопать? Ты считаешь: его прокапывают? – растерялась Ирка, однако мысль Гелаты уже пронеслась дальше.

– А знаешь что, одиночка! Иди пока покарауль, а я пирожок какой-нибудь нам забацаю. Муки хоть стакан наскребется?

– Не знаю, – сказала Ирка растерянно.

Подмосковная валькирия уставилась на нее с недоумением.

– Как это не знаешь? Или ты на диете, или дома вообще не питаешься? – спросила она подозрительно.

– Мне Багров готовил, – ответила Ирка.

Большого значения еде она не придавала. Эта сторона жизни всегда казалась ей чем-то второстепенным. Не жить для того, чтобы есть, но есть, чтобы жить.

Но, очевидно, так считали не все. Оруженосец Гелаты нездорово гоготнул и тотчас схлопотал от хозяйки в бок локтем.

– А когда Багрова не было, кто готовил? – с подозрительной мягкостью уточнила Гелата.

– Антигон.

Подмосковная валькирия предусмотрительно лягнула оруженосца, губы которого начали расплзаться.

– М-да... Когда мужики готовят – это трагедия. Бедным женщинам только и остается, что брать в руки отбойный молоток и спускаться в шахты! – сказала она удрученно.

* * *

– Ты не считаешь, что *это* пора вернуть на место? – спросил Меф.

Местоимение *это* заключало в себе Антигона, до того прижившегося в питерской резиденции мрака, что он успел тяпнуть за палец Улиту и схлопотать персональный пинок от Арея, которого обозвал «злюнчиком».

Дафна не возражала. Меф отловил Антигона и закинул в багажник к Мамаю. Где искать Ирку, они уже знали от Эссиорха.

Сегодня Мамай впал в другую крайность, пенсионерскую. Он приехал на старенькой, очень аккуратной «шестерке» и ехал медленно-медленно, до того дотошно соблюдая все правила, что на всяком пешеходном переходе стоял по пятнадцать минут, терпеливо ожидая, пока люди, собиравшиеся перейти дорогу, выйдут из дома.

Позади его машины собирались огромные гудящие хвосты. Несколько раз водители, которых Мамай особенно довел, выходили разбираться, но терялись по дороге.

– Зачем он это делает? Ради прикола? – удивился Меф.

– Где ты видела комиссионера, который делает что-то ради прикола? Тут другой расчет. Люди злятся, а он смрадом их злобы подпитывается. А вот сейчас давай с тобой попробуем любить Мамай, и посмотришь, что будет, – задорно шепнула Дафна.

И в самом деле: стоило ей, а потом и Мефу сосредоточиться и про себя начать думать, какой Мамай хороший, надежный, добрый, и сколько испытаний ему пришлось вынести на Куликовом поле и во время панического бегства, и как безрадостна была его остальная жизнь, вплоть до убийства генуэзцами, как хан по-звериному зарычал, несколько раз ударился головой о руль и, рванув с места на красный свет, пересек оживленный проспект со сплошным движением.

– Ну вот тебе и наглядный пример! – без тени удивления сказала Дафна.

– Почему так? Почему он так боится любви? – озадачился Меф.

– Это не ужас. Это досада и лютая зависть, потому что сам он любить не может. Наша любовь жжет и гонит любого комиссионера, а страх, наоборот, приманивает.

Буслаев кивнул, принимая это к сведению. Он был не в настроении. Вчера Арей заставил его отжаться такое количество раз, что под конец Мефа едва не стошнило. Он точно не помнил, сколько раз отжался, потому что после шестисот суммарных отжиманий впал в глубокий арифметический кретинизм и затруднился бы даже пальцы на одной руке пересчитать без ошибки.

А тут еще в самом конце, когда Арей более-менее смилостивился, Меф имел глупость проворчать:

– Отжимания! Зачем они вообще нужны? Солдафонское упражнение! Подтягивания еще куда ни шло, а эти мышцы никуда не идут, особенно забытые. Ни резкости не будет – ничего. Только с рацией бродить и магазин от сквозняка охранять!

Деревянный меч, которым Арей имел привычку постукивать себя по ладони во время тренировки, на секунду сбился с ритма.

– Умница! Все правильно понимаешь! А теперь сделай еще двести. А потом раскидай ручки, раз так заботишься о резкости. – Голос Арея прозвучал как будто мягко, но нож, который окунули в мед, не становится от этого менее смертоносным.

– За что так много? – простонал Меф.

Он так уже выдохся, что мог делать не больше четырех-пяти отжиманий в подходе, после чего переворачивался на спину и дышал, как выкинутая на берег рыбина.

– За великий ум и склонность к философии!.. Живее, я сказал! В гробу будешь валяться, а теперь шевелись! Сила нам пригодится! Меч есть меч! Это в рапире нужны длиннорукие юноши, плоские в выпаде, как поставленный ребром бубновый туз.

Потом боль как будто временно отодвинулась, и тренировку Буслаев отработал более-менее нормально. Зато с утра на мышцы навалилась ровная и безнадежная каменная усталость.

– Как он, интересно, хочет, чтобы я держал меч, если я теперь палец к носу могу поднести только с третьей попытки? – хмуро поинтересовался Меф, разглядывая Питер через стекло машины.

– А что говорит Арей? – спросила Даф.

– Он говорит, что это не его заботы и лучше, если я сдохну на тренировке, чем от меча Гопзия... Так я хоть его, учителя, не опозорю.

– Логика есть. Иногда он говорит удивительно здравые вещи! – признала Даф.

– Ага, – подтвердил Меф. – Еще Арей часто повторяет, что человеческое тело – трусливая дрянь, которая говорит себе «не могу» и собирается умирать уже на трети критической усталости. То есть две трети сил у тебя еще в запасе, а ты уже все – морально и нравственно сдох и ищешь глазками, в каком месте выкопать себе могилку.

– Вечно они так! – весело фыркнула Даф.

Она заметила, что скучающий Депресняк решил прыгнуть на блестящий затылок Мамай, и подхватила его под живот.

– Что «вечно они так»? – не понял Меф.

– Вначале мрак придумывает саможаление и день за днем, капля за каплей заражает им мир, а затем уговаривает тебя от него отказаться. Вечно напишут правило, а потом приписывают к нему три тома исключений.

– А свет что, себя не жалеет? – усомнился Буслаев.

– Свет вообще не рассматривает тело как самоценность. Тело надо использовать утилитарно, как одолженный на время велосипед. Ездишь себе и едешь. Нужно что-то смазать – смазал, нужно колеса накачать – накачал, но душой не прикипаешь, потому что знаешь, что все равно отдавать. Жить же надо в состоянии крайних нагрузок. Есть, когда живот прилипнет к позвоночнику. Спать, когда веки станут свинцовыми. Работать, пока лопата не выпадет из рук. Ой!

Мамай куда-то резко повернул, с грохотом затормозил о мусорный бак, что-то выкрикнул и, даже не попытавшись открыть водительскую дверь, исчез.

БДЗЫНГ! Дафна выпустила из рук Депресняка, который с мяуканьем врезался в лобовое стекло. Из багажника донесся восторженный вопль Антигона, любившего не столько экстремальную езду, сколько ее последствия.

– Злится! Не надо было, наверное, пытаться его полюбить. Для комиссионера это хуже, чем кислотой плеснуть, – сказала Дафна, с некоторым сомнением убеждаясь, что, если не считать царапины от пытавшегося вцепиться в нее кота, она не пострадала.

Меф перевесился через спинку переднего сиденья и, повернув ключ, заглушил машину.

– Мы, похоже, приехали, – сказал он, вылезая, чтобы выудить из багажника Антигона.

Тот лежал головой на запасном колесе и с похмелья пил обнаруженную тут же тормозную жидкость.

– Ты что, оглох? Сколько раз приказывать? Доставай меня, Мерзандий Слюняев! – велел он, икая.

Вместо ответа Меф демонстративно захлопнул багажник. Он был уверен, что кикимор, если потребуется, отлично выберется и сам. Так и произошло. Некоторое время Антигон с воплями пинал крышку, попутно разнообразно видоизменяя фамилию Мефа, а затем пинки вдруг прекратились. Не прошло и минуты, как он, покачиваясь, стоял между Буслаевым и Дафной и, обращаясь к Депресняку, толкал мысль, что слово «кот» происходит от слова

«скот».

– Кот – скот, котина – скотина! – повторял он в абсолютном восторге.

Дафна огляделась, высматривая нечто особое, сокрытое от других, и уверенно свернула к площадке.

– Здесь! – сказала она.

Меф заметил турник, и мышцы у него в ужасе заныли.

– Только не это! Лучше сразу пристрели меня из дудочки! – простонал он.

По дорожке прогуливался молодой мужчина атлетического сложения и задумчиво чесал левой рукой правое ухо. Увидев Мефа и Дафну, он вдруг куда-то помчался, часто оглядываясь.

Не обращая на него ни малейшего внимания, Дафна опустила на колени и трепетно поцеловала землю в нескольких шагах от горки. Меф с недоумением наблюдал за ее действиями.

– Ты хочешь сказать, что что-то видишь? – недоверчиво спросил он, когда Дафна вновь поднялась на ноги.

Дафна ничего не хотела сказать. Она просто видела.

Меф стал старательно всматриваться. Признать поражение было не в его правилах. С обычного зрения он переключался на истинное, отодвигался, пытался зажмуриться и после резко открыть глаза, но бесполезно... Прodelывая все это, он ощущал себя человеком, который безуспешно щелкает выключателем настольной лампы, зная, что где-то там, в коридоре, выкручены пробки.

– А я вот ничего. Даже проблесков никаких! – наконец признал он. – Что хоть там такое-то?

– Лестница в Эдем. Я поцеловала первую ее ступень. Так у нас принято, – сказала Дафна после короткого колебания.

– А я почему ее не вижу?

Дафна посмотрела на него виновато.

– Ответ очевиден. Потому что ты пока не свет. Даже я вижу ее немного размыто из-за своих темных перьев. Если же их станет больше – перестану видеть совсем.

– Но в Тартаре же у меня флейта сработала! – упрямо сказал Меф.

– Всего один раз, и то потому, что никак нельзя было иначе. Милость – это исключение, но не правило. Чтобы видеть лестницу постоянно, как видят ее стражи света, требуется полностью измениться. Свернуть шею эгоизму. Перечеркнуть самолюбие, наступить на горло своему «я», ощутить других совершенными, а себя хуже всех. Не только пожелать измениться к лучшему, но и осознать, что сам ты без воли света измениться не можешь. Только в этом случае можно ступить на лестницу или хотя бы увидеть ее.

Меф слушал Дафну недоверчиво. Слишком уж не похоже это было на все, к чему он привык.

– И это все? Никаких гробовых щепок под язык, восхождения полной луны в клешне Скорпиона, массирования точки «ци» против часовой стрелки и закручивания биоэнергетических потоков вокруг потной пятки заклинателя?

Дафна невольно улыбнулась. Никто лучше Мефа не умел передразнивать комиссионерские заморочки.

Послышался топот, и вновь появился тот самый чесавший ухо атлет. На сей раз его сопровождала запыхавшаяся девица, в одной руке у которой было копье, а в другой шипела сковорода. По всем признакам, девицу только что спешно оторвали от плиты.

Девица не очень внимательно посмотрела на Мефа, внимательно на Даф и заорала на парня:

– Совсем дремучий? Светлых от темных не отличаешь?

Обиженный парень пробормотал, что пусть самые умные сами и караулят, и удалился, хотя и гордо, но не очень далеко, чтобы, когда попросят прощения, не слишком напряжно было возвращаться.

– Привет, Гелата! – поздоровалась Дафна.

– Привет! – ответила девица, удрученно созерцая сковороду, с которой, когда она бежала, где-то потерялась яичница.

– На! За ручку держи – обожжешься! – сказала она, вручая сковороду Антигону. – Отнесешь это своей хозяйке и объяснишь, как пользоваться. А то она небось до сих пор думает, что сковородка – это оружие ближнего боя дробящего действия!

Антигон вперевалку удалился, изредка касаясь раскаленной части сковороды пальцем и хихикая.

– Его же вроде украли? Где вы его нашли? – спросила Гелата у Дафны.

– В морозильнике! – вместо нее ответил Меф.

И, разумеется, ему не поверили.

– Где-где? Не пытайся шутить из всех положений! Натянутые шутки смешными не бывают! – назидательно произнесла Гелата.

Что-то полыхнуло, и в трех шагах от Дафны и Мефа появилась Улита. Видимо, недавно она вымыла голову, потому что вокруг головы у нее обмотано было полотенце.

– А вот и я – единственная в своем роде! – представилась она. – Кто способен восхищаться – восхищайтесь, остальные могут грызть от зависти локти и падать в обморок!

Оруженосец Гелаты, охранные навыки которого сидели глубоко в подкорке, опомнился первым. Он мгновенно шагнул навстречу Улите, расставляя руки в жесте «не пущу!».

– О, какой хорошенький младенец! Только увидел чужую тетю, а уже обниматься идет! Чей это? Скажи мамочке: «Агу!» – умилилась ведьма.

Обнаружив, что гигант продолжает надвигаться, Улита сделала быстрый шаг вперед и ткнула его пальцем в грудь.

– Эй, хомяк, замри сусликом! Посмотри на северо-запад! Еще севернее, я сказала! Песочницу видишь? Это твой огневой рубеж! Начинай окапываться! – рывкнула она.

Оруженосец изумленно застыл и оглянулся на хозяйку.

– Да оставь ее в покое! – буркнула Гелата. Она была умнее своего оруженосца и даже не пыталась призвать копые.

– Но она темная! – произнес парень с негодованием.

Наглая толстая девица выводила его из себя.

Улита поморщилась.

– А ты что, сильно светлый, что ли? Дурная агитация хуже прямого вредительства! И вообще, скажи, ты часом не дурак? А то больно успешно притворяешься!

Даф толкнула Мефа плечом, и тот, смекнув, о чем его просят, встал между оруженосцем и Улитой. За ведьму он боялся мало, куда больше – за приятеля Гелаты. Улита с сожалением перестала доводить оруженосца и, обращаясь к Мефу, заявила:

– Я за тобой! Тебя Арей зовет!

– Чего так рано? Тренировка только через два часа! – возмутился Меф.

– Вопросы не ко мне. Гость прибыл раньше.

– Какой гость?

Ведьма посмотрела на него с состраданием.

– Не хочу раньше времени настроение портить, – сказала она.

* * *

Арея Меф нашел в спортивном зале. С ним рядом стоял высокий и тощий страж. Лицо у него было искорежено. Правый глаз смотрел наискось, вдавленный в череп рассекшим лоб ударом сабли или меча. Кожа на лице обожжена. Волосы, ресницы, брови – все слизано не знающим жалости пламенем.

Заметив Буслаева, страж обернулся к нему. Дарх на его шее качнулся и, ябедливо звякнув, указал на грудь Мефа, точно нашептывая, что там имеется нечто его интересующее.

Арей подошел к Мефу и положил ему руку на плечо.

– Знакомься, синьор помидор, это Трынг! Трынг когда-то сражался с Гопзием. Я подумал, что вам будет полезно познакомиться.

Трынг осклабился, показав Мефу железные зубы.

– И кто победил? – спросил Меф.

Трынг молча поднял левую руку. Буслаев увидел, что на ней нет кисти. Это было красноречивее всякого другого ответа.

– А почему вам дарх не срезали? – спросил Меф, не отличавшийся особенным тактом.

– Не случилось. Их разнял один миролюбивый, робкий и тихий дяденька, оказавшийся поблизости, – пояснил Арей.

– Какой дяденька?

Барон мрака удивленно приподнял левую бровь.

– Я! Странно, что ты не узнал меня по описанию. А теперь за дело!

Арей протянул руку и сдернул с подставки два деревянных меча. Меф отметил, что из тренировочных эта пара была самой тяжелой.

– Может, завтра? У меня сегодня все болит! Особенно трицепсы и грудь, – не очень уверенно сказал Меф, не ощущавший ни малейшего боевого задора.

Трынг ухмыльнулся.

– Напрасно ты ему это сказал! – заметил Арей.

– Почему?

– Теперь в бою он это учтет. Только светленькие договариваются перед боем, кто кого куда не бьет. Мрак же, если с ним договоришься, именно туда и влупит! – сказал Арей.

Меф прикусил язык и, ощущая тяжесть в мышцах, поймал брошенный ему меч. Трынг деловито прокрутил в руке свой клинок, прикидывая его вес.

– Что стоим? Ждем, пока я махну белым платочком? Начали! – резко приказал Арей, отходя в сторону.

Атакующего движения Трынга Меф не заметил. Уловил только, что тот стремительно двинулся навстречу. Машинально выставил клинок, защищая голову и шею, и тотчас свалился от сильного удара по бедру. Мышцу пронзило болью. Перекатившись, он ушел от добивающего удара, направленного в голову.

Трынг позволил Мефу выполнить подъем разгибом и вскочить на ноги.

– Запоминай! Гопзий предпочитает наносить удары по конечностям. Кисти, колени, локтевой сгиб, бедро – его излюбленные мишени. В их нанесении он достиг высочайшей техники, – прохрипел Трынг.

Голос у него был глухой и тоже точно обожженный. Тощий и длинный, Трынг стоял и покачивался, держа клинок в опущенной руке. Однако теперь Меф знал, что доверять внешней вялости не следует.

– И правильно: отруби противнику руки и ноги, и голова свалится сама! Большинство бойцов, особенно новичков, инстинктивно берегут голову и шею, а о ногах не думают вообще, точно тело, хлопая ушами, болтается в воздухе. Но чаще всего забывают о противоположной руке, в которой нет клинка, – сказал Арей, касаясь взглядом отрубленного запястья Трынга.

Это было отчасти предупреждением, потому что уже в следующую минуту Меф дважды получил по свободной руке мечом. Один раз по локтю, другой раз по пальцам. И оба раза он совершенно не ожидал удара. Рука мгновенно онемела до плеча и не смогла бы удержать теперь даже кинжала.

– Гопзий делает это вдвое лучше. И меч у него поострее будет, – вскользь заметил Арей.

Пропустивший немало ударов, которые в реальном бою заставили бы его уже истечь кровью, Меф запоздало начинал испытывать азарт.

Двигался Трынг как насекомое. То замирал и казался мертвым, то делал рывок и с сумасшедшей резкостью выполнял два-три атакующих движения, после чего вновь застывал. Длина его рук мешала Мефу сблизиться. При всякой попытке сократить дистанцию Трынг

выбрасывал клинок, пытаясь подловить Мефа на встречном ударе.

Сражался он жестко, скуп и без малейшей жалости. За всякой достигшей цели атакой всегда следовали две-три добивающих. Трынг был явно не из тех, кто доверяет в бою случайностям.

Дафна несколько раз пыталась схватиться за флейту. Ей казалось, что Мефа сейчас прикончат, а если до сих пор не прикончили, то только по недоразумению. Улита, напротив, получала от боя большое удовольствие. Она то принималась радостно вопить, подбадривая Мефа, то ехидно распевала: «Маленький Гопзик нашел на кухне лобзик! Буслаича схватил и уши отпилил!» При чем тут «маленький Гопзик», Меф представлял себе смутно. Видимо, ведьма намекала на будущую дуэль.

Арей наблюдал за боем молчаливо и без выраженного интереса. Никаких советов Мефу не давал, лишь однажды крикнул: «Думай о ногах! Где центр тяжести? Проснись и атакуй!»

Буслаев послушался и стал атаковать, хотя защита Трынга и казалась ему идеальной. Не рискуя делать это линейно, чтобы не нарваться на встречный, Меф пытался закрутить противника, чтобы подойти сбоку. Тактика оказалась верной. Трынг несколько раз ошибся и только чудом отбил удары.

Восторжествовав, что отыскал уязвимое место, Меф принялся атаковать решительнее. Во время одного из колющих, переведенного из рубящего, Трынг гортанно вскрикнул, покачнулся и схватился за грудь, в которую Меф целил мечом.

– Довольно! Сдаюсь! – крикнул он.

Буслаев удивился, так как не почувствовал привычного толчка в кисть, но все же решил, что попал. Он машинально стал опускать клинок, и тотчас круговой удар с полным разворотом корпуса обрушился сбоку на его шею в пальце от ключицы. Перед глазами у Мефа что-то полыхнуло, и он упал. Видимо, в последний момент Трынг ослабил силу удара, потому что иначе даже и деревянным мечом он оказался бы смертельным.

Трынг наклонился, сгреб его рукой за волосы и сделал вид, что отрезает голову. Потом отбросил свой меч и скрестил на груди руки.

– Гопзий обожает такой трюк! Меня он поймал на нем, а когда увидел, что я успеваю его отразить, перевел клинок и отрубил мне кисть! – прохрипел он.

– Но это нечестно! – Меф попытался было встать, но пережатую ударом артерию сдавило болью, и он, кашляя, упал.

Трынг засмеялся.

– Нечестно! – повторил он, точно услышал крайне смешную шутку. – Это ты скажешь Гопзию. Он раскается, разрыдается и поступит в златокрылые. Никогда не верь ему! Даже если увидишь его внутренности или он будет кататься по земле! Не верь, если он станет молить о пощаде. И если отбросит клинок и пойдет с тобой брататься – тоже не верь. Получишь в бок нож вместе с самыми искренними соболезнованиями от того, кто не мог поступить иначе.

– И вам тоже не верить? – спросил Меф, ощупывая шею.

Он был понятливым учеником.

– Мне тем более, – отрезал Трынг.

Арей подошел к Мефу и рывком поставил его на ноги.

– Что разлегся? Вставай и сражайся! Ну!

Меф неохотно подобрал меч. Трынг последовал его примеру, и бой продолжился. На этот раз Буслаев сражался осторожно, не доверяя ни одному движению своего противника. Он успел уже заметить, что основной удар Трынга всегда следует после одного или двух отвлекающих и всегда не в тот уровень, который был обозначен изначально. Если же атака не достигала цели, Трынг немедленно разрывал дистанцию, пользуясь длиной рук и не подпуская Мефа близко.

Во время одного из перемещений Буслаев ошибся, случайно наступил на задник кроссовки и, обнаружив, что тот вот-вот соскочит, поступил по наитию. Он сделал быстрое движение ногой, отправив кроссовок в лицо Трынгу, и прежде, чем Трынг отпрянул, поняв,

чем его атакуют, продолжил движение ударом меча. На сей раз удар достиг цели. Случайно он пришелся по дарху в том месте, где сосулька крепилась к цепи. В дархе что хлюпнуло, и острая короткая боль, пройдя по мечу, ужалила Мефа в запястье.

Трынг схватился за дарх.

– Хватит! – крикнул он с испугом.

– Хватит так хватит!

Меф круговым ударом рубанул его сбоку по шее, обратным движением подсек ногу и, обозначив добивающий укол в голову, отошел на безопасное расстояние.

– Я же сказал: довольно! Я тебя порву, щенок! – прорычал Трынг, грузно садясь и пытаясь нашарить отлетевший меч.

Когда же нашарил, на клинке неожиданно обнаружилась нога Арея.

– На сегодня достаточно, Трынг! Ты нам очень помог! Предоставим Гопзию честь лично убить молодого человека. Ты не возражаешь? – вежливо спросил начальник русского отдела.

– Не возражаю! Но я просил его остановиться! Сосунок едва не расколол мне дарх! – мрачно сказал Трынг.

Арей посмотрел на Мефа.

– В чем дело, синьор помидор? Что за спонтанное буйство?

– Мне сказали: не верить – вот я и не верю! – пояснил Меф, не отрывая от Трынга настороженного взгляда. Хотя нога Арея и не собиралась покидать тренировочного меча, никто не мог помешать Трынгу призвать основной свой клинок или попытаться метнуть нож.

Однако Трынг, сообразивший, что на стороне Мефа Арей, уже унял свой гнев. Он сухо ответил на поклон Арея и исчез, напоследок без восторга посмотрев на Буслаева и проворчав, что в следующий раз поединок будет на настоящих мечах.

– Я нажил себе врага? – озабоченно спросил Меф, когда там, где стоял Трынг, остался лишь сизый дымок.

Арей поморщился.

– Не думаю, что стоит заморачиваться по этому поводу.

– Почему?

– Спроси у своей светлой. Она, уверен, знает ответ, – насмешливо посоветовал мечник.

Меф перевел взгляд на Дафну. Она стояла бледная, но решительная, с флейтой в опущенной руке.

– Насмехаетесь? – спросила она у Арея.

– Да нет. Просто мне забавно послушать, что ты скажешь.

– Забавно – так слушайте! Запомни, Меф: мрак изначально враг всему живому, а раз так, то не имеет смысла бояться какой-либо сугубой мести. Волки, ворвавшиеся в сарай, режут всех овец без разбора, а не какую-нибудь одну, особо досадившую им своим бляньем. Ссоришься ты со злом или нет – не имеет значения. Оно ненавидит тебя уже заранее, просто потому, что ты существуешь. Слугам мрака доступны только два чувства: ненависти к тем, кто еще не побежден, и глубокого презрения ко всем прочим, – твердо произнесла Дафна, не отрывая взгляда от Арея.

Ноздри начальника русского отдела едва заметно раздулись. Он наклонился и, подняв меч Трынга, вернул его на подставку с учебными клинками.

– Вот именно. Так оно и есть, – сказал он. – И даже еще проще. Если тебя убьет Гопзий – до поединка с Трынгом ты не доживаешь по определению. Если же ты убьешь Гопзия – Трынг к тебе даже и не сунется, особенно после того, как ты едва не расколол его дарх. В общем, расслабься и дыши как контуженный йог: одна ноздря вдыхает, другая одновременно выдыхает!

Точно для того, чтобы разрядить обстановку, у Улиты зазвонил мобильник.

– О, привет Ромасюсик!.. Хотя и третий раз за день говорим, но все равно соскучилась! – пропела ведьма, поднося трубку к уху. – Как кто выиграл? Скажи Прашечке, что, конечно, Буслаев! Правда, его до этого четыре раза зарезали и раз шесть пощадили. Но

потом он собрался и всех напрочь напобедюкал!

– Откуда она знает про бой? – удивилась Дафна, когда Улита дала отбой.

– Девчонка не так проста! Лигул не случайно сделал на нее ставку! – заверил ее Арей.

Глава 11

Фактор Тети Таамаг

Любовь как зрение. Невозможно сфокусировать ее сразу на дальнем предмете и на ближнем, если это не особая, чуждая избирательной низости любовь, которой люди обучаются годами, переламывая эгоистичные рамки плоти.

Неформальные разговоры златокрылых

Ирка была очень раздосадована, когда разбуженная-таки Антигоном выскочила во двор, но Буслаева не застала. Сбегая по лестнице, она представляла себе, какое независимое, чуть скучающее и вместе с тем дружелюбное лицо сделает на улице, а теперь оказалось, что выражение свое она может оставить себе.

– А где... – начала она, озираясь.

– Кто где? – уточнила Гелата, любившая иметь четкую вводную информацию для ответа на вопрос.

– Ну этот... как его там... Буслаев, – сказала Ирка, краснея пятнами.

– Этот-как-его-там уже ушел! И эта-не-помню-точно-как-ее вместе с ним! – пояснила умная Гелата, толчком в бок давая знать своему оруженосцу, что команды скалиться не было.

В тот же день вечером к Ирке прибыла Бэтла, а Гелата отправилась обратно. Бэтла не стала даже подниматься в квартиру.

– А чего я там не видела? – спросила она, зевая.

Валькирия сонного копья удобно угнездилась на скамейке и немедленно начала подкрепляться колбасой и запивать ее кефиром. Когда колбаса и кефир закончились, Бэтла расстелила туристический коврик, забралась в спальный мешок и остаток ночи провела в нем. Ирка очень сомневалась, что из спального мешка дремлющая на боевом посту валькирия сможет метнуть копье, однако решила не лезть с замечаниями.

Бэтла относилась к числу тех людей, которых можно или любить такими, какие они есть, или бесконечно на них раздражаться – за неряшливость, сонливость, «тормознутость» и прочие сопутствующие свойства. Ирка предпочитала любить, тем более что и Бэтла платила ей тем же.

То, как ей хорошо и спокойно было с Бэтлой, валькирия-одиночка смогла познать только в сравнении, когда на следующий вечер сменить Бэтлу явилась Радулга. Нервная, как молодая пантера, Радулга всю ночь металась по площадке с копьем в руках, пугала прохожих и осталась крайне разочарована, что ей так и не случилось никого убить. Ирке же не пришлось поспать и пяти минут, поскольку Радулга отправила ее патрулировать квартал и прочесывать дворы в поисках подозрительных скоплений супротивника.

Когда Радулга отбыла в Москву, Ирка ощутила себя на седьмом небе от счастья. Правда, ей тут же пришлось рухнуть с седьмого неба, когда, услышав за спиной решительное покашливание, она обернулась и увидела Таамаг.

– Правило первое: я не слышу твоего голоса, одиночка! Правило второе: ты исчезаешь, и я сутки не вижу ни тебя, ни твоего уродца с лапами! – предупредила Таамаг, даже не пытаясь ответить на робкое Иркино «здрасьте».

«Тем лучше! Хоть по Питеру поброжу!» – подумала Ирка, не обижаясь.

Уходя, она видела, что Таамаг и ее оруженосец наскоро размялись, надели перчатки-блинчики и с большим чувством принялись выколачивать друг из друга лишние мозги. Оруженосец работал очень четко и серийно, однако под сметающий удар Таамаг

предпочитал не попадать – берегся, хотя и весил как молодой бычок и пропорции имел соответствующие.

Ах, Тамарочка-Таамаг! Родиться бы тебе мужчиной! Или стать бы матерью десяти мальчиков, чтобы было кому передать свою мощь и силы! А то ведь силы как пар в паровозном котле – если не дать пару работы и закрутить туго вентиль, разнесут вдребезги и котел, и всю могучую машину.

Ирка шла по Большому проспекту, радостно вбирая в себя через зрачки новый для нее город. Уже стемнело, и только редкая цепочка фонарей тянулась вдоль улицы. Частыми четырехугольниками светились окна. Ветер, этот неразлучный друг-приятель Питера, поддувал ей куртку, забирался в рукава, с любопытством заглядывал в капюшон.

Пару раз рядом задумчиво притормаживали маршрутки, но Ирка махала рукой, чтобы они проезжали. Ей хотелось дойти пешком до Дворцовой площади, хотя она и понимала, что это не близко.

За Иркой тащился Антигон. Наступал в лужи, хлюпал мягким носом и безостановочно ворчал. И город ему был плох, и сквозняки жуткие, и солнце тусклое, и хозяйка такая-сякая. Ирка старалась не прислушиваться и только ускоряла шаг, зная, что на бегу ругаться значительно сложнее. В конце концов, не факт, что если бы у нее самой все родственники были домовыми, кикиморами и русалками, то собственный ее характер был бы многим лучше.

На Антигона Ирка особенно не злилась, понимая, что раздражение – чувство тупиковое и способное воспроизводить само себя до бесконечности. Чем больше надеешься утешиться раздражением, выгнав весь негатив наружу, тем больше нарывает внутренний гнойник, пока однажды человек не превращается в вулкан и не задыхается в собственных ядовитых испарениях. В общем, если хочешь избавиться от прыща – не дави его.

Они дошли уже до середины Большого проспекта, когда внезапно Антигон, не переставая ворчать, стал притормаживать. Ирка удивленно остановилась.

– Что такое? – крикнула она.

– Тихо, хозяйка! – зашипел кикимор, повисая у нее на руке. – Делайте вид, что ничего не происходит! Читайте объявления вот на этом столбе!

– Зачем?

– Сами сейчас поймете! Если оттуда кто-то будет выскакивать – сразу ловите!

– Откуда выскакивать? Из столба?

Кикимор мотнул головой, многозначительно скосил глаза в сторону ближайшей арки, а сам трусцой кинулся обегать дом сбоку. Ирка осталась на месте, послушно разглядывая облепившие столб бумажки. Ветер раскачивал вывески, хлопал форточками и снисходительно играл с дорожными знаками. Торопливо шагали замерзшие прохожие – уставшие, деловитые, похожие на наглухо захлопнутые двери.

Ждать Ирке пришлось довольно долго. Она начисто забыла о поручении Антигона, когда из арки как-то бочком выскочил мужчина, одетый в светлый плащ. Шарахнулся, едва не налетев на Ирку, невесть чего испугался и попытался рвануть через проспект.

В ту же секунду из арки послышался негодующий вопль, и прилетевшая по дуге булава без всяких церемоний врезалась убегавшему между лопаток. Две секунды спустя Антигон уже сидел у мужчины на спине.

Ирка подбежала, по-прежнему мало что понимая.

– Вы куда смотрели, хозяйка? Чудом не упустили! А ну, лежать – кому говорю! – визгливо крикнул Антигон.

– Кто это? Суккуб, что ли? – спросила Ирка, запоздало догадываясь переключиться на истинное зрение.

– Он самый, зараза! Лежать! – сказал Антигон, сопровождая каждое слово тычком кулака.

– А ну, не дерись, животное! Я, между прочим, Хныкус Визглярий Истерикус собственной персоной! Уберите с меня вашего недомерка, мадемуазель, или я за себя не

ручаюсь! – плаксиво пискнул тот, на ком восседал Антигон.

Узнав, что он недомерок, кикимор вспылил и потянул руку лежащего на животе суккуба к затылку.

– Что ты сказал? Я не расслышал!

Суккуб хлюпнул носом.

– Всё-всё! Я за себя уже ручаюсь! Только дайте мне встать, бяки противные! Вы мне плащик испачкали! Я буду жаловаться сотрудникам химчистки и других компетентных органов! – сказал он умоляюще.

Антигон что-то пробурчал и слез у него со спины, для надежности перехватив суккуба за ухо. Ирка увидела простроченное лицо в мелкой цепочке шрамов и два нахальных глаза.

– Осторожно! Он смоеется! – предупредила одиночка.

Кикимор хихикнул.

– Да никуда он не денется! Я потому и подкрадывался, чтобы булавой его двинуть! Теперь он часа на три всех своих штучек лишен! Если побежит, хозяйка, сразу бросайте в него копьё! Куча слизи на асфальте – вот и все, что останется. Слышал, гадюка?

«Гадюка» поспешно закивал, подтверждая полное отсутствие серных пробок.

– Я, нюни мои, буду самым послушным в мире заложником! Умею варить кофе, делать массаж и пользоваться соковыжималкой! – засюсюкал он.

Не обращая внимания на его болтовню, Антигон деловито обыскал Хныка и извлек из кармана стеклянный пузырек с двумя золотистыми песчинками. Суккуб дернулся, провожая добычу страдающим взглядом.

– Твое? – строго спросил Антигон.

– Подбросили! Первый раз вижу! Клянусь Тухломоном, я думал: там витаминки! – поспешно отрекся Хнык.

– Чье это? – спросила Ирка, отбирая у кикимора пузырек.

Один эйдос был хороший, яркий. Другой же поменьше и темный, как будто с гнильцой.

– Говорю: подбросили! Век Тартара не видать! – снова заорал суккуб.

Одиночке стало ясно, что препираться он может до бесконечности. Суккубы ребята тертые.

– А вот тут ты ошибаешься! Антигон, отправь его в Тартар! – приказала Ирка.

Хнык тревожно пискнул и попятился, перебегая глазками с валькирии на ее слугу и обратно. Пробубнив, что вот, булаву потом вытирать, кикимор неохотно размахнулся и...

– А-а! Только не это! Меня, конечно, выпустят, но не сразу! Там такая куча инстанций! Не надо! – завопил Хнык, вдруг сообразивший, что это никакая не шутка.

– Антигон, погоди! – велела Ирка.

Кикимор с сожалением опустил булаву.

– То надо, то не надо... По мне, так уж шлепнуть – и с концами, – сказал он разочарованно.

– Рассказывай! С каких это пор ты в Питере работаешь?

Суккуб облизал губы и, заискивающе касаясь Иркиной руки женской и нежной своей ладонью, пояснил, что он, бедолага, трудится везде. И в Москве, и в Хабаровске, и в Нижнем Новгороде, и в Архангельске. Где урвал – там и молодец.

– Тут неподалеку парень один жил с ожогом лица. Бытовой ожог, никакой героики, никакого горящего танка. Фактически лицо у него отсутствовало, а к тому, что осталось, медсестры и те долго привыкали. От того же ожога был он слеп, как крот. И вот у этого парня как-то зазвонил телефон. Женский голос спрашивает: «Можно Катю?» В общем, ошибочка вышла. Надо трубки вешать, а они проговорили часа два и такое родство душ обнаружили, что просто хоть стой, хоть падай!

– И дальше что? – жадно спросила Ирка.

Хнык зорко взглянул на нее.

– Как что дальше? Финал, нюня моя, был весьма прискорбен и тоже очень в духе этой истории. В тот миг, когда они обнаружили, что созданы друг для друга, разговор прервался.

В трубке: «пи-пи-пи», а они, по примеру всех непрактичных романтиков, так увлеклись родством душ, что не обменялись телефонами. И вот они оба – то есть, конечно же, не оба, а она одна – он-то ее номера и вовсе не знает – начинает лихорадочно крутить диск: и так набирает, и сяк, и кричит в трубку, и плачет, но все тщетно. Случайность их свела, случайность же и разлучила. Хю-хю?

Ирка молча шагнула к суккубу, а тот, мгновенно оценив выражение ее лица, на всякий случай рухнул на колени.

– Маленьких не бьют!

– Не трогай его, Антигон! Рассказывай! – приказала Ирка.

– А что тут рассказывать? Он тоже ждет – час, другой, третий. Ему, а ум у него практический, совершенно ясно, что больше такая комбинация чисел никогда не выпадет. И тогда он встает и очень уверенно: он хоть и слеп, как крот, но хорошо знает квартиру – идет в ванную. Наполняет ее до краев водой, ложится прямо в одежде и – вот сила воли-то! – погружается с головой, чтобы никогда больше не вынырнуть. И в ту секунду, как он это делает, в квартире снова звонит телефон. Это она! Ей случайно повезло, она дозвонилась! Но из-под воды особенно не слышно, да и кран ревет... Через некоторое время телефон перестает звонить, и только из-под двери ванной течет, медленно заливая квартиру, вода.

Суккуб склонил голову набок и, точно умная собачка, посмотрел на Ирку.

– Душещипательно, не правда ли? Ну как, валькирия? Прошиб я этим рассказом мозоль души твоей?

Ирка вгляделась в вытаращенные, как у мертвой рыбы, глазки суккуба и ощутила фальшь.

– Все ты врешь! – сказала она спокойно.

– Почему вру? – всполошился Хнык.

– Дисковых телефонов сейчас уже почти нет. А на кнопчном можно нажать «перенабор».

Хнык медленно поднял обе руки над головой.

– Ох уж это техническое мышление! Сдаюсь! Ну наврал слегка! Действительно, никто не убился, хотя история самая что ни на есть реалистичная. Просто финал был другой. Ну да, обменялись они номерами, ибо были не такие уж и романтики, как я изобразил. Стали созваниваться и разговаривали по несколько раз в день. Болтали – хю-хю! – болтали, а сами даже и не пытались встретиться, потому что оба этого смертельно боялись. Он – сама понимаешь – умолчал кое о каких деталях своей внешности. Она тоже комплексовала чуток по поводу своей. Ноги там одна чуть прямее другой, зубы не ахти, с носом тоже как-то все печально. Не всем же быть такими милыми, как я? Хю-хю?

Хнык, прихорашиваясь, погладил себя по щечке и заискивающе хихикнул.

– Они, я так думаю, потому и сошлись, что устраивали друг друга лишь в форме голосов в трубке. Теперь веришь, что не вру? Э, валькирия? – спросил он вкрадчиво.

Ирка неохотно кивнула.

– Теперь верю. Чьи это эйдосы, их? А тусклый – его или ее?

– Разве я сказал, что это их эйдосы? – удивился Хнык. – Увы, нет! Эти паразиты, как все несчастненькие, у светлых стражей на охране стоят. К ним сунешься – маголодией по башке получишь.

– А чьи тогда?

– Который поярче, эйдос лучшей подружки этой девчонки! Она, видишь ли, вся из себя такая справедливая, что чужая радость ей покоя не давала. «Тебе, мол, так хорошо, что мне от этого даже плохо!» Подруга эта по номеру телефона пробила адрес, пошла туда, все пронюхала, вернулась и «спасла родного человечка от мрака заблуждений».

– А второй эйдос чей, гнилой?

– Разве я не сказал? Двоюродного брата того слепого парня, который этой подружке двери открыл и все разболтал. Но тот уже из мужской солидарности. Лучше, мол, один раз сразу сделать больно, чем много раз и по чуть-чуть.

Заметив, что Ирка смотрит на эйдосы в пузырьке уже без особой симпатии, Хнык просительно вытянул ладонь.

– Нюнечка моя хорошенькая! Будьте такие справедливые! Подайте бедному суккубу на пропитание, а? Все равно же нам достанется, когда Мамзелькина косой чикнет. Да только уж не мне тогда засчитают! – произнес он умоляюще.

– Обойдешься! – сказала Ирка строго и спрятала пузырек в карман с твердым намерением передать его Фулоне или златокрылым. Пусть сами разбираются.

– Да обойтись-то я обойдусь! Да только знаете что будет? Я вам наперед скажу!

– Ну скажи! – согласилась Ирка.

– Вы их свету отдадите, а свет их опять хозяевам вернет, потому что не пользително свету при живых хозяевах эйдосы у себя держать. И как только свет их вернет, как снова кто-нибудь из наших – шмыг! Только даром время потеряете! Может, договоримся, а? – залебезил Хнык, сообразивший, что за утерю эйдосов с легкостью может загреметь в Нижний Тартар, где уже сгинули тысячи таких, как он.

Каждому умному суккубу известно, что всякого духа, прорвавшегося и работающего в человеческом мире, еще десять подсиживают в Тартаре.

Раздраженный Антигон подпрыгнул, вцепился Хныку в ворот, опрокинул на землю и принялся старательно возить по грязи.

– Хозяйка! Сил моих больше нет эту вонючку слушать! – взмолился он. – Вы как хотите, а я его все-таки шандарахну! Убить его не удастся, но тела он лишится и из Тартара долго не вылезет!

Не дожидаясь Иркиного позволения, кикимор занес булаву, метя в старательно простроченный нос Хныка.

– А-а-а! Не надо, нюнечки мои! – заверещал суккуб. – Не надо меня в Тартар! Там, натурально, одни гады и моей сложной души никто не заценит! Отпустите – и я вам такое разболтаю, что пальчики оближете!

Ирка придержала занесенную руку Антигона.

– Ну! Говори!

– Кое-что про этого двоюродного братца, чей эйдос я захомячил!

– Меня личные тайны не интересуют! – отрезала Ирка.

– А разве она личная? Ничуть!.. Начну издали! Есть тут одна площадочка! Когда мимо ни прошнырнешь – вечно на ней кто-нибудь из светлых ошивается! Продолжать? Хю-хю или не хю-хю? – вкрадчиво глядя на Ирку, продолжил Хнык.

Ирка насторожилась.

– Отпусти его! – велела она Антигону.

Тот неохотно разжал руку, позволив обтекающему грязью Хныку встать на четвереньки и отряхнуться на манер большой собаки. Во все стороны полетели брызги.

– Ишь ты! Вытирали им асфальт – вытирали, а луж в городе все равно навалом! – разглядывая его, буркнул кикимор.

Хнык заискивающе захихикал, выслуживая себе жизнь.

– Рассказывай, только не ври! Ты ж знаешь, я нежить! У меня на ваше вранье нюх! – предупредил его Антигон.

Суккуб, перед носом у которого многозначительно покачивалась булава, перестал хихикать и без перехода исторг печальный вздох.

– Что на этой площадке, мраку точно не известно, да только кое-какие мыслишки имеются. Ведь если охраняют – стало быть, не песочек детишкинский?

Хнык от любопытства повернулся на месте и даже присел, чтобы удобнее заглянуть в глаза смотрящей под ноги Ирке.

– Тебе виднее! – сказала валькирия-одиночка, захлопывая от подзеркаливания мысли и стараясь придать лицу скучающее выражение. Ей было известно, что суккубы, если потребуется, считывают потаенные мысли с необычайной легкостью. По глазам, морщинкам на лбу, неуловимому жесту, даже просто по дрожанию губ.

– Я, конечно, дух мелкий, мне мало кто отчитывается, да только слухи у наших быстро разносятся. Когда Лигулу донесение прислали, что свет там регулярно топчется, тот поначалу Арею отписал, чтобы он осторожненько понюхал, чего да как. Да только наш Арей больше ценит, что в его собственную голову втемяшится. Мечом кого-нибудь рассечь – это он с радостью, а вот «осторожненько понюхать»... В общем, завяло дело. Тогда Лигул от себя послал двух комиссионеров. Ни один не вернулся. Послал еще четверых – из этих уже один вернулся и сообщил, что они напоролись на валькирию с золотым копьем.

– Ага! Фулона! Так вот почему она... – не сдержавшись, воскликнула Ирка, но тотчас, спохватившись, что суккуб насторожил уши, умолкла.

– Тогда Лигул перестал посылать комиссионеров и отправил троих стражей посообразительнее... – разочарованно продолжал Хнык. – Они встретили там одного ошивающегося парнишку, скрутили его (щенок оказался неожиданно шустрым и подранил одного из наших!), но сами напоролись на златокрылых и отчалили ни с чем... Что, уже интересно?

– Не особенно. Я пока не понимаю, при чем тут двоюродный брат, – нетерпеливо сказала Ирка, одновременно опуская в копилку своих внутренних суждений о Багрове меткое определение «ошивающийся парнишка».

– Очень даже при том! – горячо зашептал Хнык. – Лигул не собирается спускать светлым! Конечно, стражи мрака могут и сами сунуться на площадку, но нашим интереснее, чтобы свет получил моральный пинок от людей. Так свету больше будет!.. Вы им носы вытираете, а они об вас ноги!

– Давай без рассуждений!

– Пожалуйста! Через четверть часа туда подвоят две довольно большие толпы, чтобы выяснить отношения. То ли машину у кого-то свистнули и разобрали, то ли девушку угнали. Я особо не вдавался. Проектированием разборок и провоцированием ссор у нас особый отдел занимается – я не влезаю. Мне достаточно, что двоюродный братец, о котором я говорил, будет в одной из толп.

– И что? Начнется драка и в драке разнесут детскую горку? – попыталась понять Ирка.

Хнык хихикнул.

– Ну драка не драка, а кусок трубы мой подопечный с собой прихватил. На случай внезапного ремонта водопровода, хю-хю. Ну что? Отпускаете меня?

– Проваливай! – брезгливо сказала Ирка.

Хнык не заставил себе долго уговаривать и шмыгнул через проспект. Антигон проводил его взглядом бойцового пса, которому не позволили сожрать гавкучую шавку.

– Я одного не понимаю! Чего там крушить? Детскую горку, турники и песочек? Лестницу, если верить Эссиорху, они все равно не увидят! – спросила Ирка озадаченно.

Антигон запустил пальцы в заросли бакенбард и принялся ожесточенно скрести. Как всякая нежить, он страдал от мелких паразитов.

– Не в том дело, хозяйка! Мрак гонит их туда как баранов, чтобы было как можно больше бестолковой суеты. У кочевников так бывало. Погонят на пехоту противника быков. Кричат, бичами щелкают, факелами их пугают, а сами за бычьими спинами от стрел прячутся. А как быки передние ряды копейщиков сметут, тут между ними и кочевники врываются. Да это все и не важно. Плевка одного и то хватило бы, если в нем яда и гнева много. Не пощечина убивает, а обида. Не слюна смердит, а злоба.

Ирка задумалась. Да, Антигон прав. Осквернение – дело тонкое. Польют в драке землю кровью, засеют выбитыми зубами, мозги кому-нибудь вышибут, трехэтажным матом ненависть свою в асфальт и песок вварят – и не сможет в оскверненном месте ничего появляться в предрассветный час. Исчезнет лестница. Перестанет быть видимой. И доступной, и что тогда? Возникнет где-то в другом месте? А если нет?

– Может, Лигул и все просчитал, но кое-чего не учел, – сказала Ирка.

– И чего не учел? – усомнился Антигон.

– Фэ-Тэ-Тэ.

- Что за Фэ-Тэ-Тэ?
- Фактор тети Таамаг.

* * *

Дафна подняла с пола меч, которым Арей последние полтора часа, по его собственным словам, выколачивал из Мефа лишнюю дурь. Ради эксперимента Дафна взмахнула мечом пару раз, пытаясь повторить движения барона мрака, но у нее внезапно заболела голова. Дафна торопливо отбросила меч и принялась тереть костяшками пальцев виски.

Меч хранил дух Арея – беспощадный к себе и другим, мертвенный и ироничный. Даже странно было, что дерево сумело пропитаться им и удержать в себе. Но смогло и удержало.

Думая об Арее, Дафна представляла себе огромного викинга, в спине у которого торчит нож. Рукой до ножа не дотянешься – вытащить его нельзя. И вот викинг поворачивается, даже рычит, но только и может, что скрести себе пальцами плечо – нож все равно торчит где-то сзади.

Мефодий лежал на матах, отвернувшись к стене, и тяжело дышал. На нем была серая тонкая майка с двумя ясно проступавшими подтеками пота на спине. Меф потел полосками, как тигр.

Арей только что ушел, отшвырнув меч и напоследок обозвав Мефа «террористом-смертником» и «куском бездарной протоплазмы». Дверь, которую он открыл ногой, все никак не могла успокоиться и дрожала от обиды.

Дафне хотелось ободрить Мефа, как-то показать ему, что она с ним и он не одинок. При этом она прекрасно понимала, что рассуждения в стиле: «Ты хорошо сражался! Один раз ты его почти достал! А что перед этим сорок четыре раза тобой вытерли пол – это все мелочи! С кем не бывает!» – успеха иметь не будут.

Зная это, Дафна решила о схватке вообще не говорить, а подобно степному певцу акыну выдавать сплошной поток сознания в надежде, что отвлечет Мефа от унылых мыслей.

– Смотри, что я недавно заметила. Есть, допустим, узкая дорога. По ней навстречу друг другу идут два незнакомых молодых человека. Когда расстояние будет метров в пять, оба непременно плюнут в сторону. Причем первым почему-то плюнет тот, кто слабее. Сильный может этого и не сделать. Но если силы примерно равны или неопределимы, тогда плюнут оба, – сказала Дафна.

Меф не отозвался. Он продолжал лежать, отвернувшись к стене, и Дафна видела только его собранные в хвост светлые волосы.

– Я вот шла и думала, что означают эти плевки? Вызов? Независимость? Демонстрацию презрения? Может, это кипение мужества, вызывающее непонятное пока науке выделение слюны? Ты как думаешь? – продолжала она.

Мефодий никак не думал. Во всяком случае, вслух.

«И что я о такой чуши заговорила? Ну да все равно! Я от тебя не отстану!» – решила Дафна.

– Я понимаю, что тема тупая, странноватая, но все же любопытно. Или вот еще есть какие глубокомысленные личности. Эти плюют, сидя перед домом на лавочке, или просто когда ждут кого-то, или от скуки. Свесят голову вниз, локтями на колени обопрутся и трудятся. Мелкие, полусухие плевки-крапины. Их обычно бывает безумное количество. Две-три сотни рядом.

«Сейчас он мне скажет: ты что, считала?» – забеспокоилась Даф, однако Меф молчал, как партизан на допросе.

– Нет, я, конечно, не считала, но примерно столько. Просто на глаз можно определить, – на всякий случай добавила Даф. – Интересно, а эти вторые плевки что выражают? Ритуал брачного ухаживания у народов Крайнего Севера, проживающих на крайнем юге?

«Ну все... Еще одно темное перо мне обеспечено. За праздную болтовню и

осуждение», – подумала она параллельно.

Меф не отозвался и на это. Тогда Дафна забежала с другой стороны, присела на корточки и внезапно обнаружила, что глаза у Мефа закрыты. Буслаев спал, утопая щекой в промятом мате. Дафна впервые видела человека, который вырубился почти мгновенно. Даже не убрал неудобно лежавший под самым коленом деревянный меч.

Дафна вытянула его и, поразмыслив, укрыла Мефа кожаной курткой Улиты, висевшей чуть в стороне, на скамейке для пресса. Пресс, быть может, ведьма и не качала, но к скамейке регулярно подходила и порой трогала ее глубокомысленно пальцем.

Сделав это, Дафна присела рядом и, достав флейту, принялась тихо, почти беззвучно играть. Она часто так делала. Никогда маголодии света так хорошо не проникают в сознание, как в часы сна, когда личное Я, тяжелое, эгоистичное, увязшее в пустых заботах, не так сильно давит, плюща человека, как собственный вес – выброшенную на песок медузу.

Услышав звуки флейты, Депресняк вначале взвился на полметра, а затем, шуря глаза, стал подползать к Даф на животе, точно охотился за голубем. К маголодиям света он относился противоречиво. То, что было в нем от райской кошечки, – заставляло его приближаться и тереться о ногу Дафны. Другая же половина, адская и враждебная, – напротив, вынуждала Депресняка выгибать спину, шипеть, отскакивать и скалить острые мелкие зубы. Если в эти минуты понаблюдать за Депресняком со стороны, можно было решить, что у котика серьезные проблемы с головой.

Дафна еще играла, когда дверь скрипнула и кто-то вошел. Продолжая рождать тихие, едва слышные звуки, Дафна спиной ощутила, что кто-то стоит и смотрит на нее. Взгляд был настороженный, недоверчивый, но вместе с тем будто и ищущий. Так волки издали смотрят лютой зимой на печной дым и светящиеся окна деревни. Жадно нюхают воздух и тоскливо поскуливают, разрываемые смутной и непонятной им внутренней противоречивостью.

Понимая, что если оглянется, то спугнет, Дафна не оборачивалась и играла еще довольно долго, пока демонстративный кашель не заставил ее опустить флейту.

Она увидела Улиту, которая, прислонившись плечом к стене, ожесточенно терла переносицу.

– Что ты тут делаешь? Зомбируешь Мефчика? – поинтересовалась ведьма нарочито наждачным голосом, который заставил сердце Дафны дрогнуть от радости. – Да не, я ничё! Зомбируй себе! У нас типа свобода агитации!

– Ага, – легко согласилась Дафна.

Ей было важно не то, что говорит Улита, но что она чувствует. Ведьма подозрительно посмотрела на нее и, широко шагая, подошла к матам.

– Где тут моя куртка? О, уже у Буслаева! Надеюсь, карманы проверять не надо? – Ведьма схватила куртку за ворот, чтобы сдернуть ее с Мефа, но, пожалев, убрала руку.

– Ишь ты, как дрыхнет, суслик! Укатал собачку доктор Павлов! А я сейчас с Ареем говорила! Между нами, он на тебя бочку катит, – наябедничала она.

– На меня? – не поверила Даф. – За что?

– Говорит, что из-за тебя у Мефа пропал гнев. И что если он дальше будет сражаться без гнева, одной техникой, то Гопзий его, конечно, убьет.

– Разве не Арей когда-то говорил, что настоящему бойцу гнев не нужен? – спросила Дафна, у которой была цепкая память.

Улита замотала головой.

– Не, ты его неправильно поняла. Тогда он имел в виду дешевую базарную истерику, которой люди разогревают себя, чтобы с криком «Порешу!» поразмахивать розочкой. Для серьезного боя дешевая истерика, конечно, не катит. Такого дармового завода хватит самое большее секунд на сорок, после чего товарищ непременно перегорит и потеряет волю к победе. После истерики всегда наступают эмоциональные откаты. Воля бойца провисает, мозг затуманивается молочной кислотой, нервная энергия расходуется – и все. Перед тобой потенциальный труп, который стоит на ногах только потому, что не знает, в какую сторону падать. Правильный же гнев – это уверенность в своей правоте, воля к победе, спокойная,

выдержанная, даже где-то холодная. Без нее в бой лучше вообще не вступать. Особенно с бойцами уровня Гопзия.

Дафна посмотрела на Мефа. Спящий с приоткрытым ртом, он был похож на младенца.

– Арей бредит! – сказала она спокойно. – Гнев Мефодию не нужен. Он и так слишком часто бывает злобой.

– Это еще почему?

– Потому что таить в себе гнев «холодный» или «горячий» – все равно что день за днем бережливо собирать в коробочку тухлятину, чтобы больше воняло. Возможно, гнев сберегает тело, но не сберегает эйдос. А тело все равно рано или поздно станет глиной. Конечно, нет смысла торопить этот момент, но и бегать от него тоже глупо.

– Хочешь сказать, что вы, светленькие, вообще не признаете гнева? – удивилась Улита.

Дафна честно наморщила лоб, пытаясь вспомнить. Теория ей всегда давалась сложнее, чем практика.

– Ну, во всяком случае, гнева, нацеленного еще на кого-то. Гнев может быть оправдан только в том случае, если он направлен на себя самого и на ту закисшую грязь, которой мы полны до ушей. Ну и, разумеется, на мрак.

– Во-во! – подтвердила Улита жизнерадостно. – На мрак! Если кто-то докажет, что Гопзий – свет, пусть отгрызет мне любое ухо на выбор. Только не правое – я в нем серьгу цыганскую обожаю носить. И не левое, а то дужку очков цеплять не за что будет, – уточнила она после короткого раздумья.

– Разве ты носишь очки? – удивилась Дафна.

Ведьма смутилась, что сболтнула лишнее.

– Вообще-то линзы. А когда-то давно и стеклышки носила. Очки удобнее линз, если разобраться. Снимаешь их, и никого можно не узнавать... Пятна такие бродят с ножками и разговаривают с тобой знакомыми добрыми голосами.

По лестнице прокатился и толкнул дверь призывающий окрик. Ведьма, всполошившись, на минуту выглянула и тотчас вновь вернулась.

– Шеф спрашивает: слабонервных нет?..

– А что такое? – спросила Даф.

– Потом узнаешь. Так есть или нету?

– Разве что мой котик!

Улита с сомнением посмотрела на Депресняка, который, повиснув на боксерской груше, прочерчивал по ней когтями полосы.

– Этот-то? Да в нем три дня скальпелем ковыряйся – ни одного нерва не найдешь... и мозгов, если разобраться, тоже, – добавила она, поразмыслив.

С улицы донесся нетерпеливый гудок.

– Арей уже в машине! Все, поехали! – заторопилась Улита.

– Куда?

– Скоро поймешь! И сурка своего буди! Эй, Буслаев, подъем! Родина не ждет! А ну, быстро очистил мои любимые маты и вернул мне куртку! – принялась распоряжаться ведьма.

Сонный Меф хмуро поднялся и, покачиваясь, на автопилоте отправился вслед за Дафной и Улитой. Снаружи уже ждал новенький микроавтобус с затемненными стеклами и надписью «Экскурсионный» на белых бортах. Вдоль микроавтобуса, заложив руки за спину, прохаживался Мамай. Увидев Дафну, он неприязненно повернулся к ней сутулыми лопатками.

«Ах, вот ты как! А я тебя все-таки люблю! Хоть ты тресни! Люблю и жалею!» – упрямо подумала Дафна.

Мамай дернулся, точно от электрического разряда и, скрежеща зубами, принялся пинать шину. Вскоре он уже гнал автобус по Кронверкскому проспекту. Проползали длинные сырые дома. Пугливо шарахались светофоры.

Арей зевал, откинувшись на подголовник. Городом он интересовался мало, и если и

поглядывал по сторонам, то без любопытства.

– Синьор помидор, ну как тебе Питер? – спросил он вскользь.

– Не особо, – ответил Меф.

– Чего так плохо? Архитектура не нравится?

– При чем тут архитектура? Здесь меня все время бьют. По сторонам посмотреть не успеваешь, – сказал Буслаев.

Улыбка, которой одарил его Арей, больше была похожа на оскал.

– А ты ожидал, что тебя здесь будут кормить, холить и лелеять? Запомни: холят, кормят и лелеют только бройлерных цыплят, и то жизнь их коротка, а финал печален.

Мамай пронесся по узкой прямой улице, снес левое зеркало о тесно припаркованные машины и круто вывернул руль направо. Мелькавшие вокруг дома показались Дафне смутно знакомыми. Память покрылась сетью трещин, и оттуда выглянул большеголовый кукушонок недавнего воспоминания.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Слышала песенку: «Поедем, красotka, кататься, давно я тебя не катал?» Катаешься – вот и катайся себе, – лениво бросил Арей.

Дафна быстро взглянула на него. Незримая муха-задируха куснула ее в язычок.

– А вы помните финал этой песенки? Советую вспомнить и сделать выводы! – сказала Даф.

Улита захохотала, сотрясая микроавтобус, мало приспособленный к перевозке буйно веселящихся ведьм.

– Один – ноль в пользу светлой! Признайте, что вас побиили, шеф! Причем вашим же оружием! – едва выговорила она сквозь смех.

– Мое оружие меч. Если кому-то не терпится испытать дудочку – милости просим! – недовольно сказал Арей, однако от новых выпадов в адрес Дафны воздержался.

Мамай резко затормозил и, оглянувшись, посмотрел на Дафну с большим злорадством. Чем оно вызвано, Дафна поняла, только выглянув в окно. Эта была та самая площадка в конце Большого проспекта, куда они уже приезжали вместе с тем же Мамаем, и он, разумеется, это прекрасно помнил.

Сквозь затемненное стекло было видно, как по площадке, скрестив перед грудью руки, грозно прогуливается Таамаг. На стоявший у бензоколонки автобус она обращала не больше внимания, чем уличный пес на растрепанную ветром страницу конспектов по философии.

Ее могучий оруженосец, равномерно, как автомат, вскидывал ноги, качая пресс на турнике. Турник, рассчитанный по большей части на рахитичных старшекласcников, прогибался, плохо выдерживая его мощь.

– Здоровенький мальчик! Спорю, кашку в детстве он съедал вместе с ложкой и рукой мамы, – сказала Улита одобрительно.

Арей потянулся, с хрустом разминая пальцы. Меф ожидал, что он сейчас призовет меч, но не угадал.

– На всякий случай напоминаю: мы приехали сюда на экскурсию! Все согласно бортовой надписи! Всеми видами любоваться строго из автобуса! Эстетическое наслаждение тоже получать из автобуса! – предупредил барон мрака.

– То есть как это? Выходить разве нельзя? – озадачился Меф.

– Выходить нежелательно. Мы зрители шоу, но не участники, – подчеркнул мечник, с любопытством разглядывая Таамаг.

Как раз в этот момент валькирия каменного копья с таким негодованием уставилась на двух тихих студентов, собравшихся устроиться на скамейке, что оба сразу вскочили и ретировались. Один на ходу попытался что-то крикнуть, но его более осторожный товарищ, шепча, потянул его за рукав. Таамаг повернулась к ним спиной и вновь продолжила прохаживаться.

Арей хмыкнул.

– Воинственная дама – ничего не скажешь! Иногда я задаюсь вопросом, что влечет тех

или иных людей к свету. Казалось бы, по всем внешним признакам это совершенно наш кадр.

Заметив, что Дафне такая категоричность не понравилась и она открыла уже рот, Меф решил предупредить ее выпад и принять удар на себя.

– Если этот «ваш кадр» узнает, что вы здесь, микроавтобус от копья не спасет! – выпалил он.

Надо отдать ему должное, Арей отнесся к этой реплике с места вполне миролюбиво.

– Она не узнает, – заверил он.

– Почему не узнает?

– По разным причинам. Одна из них та, что у нее не окажется на это времени.

Пока Меф пытался расшифровать это двусмысленное «не окажется времени», у площадки остановилось сначала два, а затем еще два автомобиля. Захлопали дверцы. Из машин стали выскакивать взбудораженные молодые люди. Кое-кто имел с собой и «довесок» в виде трубы или бейсбольной биты. Один держал дулом вниз новенький помповик. При этом ощущалось, что оружие его возбуждает и ему ужасно хочется пальнуть хоть во что-нибудь.

Поначалу обе группы замерли у своих машин, оценивая друг друга, а затем стали настороженно сближаться, не демонстрируя пока особой воинственности. «Довески» же несли так, будто они были захвачены случайно.

Меф прикинул, что встреча должна состояться примерно в центре площадки, недалеко от Таамаг и ее оруженосца.

– Связь мужчины с дубиной неразрывна во все века! Выкинь настоящего мужчину на необитаемый остров посреди океана, где растет всего одна пальма, а из хищников только старый попугай, и в первый же день он перегрызет ствол пальмы и изготовит себе дубину, – прокомментировал Арей.

Заметно было, что он получает удовольствие.

– Вот, взгляни на этих мальчиков! – продолжал мечник, обращаясь к Мефу. – Вначале они себя накручивали, а теперь драться им резко расхотелось. Но драться они все равно будут, потому что у большинства включится механизм: «А мне что, слабо?» А там в дело вступит адреналинчик, и, если повезет, кому-нибудь вышибут мозги.

– Семь и восемь! – посчитала Улита. – Шеф, это нечестно! С одной стороны дошколят чуть больше! Можно мне выскочить и стать восьмой?

– Не можно, – ответил Арей.

– Почему?

– Вначале ты восьмая, потом синьор помидор захочет стать девятым, я – девятым с другой стороны, и понеслось... У Мамаг вот тоже сабелька чешется, но он же сидит и не выступает!

– Ну позязя!

– Без позязя! Мы – зрители! Наше дело зреть. Это касается и всяких прочих с флейтами! Попытаешься вмешаться – перерублю флейту. Кусать пальцы и падать в обморок разрешаю, не покидая сидений, – рявкнул Арей.

Враждующие группы сблизились и замерли шагах в десяти друг от друга. Так получилось, что Таамаг невольно оказалась между ними. Оруженосец прыгнул с турника и подбежал к ней. Меф увидел, как Таамаг оглянулась сначала в одну сторону, затем в другую и сердито подбоченилась.

– Опа, как славно! Заметалась валькирия! Ощущает подвох, но понимает, что копье применить нельзя! Отдел проектирования ссор сработал недурно, даже при том, что меня гаденыш Лигул поставил в известность только сорок минут назад, – одобительно произнес Арей.

Толпы вновь пришли в движение. Если поначалу они были обращены лицами друг к другу, то теперь все как-то сразу повернулось к Таамаг и ее оруженосцу. Голосов Меф не слышал, но догадывался, что у Таамаг и ее оруженосца, видимо, требуют убраться куда

подальше. Один из мужчин нетерпеливо двинулся в сторону валькирии, делая рукой прогоняющее движение, а та, разумеется, осталась на месте.

– Отлично! Так я и думал. Сработал замещающий принцип «Расступись, народ! Дядя драться будет!» – удовлетворенно сказал Арей.

– Что за принцип? – спросил Меф.

Арей нетерпеливо взглянул на Улиту. Он терпеть не мог разжевывать, считая, что умный догадается сам, а дураку все равно не объяснишь.

– Допустим, есть два парня из классов «А» и «Б». Оба в своих классах самые крутые, и оба примерно равны по силе и практическим навыкам членовредительства, – неохотно сказала ведьма. – Случается так, что им надо подраться, чтобы не упасть в глазах своей свиты. Оба выходят на школьный стадион и начинают топтаться. На стадионе места, понятное дело, для Пунической войны хватит. Но этим драться втайне не хочется, потому что это заведомо тупик, а отступать вроде как нельзя. И вот они случайно видят какого-нибудь робкого мечтателя из класса «В», который в стороне кормит колбасой бездомную собачку, и начинают на него орать, чтобы он уматывал. Если мечтатель не слышит по причине разрядившейся батарейки в слуховом аппарате, оба его с удовольствием пинают, доводят до слез и расходятся, искренне считая, что не они не подрались, а им помешали.

Дафна невольно засмеялась.

– И теперь этот мечтатель со слуховым аппаратом... – начала она.

– Ага, в роли робкого ботана, который должен крутить педали, – валькирия Таамаг! – закончил Меф.

Начальный момент драки Дафна упустила. Таамаг была загорожена спинами окружавших ее мужчин. Один из них, видимо, попытавшийся схватить ее за плечо, грузно осел на землю, нелепо подогнув под себя ногу. Он сидел, тряс головой и сам, казалось, недоумевал, что с ним случилось.

После этого наступила короткая, секунды в две пауза. Мутное облако гнева окутывало всю толпу. Дафне с ее острым внутренним зрением казалось, будто над площадкой зависла подгнивающая медуза и стрекалами тянется к каждому стоящему на ней. Две враждующие группы в необъяснимом порыве слились в одну и, не сговариваясь, разом сомкнулись вокруг Таамаг и ее оруженосца.

– Ну все! Понеслось по маленькой! – сказал Арей.

Оруженосцу Таамаг не повезло. Он довольно удачно простой боксерской двойкой отключил первого из напавших на него, но тотчас получил по ключице бейсбольной битой и, придерживая отказавшуюся служить руку, отполз под детскую горку. Его не добивали. Парни еще не настолько затуманились яростью, чтобы полностью забыть об Уголовном кодексе.

– Быстро он как-то... – разочарованно сказал Буслаев.

– Теперь ты понимаешь, почему вымерли динозавры? Они слишком надеялись на свою мощь и слишком медленно соображали, – обращаясь к Мефу, назидательно произнес Арей.

От невозможности вмешаться Дафне не сиделось на месте. Дважды она тянулась к флейте, но всякий раз отдергивала руку, понимая, что угроза Арея перерубить флейту будет немедленно воплощена.

Дафна впервые в жизни наблюдала, как сражается валькирия, у которой нет копья. Таамаг бросалась в самую гущу врагов, где было не так просто пустить в ход «довески», однако захватов заботливо избегала. Дралась лаконично, просто и скупно. Никаких лишних движений. Никаких ухищрений. Простая и надежная техника. В основном ручная. Ногами работала мало и только наверняка – чаще по нижнему уровню и совсем редко по среднему. Предпочитала атаковать, а не защищаться. На каждого противника тратила не больше одного-двух ударов, после чего немедленно перемещалась и переключалась на следующего, даже если предыдущие удары не прошли и не принесли видимого результата.

Когда могла, уклонялась, под удары битой ныряла, но один из ударов кулаком – Меф готов был поклясться! – совершенно намеренно приняла на заботливо подставленный лоб.

Даже сделала головой быстрое упреждающее движение навстречу.

Хруста, Меф, разумеется, не услышал, но ударивший ее тотчас заскулил и присел на корточки, прижимая к животу запястье.

– Все правильно! Береги висок, затылок и челюсть, а лба пусть сами боятся, особенно если кисть не умеют поставить! Фокуса удара нет, цель сместилась, не теми костяшками попали, и привет! – одобрительно произнес Арей.

– Шеф, вы сейчас влюбитесь! – предупредила Улита.

Мечник усмехнулся.

– Не исключено. Наконец-то я вижу человека, который понимает, что делает и, главное, зачем делает, а не только прыгает как горный козел, страдающий от избытка отваги! И – что совсем невероятно! – это женщина!

Меф, сразу сообразивший, в чей огород был брошен камень, благоразумно притворился, что намек не понял. Он и сам знал: в рукопашной схватке против Таамаг у него не было бы ни единого шанса.

Больше всего хлопот Таамаг доставляли не крепкие и малоподвижные ребята, а резкий, невысокий парень с ножом. Удары он наносил не проникающие, а размашистые, рассекающие, пытаясь пометить валькирии лицо.

– Нет, вы это видели?! Мамай, не подскажешь, как пишется слово «гадина»? – спросила Улита.

Мамай не подсказал.

– Тогда, может, выйти и у этой идиотины спросить? Ну я пошла! – и ведьма начала решительно дергать дверь микроавтобуса.

В этот момент идиотина вдруг споткнулась на ровном месте, пропустила два удара и перестала быть актуальной. Меф, силой мысли подсекший парню опорную ногу, невинно перевел взгляд. На колено ему легла изрубленная, многими шрамами прочерченная рука Ароя.

– Я же просил!!!

– Все-все! Больше не буду, – виновато сказал Меф.

Парень с помповым ружьем кругами бегал вокруг Таамаг и нетерпеливо вскрикивал:

– У меня ствол! Я ей в ступню пальну! Ну почему никто не отходит? Вы что, все ненормальные, да?

– По-моему, он сам плохонормальный. Чем дольше живу, тем отчетливее убеждаюсь, что в истериках тебя чаще всего обвиняют истерики, а в психозах – психопаты! – заявила Улита.

Видя, что никто его не слышит, парень сам стал пробиваться вперед, толкаемый со всех сторон. Оказавшись недалеко от Таамаг, он снова принялся вопить, чтобы все расступились, но откуда-то прилетела булава, и парень улегся на асфальт, нежно обнимая помповик.

Улита перевела взгляд, проследившая траекторию полета булавы.

– О, шеф! Смотрите! Еще одна девочка для битья бежит! Да тут их целая дикая дивизия! – радостно воскликнула она.

Новой «девочкой для битья» по умолчанию оказалась Ирка, спешившая на помощь Таамаг вместе со своим оруженосцем. Разумеется, Ирку, не обладавшую мощью валькирии каменного копья, немедленно сшибли бы с ног и затоптали, но, по счастью, ее прикрывал Антигон. Мелкий, но сердитый, он размахивал вернувшейся булавой, колотя всех, кто к ним совался, по ногам и коленям.

Нападавшие озадаченно пятились. Видя Антигона под мороком, они не понимали, откуда в сопливом ребенке столько неконтролируемого буйства. Когда же булавой перепадало по колену, тут и вовсе становилось не до понимания.

Ирка все же призвала копьё, но сражалась не наконечником, а противоположным тупым концом, довольно удачно нанося тычковые удары.

Наблюдавшая за схваткой Дафна отметила, что Таамаг, сражаясь, тщательно оберегает заветный четырехугольник между горкой и песочницей. Ни одна нога еще не ступила туда и

ни одно тело не обрушилось, хотя вокруг уже лежало и сидело немало грустящих юношей.

С прибытием Ирки и Антигона удача окончательно отвернулась от нападавших, хотя пятеро самых заводных размахивали своими неандертальскими орудиями еще довольно рьяно. Остальные же мало-помалу морально сдувались и тоскливо ожидали момента, когда можно будет дать деру. Меф вспомнил про эмоциональный откат и провисание воли уже в конце первых минут боя. Вот о чем говорил Арей!

Внезапно один из парней повернулся и заспешил к микроавтобусу. Меф, понимавший, что снаружи через затемненное стекло ничего увидеть невозможно, озадачился.

– А этот чего здесь забыл? – спросил он.

– А он и сам толком не знает... На Таамаг нападать боится, а сокрушить чего-нибудь охота. Есть такой старый комиссионерский трюк: накрутить человека всякими мелкими неприятностями в школе или на работе, затюкать, отдавить в транспорте ноги, усилить чувство голода, а потом в минуту наибольшей накрутки подсунуть под горячую руку бабушку, мать, мелкого родственника или еще кого-нибудь беззащитного. Срабатывает на ура! Раз пять такую штуку сделают – появится привычка, а там страж-хранитель от человека хоть на время, да отступится, потому что сам будет отравлен. Возникнет брешь, а дальше уже дело техники, – пояснила Дафна и с укором посмотрела на Арея, будто тот и сам был чем-то вроде комиссионера.

Подбежавший парень размахнулся битой. По стеклу микроавтобуса у головы Арея разбежались трещины.

– А совсем новый был, а?! – радостно воскликнул Мамай.

Он был, пожалуй, единственным водителем в мире, который испытывает удовлетворение, когда его автотранспорт крушат и увечат.

Разошедшийся парень продолжал размахивать битой, однако высадить стекло сумел только после пятого удара. Дождавшись, пока он просунет внутрь голову и на его неосмысленном лице появится осмысленное выражение, Арей нанес резкий тычок локтем. Глупое лицо исчезло.

– Вы же сказали, что мы только зрители! – напомнил Меф.

– Так и есть!.. Дал слово – хоть за уши, а держи, – удрученно согласился Арей.

Неосторожно выглянув через разбитое стекло, он столкнулся взглядом с застывшей Иркой, в досаде отвернулся и приказал Мамаю:

– Поехали отсюда! Живо!

Хан охотно выжал газ. Когда он разворачивался, Меф увидел в зеркальце, как следом за ними рванулся невзрачный грязно-желтый автомобиль.

– Спорим, в той машине Прасковья с Ромасюсиком? – сказал Меф во внезапном прозрении.

Арей отнесся к предложению практически.

– На что споришь, на эйдос? – спросил он.

– На эйдос нет, – ответил Меф, преодолев острое искушение сказать: «Да запросто!»

– Что, слабо? – презрительно сказал Арей.

– Да, слабо, – охотно согласился Меф, которого давно нельзя было поймать на такие подростковые подначки.

– И на меч не споришь?

Меф не поспорил и на меч. Убедившись, что он не переменит решения, Арей даже расстроился.

– Правильно, что отказался. Потому что там внутри была одна Прасковья, – с сожалением сказал он. – Ромасюсик наблюдал от бензоколонки. Обратно в машину она его не взяла. Видно, решила, что сам как-нибудь дотащится.

Глава 12

Два сантиметра жизни

Мы обманываем и презираем других людей, потому что считаем их недостойными хорошего отношения. Нашего отношения. Другие – точно так же обманывают и презирают нас. И получается добровольное общество любителей взаимной порки.

Неформальные беседы златокрылых

Последний из парней был нокаутирован секунд через сорок после того, как микроавтобус Мамая умчался по Большому проспекту. Двоим все же удалось удрать. Они маячили где-то внизу, у портовых кранов, не теряя из виду своих и готовясь дать деру, если за ними погонятся.

– Редкостные олухи! Они еще думают, что кому-то нужны! – сплевывая кровь, сказала Таамаг.

Постояв немного в задумчивости, она вздохнула, обозрела площадку, на которой неподвижно лежало, стонало и ругалось тринадцать человек, за вычетом собственного ее оруженосца, и взялась за очистку.

– Объявляю уборку! Все, кто может убраться, – убирайтесь сами! – крикнула она.

Некоторые воспользовались этим предложением, но основной народ остался на асфальте и песочке. Усадив за руль тех, кто еще в состоянии был понимать глубокий философский смысл, заключенный в педалях газа и тормоза, Таамаг заботливо погрузила на задние сиденья всех прочих.

Самых буйных, пытавшихся еще драться, пришлось засунуть в багажник и там запереть. Один попытался боднуть Таамаг лбом в лицо.

– Ты, дрянь такая, за все ответишь! Мы вернемся и вас..! – заорал он.

Не дослушав, Таамаг хлопнула его по голове крышкой багажника и деловито потрогала кнопку.

– Ненавижу, когда в глаза врут, – сказала она.

– В смысле? – не поняла Ирка.

– Ну наблюдение такое: чем чаще мужик повторяет, что он вернется, тем реже возвращается, – басом пояснила валькирия каменного копья.

Когда все четыре автомобиля уехали, Таамаг деловито обозрела поле боя.

– Кажется, пронесло. Тот кусок земли не пострадал. Ни крови, ни выбитых зубов. Напрасно я волновалась, – сказала она вполголоса.

Валькирия каменного копья наклонилась и, подняв помповое ружье, небрежно сунула его под мышку.

– Арматуру – на помойку, биты – Вовану, а ружье надо будет Радулге подарить. Она у нас палить любит, – распорядилась она.

Чуткая Ирка уловила в голосе Таамаг искреннее желание доставить Радулге радость и удивленно вскинула голову.

– Как-то Бэтла у чувака одного автомат отняла, так Радулга едва от счастья не померла! Отстреляла два рожка, а потом патроны всюду искала! – продолжала валькирия каменного копья.

– Кто отобрал автомат, Бэтла? – изумилась Ирка, никак не ожидавшая от нее такого.

– Ну Бэтла! А чего тебя смущает? Надо было разрешить ему и дальше с ним бегать? – не включилась в ее удивление Таамаг, вообще не усматривающая здесь темы для обсуждения.

Она вгляделась Ирке в лицо и вдруг строго приказала:

– Слышь, одиночка! А ну, ходь сюды!

– Зачем?

– Иди, я говорю! Равняйся – смирно! На меня смотри! Чего у тебя тут?

Протянув палец, Таамаг без церемоний ткнула Ирку в скулу. Одиночка вскрикнула от сильной боли, всверлившейся ей в мозг.

– Ага! Больно! – удовлетворенно произнесла Таамаг. – А почему больно? Не трубой, надеюсь, зацепили?

– Не знаю... Не почувствовала... – растерянно призналась Ирка.

– Значит, не трубой, – сама себе ответила Таамаг. – Если б трубой или битой – почувствовала бы. С такой тонкой шеи голову унесет на раз-два!

Все же она взяла Ирку за плечи и, притянув к себе, приказала:

– А ну, посмотрела куда-нибудь на свет! Выше! Эх, жаль фонарика нет! Ничего, зрачок вроде реагирует нормально. Сознания не теряла? Подвигай нижней челюстью! Потряси головой! Не кружится? Теперь высунь язык как можно сильнее! Еще сильнее, до предела! Так... Улыбнись теперь! Сильнее растягивай губы! Сглотни слюну! Не тошнит? Нормально, сотрясения нету! Жить будешь, пока что меня не разозлишь!

Таамаг ободряюще толкнула Ирку ладонью, и валькирия-одиночка ощутила грубоватую ласку, исходившую от этой огромной женщины. Ласка была такая же, как сама Таамаг, – неуклюжая, дикая, но внутренне горячая и живая.

В крайнем удивлении Ирка уставилась на валькирию каменного копья, внезапно с острой ясностью осознав, почему ее призвал свет. В громадной Таамаг были порыв, жертвенность и сила. В медвежьем теле жил не медвежий дух.

Параллельно Ирка обнаружила, что сама Таамаг пострадала в драке куда больше. Один глаз у нее совершенно закрылся. Через лоб и правую бровь сверху вниз пробежал ножевой порез. На подбородке заметны следы ногтей. Нос был смещен и уже начинал отекать.

«И она еще волновалась, все ли со мной в порядке! Ну и свинья же я была, что плохо о ней думала! Вечно так: только дурно подумаешь о человеке, а он точно нарочно к тебе вдруг лучшей стороной повернется!» – подумала Ирка с раскаянием.

– Слушай, а тебе тоже досталось! – сказала она.

Таамаг отмахнулась.

– Разве это раны, одиночка? Ты, верно, никогда не видела людей, которые действительно побывали в передраге... А я пропустила несколько ударов – всего и делов-то.

– Но у тебя нос сломан!

– Про нос, кстати, да! Хорошо, что напомнила. Надо подзаяться! – благодарно кивнула Таамаг.

Она решительно взялась двумя пальцами за переносицу и, скользя сверху вниз, с хрустом вправила кость. Ирка, позеленев, поспешно отвернулась. К такому привыкнуть непросто.

– Чего-то ты дерганая какая-то! Разве это перелом? – бросила Таамаг небрежно. – Перелом, когда нос вообще непонятно где. Это же совсем ерунда. Мне нос раза четыре ломали – есть с чем сравнивать.

Вспомнив об оруженосце, Таамаг подошла к горке и, постучав по железному скату, заглянула под нее. Оруженосец хмуро сидел, придерживая здоровой рукой плечо.

– Ключица? – спросила Таамаг понимающе.

– Да. И с большим смещением.

Таамаг кивнула.

– Ну чего с тобой, болезным, делать? Почесали в травмопункт! Там ерундовину такую марлевую крест-накрест наложат и руку на повязку подвешат... Заодно и одиночку пусть посмотрят! – принялась распоряжаться она.

– В травмопункт? А Гелата? Она же валькирия воскрешающего копья! – удивилась Ирка.

– Я сторонница традиционной медицины. Гелате тоже, конечно, покажемся, но потом. У Гелатки на все какие-то свои взгляды. Радулга ей, например, на почки пожаловалась, а она ей говорит: тебе не почки надо лечить, а голову. Это ж надо такое ляпнуть! У человека почки болят, а она – голову! Ну все, потопали!..

– Постой! А тут кого? Антигона оставим? – спросила Ирка, понимая, что площадку нельзя покидать ни на минуту.

Таамаг фыркнула, в один-единственный звук вместив так много отношения к кикимору, что тот обиженно хрюкнул.

– Вот еще! Кто у нас следующий на очереди песочницу охранять – Хола или Ламина? Для надежности я вызвала обеих. А то одна по телефону трепаться будет, пока батарея не сядет, а другая прогуливаться в шляпе, смотреть на луну, ныть и требовать горячего шоколада! – сказала она.

Плохо зная город, травмопункт они нашли не сразу. Была уже ночь. Длинное больничное здание дремало, погруженное в застывшую синь. Казалось, ее можно резать ножом, как холодец. Окна внизу нигде не горели, не считая вертикальной полоски лестницы. Один из верхних этажей был целиком залит голубоватым, почти потусторонним светом реанимации.

– Веселое место! – сказал оруженосец, которого, как Ирка пять минут назад узнала, звали Федей.

Он бодро обошел больницу кругом и первым поднялся на светившееся крыльцо травматологии.

– Пык-пык! – сказал он, находя звонок.

Открыла им медицинская сестра и сразу провела куда-то по коридору.

Таамаг, зная, что обо всех подозрительных телесных повреждениях из травмопункта сообщают в милицию, на вопрос об обстоятельствах получения травмы заявила, что упала с велосипеда. Травматолог – печальный, ничему не удивляющийся немолодой дядечка с грустными глазами и большой блестящей лысиной, по которой пробегал кое-где застенчивый пушок, – оторвался от тетради.

– А остальные двое тоже с велосипеда? – уточнил он.

Таамаг вопросительно покосилась на Ирку.

– Да, – ответила Ирка. – Это было крупная авария с участием трех столкнувшихся велосипедов.

– А костяшки на руках об асфальт содрали? – понимающе уточнил травматолог.

– Да. Пришлось руки выставить, чтобы шею не свернуть, – пояснила Таамаг.

Врач посмотрел на нее долгим взглядом, который валькирия каменного копья с легкостью выдержала, и, решившись, поправил очки.

– Зубастый асфальт попался... Ну да ладно! Подходите по очереди, а потом проваливайте! Если б вы все знали – как вы мне все надоели! – проворчал он.

Час спустя они шагали по ночному Питеру. Встречный ветер обдувал Иркины ссадины и приятно охлаждал скулу. У Таамаг была зашита бровь. Повеселевший оруженосец шевелил пальцами на подвешенной на перевязи руке.

– Что-то я проголодалась! Всегда после хорошей драки слопать чего-нибудь хочется! – сказала Таамаг.

Отыскав опытным взглядом круглосуточную забегаловку, она на минуту заскочила туда и вернулась с полудюжиной хот-догов, обильно политых кетчупом.

– За что я не люблю такие местечки: они аппетит не столько утоляют, сколько убивают, – проворчала валькирия каменного копья, в три укуса проглатывая один хот-дог и принимаясь за следующий.

Ирка с ужасом наблюдала, как хот-доги исчезают в ней, точно дрова в печи. Таамаг обеспокоенно покосилась на нее и взгляд растолковала совсем в другом смысле.

– Ну да, жуется невесело! Похоже, я все-таки сбоку в челюсть разик пропустила! – пояснила она.

Таамаг и ее оруженосец Федя давно съели свои булki с сосисками и бодро вертели ножищами в десантных ботинках землю, а Ирка все еще мучила свою горячую американскую собаку. Испытывая потребность что-нибудь сказать для поддержания разговора, она выдавила:

– У Москвы и Питера масса сходств!

– Скажи хоть одно! – предложила Таамаг.

– Ну... Питерские микроволновки очень похожи на московские, когда на улице чего-нибудь покупаешь. Сосиска всегда горячая, а хлеб холодный.

Таамаг и ее оруженосец обменялись красноречивыми взглядами, и Ирка поняла, что ляпнула чушь. Таамаг и Федя были глубокими, по брови укорененными в материальную жизнь реалистами и как всякие реалисты понимали все буквально. Фразы с полутонами, равно как и фразы, произнесенные для установления хрупкого эмоционального мостика, успеха у них не имели.

– Микроволновки все похожи. А если будешь есть еще медленнее, то и сосиска станет холодная, – терпеливо сказал Федя.

Ирка поперхнулась и закашлялась. Таамаг постучала ее ладонью по спине с таким рвением, что Ирка едва устояла на ногах.

– Ну и спина у тебя! Просто как селедка – одни сплошные кости! Вечно в одиночки выберут кого-нибудь эдакого! – сказала валькирия каменного копья, однако чуткая Ирка уловила в ее голосе грубоватую бронетанковую нежность.

Ирка стала думать о Таамаг, пытаясь полюбить ее всем сердцем, такой, какой та была, – ничего не вычитая и не ретушируя. Чем больше она постигала суть Таамаг, тем яснее убеждалась, что главное достоинство ее – цельность.

Таамаг представляла собой единый нравственный монолит, возможно, где-то и в чем-то заблуждающийся, но простой и определенный. Такими, должно быть, рождались все люди в эпоху, когда эпос не только царствовал, но и не осмысливался еще как эпос. Люди цельные и в цельности своей не знающие сомнений.

Рассердился – значит, рассердился. Раскаялся и заплакал – так раскаялся и заплакал. Если полюбил кого-то, то сразу и на всю жизнь. Схватил в охапку и бежать, авось не догонят, а имя украденной можно узнать и по пути. Решил пожертвовать жизнью за друга – пожертвовал. Мысль была словом и одновременно действием. Головой никто не крутил, не ныл и назад не оборачивался.

«А сейчас люди дробные. Вроде и убивают реже, зато гадят чаще. И любят, точно дохлую кошку гладят, и сердятся половинчато, и прощают в треть сердца. И все как-то вяло, без силы, без желания... И кому мы такие нужны? Эх, зажег бы кто нас!» – подумала Ирка.

* * *

Когда они вернулись на площадку, там уже дежурили Ламина и Хола. Их оруженосцы с апломбом рассуждали, каким способом можно быстрее натянуть тетиву у арбалета. Когда же тема исчерпалась, перешли на способы закалки дамасской стали.

Насколько Ирка могла определить на первый взгляд, оба оруженосца относились к породе всезнаек-эрудитов, которые все и обо всем знают понемногу, вглубь благоразумно не ныряя и размазывая знания по мозгу тонким слоем, как масло по хлебу.

Ламина сидела на краю песочницы и, точно загорая, смотрела на луну. Хола прохаживалась взад и вперед, как тигрица в клетке.

– Ну как дела? – спросила Таамаг.

– Чудесно, – отрешенным эхом откликнулась Ламина.

В ее взгляде сквозила лунная пустота.

– Новых атак не было?

– Нет, – ответила Хола. – Комиссионеры – те шныряли, но близко не совались. Хотела я одного копьём подшибить, но смазала.

– Злиться надо меньше. Кипят только чайники, – сказала Ламина.

Не принимая участия в разговоре, Ирка отошла и остановилась, глядя на дремлющую в ночи бензоколонку. Память укусила ее беспокоящим воспоминанием. Она готова была поклясться, что в микроавтобусе с разбитым стеклом, кроме лица Арея, она видела мелькнувшее лицо Мефа. Но почему он там? Зачем? Как он мог смотреть и не вмешаться, не помочь?

Таамаг она ничего не говорила и говорить не собиралась, но на душе у нее стало неприятно. Нет, не обиду она испытывала, а недоумение, какое бывает, когда человек,

которому ты доверяешь, вдруг совершает непонятный, скользкий и необъяснимый поступок. Необъяснимый потому, что объяснение, если его давать, станет приговором.

«Я должна увидеть Матвея! Немедленно, прямо сейчас! Мне необходимо его увидеть!» – почувствовала Ирка.

Когда одна чаша весов перевешивает тоской и недоумением, на другую, чтобы не нырнуть в уныние, непременно надо положить что-то утверждающее и обнадеживающее.

Попросив разрешение у Таамаг отлучиться и услышав в ответ великодушное: «Ну топай!» – Ирка сосредоточилась и мысленно позвала Корнелия. Непутевый связной света появился минут через пять. Вид у него был заспанный, хотя он и уверял всегда, что раньше шести не ложится и вообще спит не больше двух часов.

– Ну чего тебе? – спросил он, зевая.

– Где Багров? В Эдеме? – задала вопрос Ирка.

– Так его и взяли в Эдем! Догнали и еще раз взяли! Эдем заслужить надо. Если меня оттуда вот-вот выпрут – чего тут о Багрове говорить! – заявил Корнелий.

– Но хоть подлатали? – забеспокоилась Ирка.

– Подлатали.

– А где он сейчас?

– У Эссиорха в Москве отлеживается. Вчера с утра жар был – ртуть чуть из градусника в космос не улетела, а сейчас уже ничего. Загромождает мой диван и грустит.

– А увидеть его можно? – спросила Ирка.

– Да запросто! Можешь даже с собой забрать. А то мне надоело на полу спать. Эссиорх на меня вечно свой мольберт роняет, когда ночью на него муза наступит. Лежишь себе, ворочаешься, и тут – хлоп! – на тебя сваливается бездарное полотно с непросохшим маслом! Не хило, да?

Перед тем как отправиться к Багрову, Ирка ненадолго поднялась в квартиру, чтобы захватить с собой ноутбук. Ей не хотелось, чтобы оруженосцы-всезнайки попытались туда залезть.

Корнелий с ней не пошел. Он уже достаточно проснулся для того, чтобы потрепаться с Холой и Ламиной, и направился к ним, выпячивая грудь, как молодой петушок. За те полторы минуты, что Ирка поднималась по ступенькам, он ухитрился выяснить, что Хола делает вечером, сказать Ламине, что у нее печальные глаза, попросить у Таамаг разрешения потрогать ее бицепс и вызвать на дуэль всех трех оруженосцев.

В темном коридоре Ирке попалась Инга Михайловна, бредущая на кухню. Одета в белую ночную рубашку, она походила на шаткое привидение. В руках она держала кашляющую тревожным ночным лаем собачку.

– Кто там? – испуганно спросила Инга Михайловна.

– Я, Ира. А почему свет не горит?

– Лампочка перегорела. Но ты не волнуйся, я уже просунула под дверь серфингисту письмо с требованием принять меры. В прошлый раз меняла я и не хочу терпеть экономического ущерба.

– А, ну да... – сказала Ирка рассеянно. – А так сказать нельзя? Словами?

– Разговаривать с ним бесполезно. Я с этим субъектом не вступаю в контакт после того, как одна из его досок едва не убила Мими. И вообще, дорогая моя!.. Питер не тот город, в котором беззащитной молодой девушке следует гулять ночью! Советую принять это к сведению и впредь использовать как жизненное правило!

Захватив ноутбук, Ирка вышла. Лестничный пролет встретил ее такой же темнотой, как и квартира. Ступеньки слабо серели. Над ними нависла густая сосущая тьма, разбавляемая брызгами луны, когда поворот лестницы проходил мимо окна.

Вначале Ирка несла ноут перед грудью, но, опасаясь разбить, застегнула сумку и перебросила через плечо. Держась рукой за перила, она ногами осторожно нащупывала выщербленные ступеньки. Казалось бы, излишняя предосторожность, но ступеньки были разной величины, и Ирка даже при дневном свете ухитрилась пару раз с непривычки

сверзиться.

Одиночка спустилась уже на два пролета и приближалась к третьему, когда что-то заставило ее остановиться. Позднее она приписала все интуиции, хотя на деле причина была более прозаичной. Ремень сумки ноутбука был слишком длинным, и сумка, раскачиваясь, при каждом шаге стучалась о бедро.

Ирка поправляла сумку, когда ей почудился неясный, смазанный звук, донесшийся оттуда, где чуть более светлая полоска перил прочерчивала темноту.

– Ау! – негромко окликнула Ирка.

Никто не отозвался.

– Кто там? Есть кто? – снова крикнула Ирка.

Пытаясь заглянуть через перила, она неосторожно поймала ногой выбоину (слава старым доходным домам!) и шесть ступенек до площадки прокатилась на боку, больше беспокоясь о ноутбуке, чем о своих костях.

Ощувив под ногами опору, Ирка сразу вскочила на ноги, вызывая копьё. Шагах в пяти слабый лунный свет очерчивал неподвижную мужскую фигуру. Белым пятном расплывалось во мраке лицо.

– Эй! – опять крикнула Ирка.

Тень, не отвечая, взмахнула рукой. Ирка, не задумываясь, отпрянула вправо, ощутив холодное дуновение у щеки, после чего метнула копьё. Фигура легко уклонилась и чем-то ударила по не успевшему разогнаться копьё.

Полыхнула яркая голубоватая вспышка, ослепившая Ирку. Сухой удар грома раскатился по лестнице. Задрожали двери. Где-то открылась, захлопнулась и зазвенела форточка. Вновь призвав копьё, одиночка приготовилась к новому броску, однако тень уже исчезла.

Сбежав по лестнице, оглушенная Ирка выскочила на улицу и налетела на Таамаг, мчавшуюся ей навстречу вместе с оруженосцем.

– Что такое? – крикнула та и, не дожидаясь ответа, метнулась в подъезд.

Провод оказался перерезанным у самого выключателя, однако оруженосца это не остановило. Он оплавил оплетку зажигалкой, вытянул, скрутил, и через минуту свет вновь горел.

Между вторым и третьим этажами Таамаг легко отыскала метательный нож, торчавший в перекладине рамы. Трогать его она не стала, а лишь задумчиво качнула пальцем и хмыкнула.

– Похож на нож Багрова! – удивленно сказала Ирка.

Таамаг это не удивило.

– Думаю, это он и есть. Если это тот нож, которым Матвей кого-то подранил, то тебе его вернули. Умница, что уклонилась. Поверь тете, ничто так не портит зрение, как нож, вошедший в глазницу и торчащий из затылка... Ты сама-то хоть попала?

– Нет. Он тоже увернулся, а потом была вспышка, – сказала Ирка.

Таамаг известие о вспышке не понравилось.

– Ну-ка, покажи свое копьё! – велела она.

Ирка призвала копьё, радуясь, что оно опять повинует. В том месте, где наконечник ободом опоясывал древко, она увидела глубокую царапину.

– Сообразила теперь? – спросила Таамаг.

– Вспышка от столкновения двух артефактов: темного и светлого? – попыталась предположить Ирка.

Таамаг кивнула.

– Похоже, он был не прочь перерубить у копьё наконечник, чтобы забрать с собой.

Ирка уставилась на Таамаг с недоверием.

– Ты серьезно? Зачем?

– А почему нет? Копьё одиночки – недурной трофей. Попытался перерубить, но немного промахнулся и вынужден был телепортировать, пока копьё не полетело в него во

второй раз. Кинься он на тебя с мечом, попытаюсь сыграть на опережение, копьё поразило бы его в спину. Он и это просчитал.

Ирка смотрела в серые испытующие глаза валькирии каменного копья, а память ее медленно пролистывала все, что случилось на лестнице.

– Согласись, что, когда пытаешься на лету перерубить наконечник, промах в два сантиметра в темноте не очень значительный, а? – добавила Таамаг.

– То есть он хороший боец? – уточнила Ирка.

Таамаг шмыгнула носом. Похвалу у нее заслужить было непросто.

– Ничего, сойдет, – сказала она. – Эти два сантиметра спасли тебе жизнь. Больше не ходи одна. Хоть хмыря своего, но захватывай!

– Я не хмырь! – с негодованием произнес Антигон.

– По мне так натуральный хмырь! – отрезала Таамаг. Нежитеведение она не изучала и даже не собиралась.

– Ир! Ты идешь или как? – крикнули снизу.

Корнелий уже вертелся нетерпеливой юлой. Минута промедления – и у него начинался трясунчик. Недаром его дядя Троил утверждал, что самым большим наказанием для Корнелия в детстве было посадить его на стул и заставить час просидеть неподвижно, положив на колени руки.

– А если еще и молчать заставить – так вообще! Он называл это Нижним Тартаром! – вспоминал Троил.

* * *

Телепортация в Москву прошла без особых приключений. Разве что прядь Иркиных волос материализовалась внутри входной двери. Ирка стояла в темном коридоре и дергала волосы. Пахло новой моторезиной. Влажный зонтик, болтавшийся где-то высоко на вешалке, плакал вчерашним дождем.

После пятого вопля: «Эй, кто-нибудь!» – дверь брызнула широкой полосой света. Подошел Эссиорх в холщовом переднике, заляпанном красками и присохшей глиной. Посмотрел. Молча сходил за ножницами и отстриг Ирке застрявшую прядь. «По-другому не получается. Там все намертво спеклось», – пояснил он. Затем высунул голову наружу и фыркнул.

– Хочешь посмотреть на сюрреализм: из двери растут волосы? – предложил он.

Однако желания «смотреть на сюрреализм» у Ирки не было.

– Убери их! – попросила она.

Эссиорх отказался.

– Ну уж нет! Оставляю! Ты сама телепортировала или Корнелию доверила?

– Корнелию, – признала Ирка, подумав, что это первый и последний раз.

Эссиорх засмеялся.

– Чего смешного?

– Да вот прикидываю, что написал бы Корнелий в отчете, промахнись ты еще сантиметров на десять? «В момент сдвоенной телепортации я размышлял о перспективах борьбы с мировым злом, вследствие чего валькирия-одиночка мистическим образом оказалась сразу по обе стороны запертой входной двери. На вопрос: „Как ты себя чувствуешь?“ – вразумительного ответа я не получил. Копье и шлем прилагаю. Состояние артефактов нормальное. Жду распоряжений. Связной света, Корнелий».

– А где сам связной света? – мрачно спросила Ирка.

– На диване небось уже валяется. У него теперь новый фокус. Он телепортируется в воздухе в полуметре над диваном и с радостными воплями обрушивается мне на голову. Так я теперь иногда таз с водой туда ставлю, чтобы он охладился, – пояснил Эссиорх.

Из комнаты донесся знакомый голос.

– Матвей! Как он? – узнав, радостно воскликнула Ирка.

– Уже ничего, хотя свету пришлось повозиться. Прямой опасности нет. Силы восстанавливаются примерно по пластиковому стаканчику в день. Но если учесть, что потерял он их ведро, выводы делай сама, – пояснил Эссиорх.

– А-а... – протянула Ирка. – Ну да... Я пошла, хорошо? Он же не спит?

И, не дожидаясь разрешения, она кинулась к двери.

Эссиорх ловко сделал подсечку, одновременно придерживая, чтобы валькирия-одиночка не влетела лбом в шкаф.

– Можно дружеский совет? – мягко спросил он.

– Ничего себе дружеский! Ну чего?

– «Ну чего?» меня не устраивает! – строго отрезал хранитель.

Ирка взяла себя в руки.

– Да. Можно, – поправилась она.

– Будь осторожна, валькирия! Не заиграйся!

– О чем это ты?

– Помни: тебе можно *любить*, но не *влюбляться*. Почувствуй разницу между двумя этими понятиями и никогда не путай их.

Ирка засопела. Обида поднялась в ней волной и опала. Ответ она приблизительно знала, но все равно беспомощно коснулась этой постоянно торчащей в ней занозы.

– Но почему ничего нельзя для себя?

– Все крайне просто! Ты защитница света и истины. Ты хранишь драгоценную казну – копье и шлем. Тебе даны многие дарования, но чем больше дар, тем больше ответственность того, кто его несет. Разве не того делают хранителем казны, кто себе не возьмет ни монеты? Если же разрешить ему брать хотя бы понемногу, не случится ли так, что со временем он будет желать все больше? И если не брать, то втайне завидовать тем, кому он дает? А потому лучше сразу исключить самую возможность что-то взять. Один раз прижечь эгоизм, чтобы он не прорастал потом сотней побегов – ропотом, сомнениями, осуждением, досадой. Понимаешь?

Ирка кивнула. Понимать-то она понимала, но только умом. Сердце все равно скулило, как обиженный голодный щенок, которому показали сосиску, после чего убрали ее в холодильник.

– Но почему валькирией сделали меня? Я же слабая, глупая, эгоистичная! Сидела на коляске и целый день паялилась в монитор! Полно же других, в сто раз лучше! – сказала она беспомощно.

Эссиорх протянул руку и ободряюще коснулся ее носа запачканным краской пальцем.

– Открою тебе секрет! Я ведь тоже совершенно никчемный хранитель. И даже больше: именно потому, что я осознаю свою никчемность, я до сих пор хранитель. Почувствуй я хотя бы на пять минут свое совершенство, я стал бы никуда не годен и утратил бы всякую связь с небом. Стражи мрака потому и стражи мрака, что ощущают себя совершенными.

– Сложно все это, – сказала Ирка.

– А по-моему, проще не бывает, если понять принцип. Желаящий прийти к свету прежде всего должен забыть слово «я» и все, что с ним связано. Это первый шаг. Свет – это то, что не себе. Мрак – то, что себе. Свет каждому дает по силам его, сколько он сможет поднять. А некоторым даже столько, сколько им кажется, что они способны поднять. Только имей в виду, что вместе с ответственностью за кого-то – ты берешь и чужую боль, и чужую скорбь, и бессонные ночи, и много чего еще. Вот и получается, что во mnogой силе – многие печали. Лучше взять чуть меньше, но донести, чем, взяв много, после бросить все по пути и от бессилия растоптать ногами.

– Мраком быть проще, – сказала Ирка с завистью.

Эссиорх ее не разубеждал.

– Понятное дело, что падать в пропасть проще. Поджал себе лапки и летишь. Сложность в том, что у всякой пропасти есть дно, хотя кому-то она и может показаться бездонной.

Ирка провела рукой по волосам. Справа они были оплавлены и сантиметров на десять короче. «Зато теперь я похожа на мальчика-пажа. В общем, кому откуда нравится, пусть тот с такой стороны и смотрит», – решила она, раз и навсегда выбрасывая эту заботу из головы.

– Ты готова любить всех, но не влюбляться? – спросил Эссиорх.

– Да, – без особой уверенности ответила Ирка.

– Собралась?

Ирка кивнула и, веником загнав разбегающихся котят эгоизма в глубь сознания, шагнула к двери, за которой ее ждал Багров.

Глава 13

Malus puer robustus²

Человек – направленное движение от эгоизма к альтруизму. Эгоизм, если разобраться, простая стартовая модель, направленная исключительно на выживание и потребление. Эгоизмом наделены и дождевые черви. Вот только от рыболовного крючка их это не спасает.

Эльза Керквинида Флора Цахес
«Общее человековедение»

– Света нет! – сказал Меф.

Даф вздрогнула. Такие заявления не могут не настораживать, особенно когда их произносит твой подопечный.

– Кого-кого нет? – переспросила она тревожно.

Меф несколько раз щелкнул выключателем.

– Электричества!

– Так и надо было сразу говорить. Свет имеет к электричеству примерно такое же отношение, как виселица к вешалке! – с облегчением произнесла Дафна.

Мефу не хотелось вступать в полемику. Перестав терзать бедный выключатель, он тоскливо посмотрел на лампочку и отошел. Утро было пасмурное, серое, влажное. Казалось, серость выпивает силы и просачивается в душу. Меф же, хотя и скрывал это, очень зависел от освещения. Когда же его не хватало (а в Питере, как и в Москве, его не хватает почти постоянно), старался включить все лампы.

Ох уж это электричество! Нет его, и сразу со всех сторон лезет наша полная бытовая уязвимость. Не горят лампы, не срабатывает пьеза на плите, не работает микроволновка. Погас, грустно мигнув, верный друг компьютер. Замолчал бесноватый бормотун телящик. Привычные тропы жизни, пролегающие от одного прибора к другому, нарушены. Бедный человек начинает метаться, не понимая, что на самом деле он на короткое время освобожден от плена, и пугаясь своей ненадолго обретенной свободы.

Казалось бы, налаженный быт разгребает время. Множество электронных приспособлений освобождают человека от тяжелой, монотонной работы. Но на что человек тратит освободившиеся часы? На чтение детективов в припадочно трясащемся метро? На жажду все нового ненасытного и неутолимого приобретательства? Жизнь превращается в потребительскую пляску однотипных желаний.

Буслаев подпрыгнул и круговым ударом ноги попытался попасть по лампе. Вертушка не получилась, и абажур язвительно закачался на проводе, точно издеваясь.

– Скажи спасибо, что я не Чимоданов. Он когда ногой промахивается, из «маузера» пули три вгоняет! – проворчал Меф.

Даф заглянула ему в лицо.

² Крепкий малый злобен (лат.). Гоббс.

– Что-то ты хандришь! Ну-ка, посмотри на меня!

– Зачем?

– Посмотри!

Меф неохотно послушался.

– А, ну все понятно! У дяди Арея опять зачесались передние хватательные конечности! – гневно сказала Дафна.

Минуту спустя Меф уже лежал на диване, а Дафна перекистью водорода аккуратно обрабатывала рассечение у глаза, заработанное на утренней тренировке.

– Нельзя бить человека по тому, что думает! Или пытается думать! – сказала Даф, созерцая множество боевых помет у Мефа на лице.

– Я дерусь не с Ареем! Я дерусь со своим страхом. И от него же получаю в нос, – упрямо ответил Меф.

«Опять эти солдафонские бредни!» – подумала Даф и деловито ощупала ему переносицу.

– На этот раз твой страх очень неплохо тебя отметелил, но нос цел, – сказала она.

– Зато запястья и голени отбиты. Арей постоянно лупит меня по ним, потому что Гопзий любит это делать, – пояснил Меф.

Избегая мокрой ваты, которая лезла ему в глаз, он рывком сел и свесил ноги.

– Я смотрел, как бьют валькирию, и не вмешался! Получается, что я опять был на стороне мрака! – сказал Буслаев.

Даф аккуратно закрутила крышку перекиси и убрала ее от греха подальше, пока пузырек не сожрал Депресняк. Лучше бы Меф помалкивал! Мысль, что они не помогли, тревожила и ее тоже.

– Тут была спорная ситуация. Утешай себя тем, что Таамаг могла сгоряча не разобраться, кто враг, а кто друг. Ты получил бы между глаз скорее, чем объяснил бы, как сильно желаешь ее защитить. А если бы Арей выскочил за тобой следом? Тогда произошла бы схватка между Ареем и Таамаг.

– Арей бы победил, – уверенно произнес Меф.

Дафна не стала делать прогнозы.

– Да или нет, но без трупа или двух дело бы точно не обошлось, – сказала она.

Дверь распахнулась от решительного толчка бедром, и вошла Улита, румяная и взбудораженная, как человек, только что вернувшийся с улицы.

– Эй, дохляки! А ну, встать по стойке смирно и бояться меня! Кому тут жить надоело? – рявкнула она.

– Что?! – с вызовом спросил Меф.

Улита хихикнула.

– Поздравляю! Ты у нас новый ДДНО! – сказала она, похлопав его по плечу.

– Какой еще ДДНО? – растерялся Буслаев.

– Драчливый Дурак Номер Один! Знаешь, как в большой компании вычислить самого самоуверенного и агрессивного дурака? Задаешь провокационный вопрос и внимательно слушаешь, кто первый взбунтует. Это и будет дурак номер один. Кто будет поддакивать – те Пэ-Сэ. Подхалимствующая свита. Своего мнения не имеет, но охотно работает эхом. Кто станет науськивать и растравливать ссору, когда она уже затихла: Гэ-Зэ.

– Что за Гэ-Зэ? – спросил Меф, видя, что Улита не спешит с расшифровкой.

– Гремучая зараза. Знаешь, есть такие, которые сами не дерутся, но подзуживают, шепчут, скользят между людьми как змеи. Таких надо выдирать из общения как сорняк. Говорить им только «здрасьте» и «до свидания» – причем лучше как-нибудь одним словом. Они безнадежны. За эйдосами этих уже и мрак не охотится – они и так ему достанутся, – жестко сказала ведьма.

– А как умного вычислить? – спросил Меф.

Рассуждения Улиты казались ему интересными.

– Умный смотрит с улыбкой, не злится и воспринимает не твои слова как таковые, а

стремления и побуждения. И тот, разумеется, кто любит тебя несмотря ни на что и никогда не осуждает! Вот как она! Заметь, она даже бровью не повела: смотрела на меня и спокойно улыбалась! – сказала Улита, ткнув пальцем в Дафну.

– Значит, я дурак, – убито произнес Меф.

– Признался, и то хорошо! Признание недостатка – первый шаг к его исправлению, – утешила ведьма Мефа. – Величественнее надо быть, юноша! Шире душой! Мельчить надо только морковь в салат... Ах да, между прочим, к тебе пришли!

– Кто? – озадачился Меф.

– Кто-то, кто сидит внизу. Холодно, между прочим, снег идет, а она на велике.

Меф подошел к окну и оттянул пальцем планку жалюзи. Внизу, сразу за оградой, по асфальтовой площадке кругами ездила Прасковья. Она была в синей куртке и оранжевой шапке. Безошибочно уловив момент, когда Мефодий отогнул жалюзи, Прасковья остановилась и вскинула голову.

«Она же не может меня видеть! Это исключено», – подумал Меф.

Но она видела.

– Без машины, без охраны, без Ромасюсика... А они где? – спросил Буслаев.

– А ты позвони Ромасюсику! Он тебе с удовольствием расскажет, где он. Минут так на двадцать пять с хвостиком. Ду ю андэстэнд ми? – передразнила Улита.

Меф содрогнулся.

– Нет уж. Обойдусь как-нибудь. А что она тут делает?

Улита хихикнула.

– Понятия не имею. Но на твоём месте я бы к ней вышла. Девушка определенно кого-то ждет, причем явно не меня и не Арея.

Мефодий вопросительно оглянулся на Дафну.

– Разумеется, – сразу согласилась она. – Сходи! Ах да! Купи, пожалуйста, по пути Депресняку противоблошиный ошейник. Бедный котик жутко чешется!

Меф ушел. Улита, оставшаяся в комнате вместе с Дафной, недоумевающе уставилась на нее.

– Разве у лысых котов могут быть блохи? – поинтересовалась она.

– Сомнительно. Да и потом, у него кровь кислотная. Блоха растворится при одной попытке укуса, – рассеянно сказала Даф.

Улита хмыкнула.

– Я так почему-то и подумала, что про ошейник ты просто так сказала. Представляю, как Прасковья взбесится, когда он вместе с ней будет искать ошейник для твоего кота.

Дафна чуть поморщилась.

– Для меня взбесить ее не цель, – ответила она.

Улита некоторое время внимательно разглядывала ее, а потом кивнула.

– Хорошо! Допустим, верю, но не понимаю. У тебя же Мефа уведут, причем даже не нагло, а так... э-э... словно тебя вообще не существует. Типа какая разница, что вякнет стул, на который забираются с ногами?

– Ты не права, – уверенно сказала Даф. – Прасковья вовсе не такая скверная, каким хочется видеть ее мраку и Лигулу. Она не чудовище.

– А какая она? Хорошая, что ли?

Даф задумалась.

– У нее неплохое сердце, но неразвитый ум. Она как маленькая разбойница в «Снежной королеве» Андерсена. Ей весело щекотать оленя ножом, она и щекочет, не задумываясь, плохо это или хорошо.

Ведьма недоверчиво мотнула головой.

– Ты что, совсем не ревнуешь?

– Нет, – сказала Даф. – Я Мефу доверяю. А люди, которым доверяешь, постепенно становятся достойными доверия.

Улита решительно провела рукой по высветленным волосам.

– Что-то для меня это мутно! У меня все просто: дают конфетку – жуй, наступают на голову – вякай. А то развели философий – тапочки поставить негде! Кстати, хочешь хохму?

Хохмы Дафна не хотела, но вопрос был скорее риторический, потому что ведьму, которая хочет что-то рассказать, остановить можно только пулеметной очередью. И то не факт, что сразу.

– Тут недавно к Эссиорху девица одна стала приставать. Назойливая – жуть! Я ее вначале чуть на рапиру не насадила, а потом поняла, что она не клеилась, а в секту его заманивала. А он у меня вежливый, отказать твердо не может. Она на него давит: «Вы верите, что существуют высшие силы, которые управляют нашей жизнью? Не хотите ли узнать о них больше?» – а моя детина что-то блеет в духе: «Да я-то не против, да мне вот рисовать надо». Я устыдилась, что напрасно разбушевалась, и к ним в секту Тухломона записала. Он теперь карьеру делает с чудовищной скоростью. Ему американские братья даже медальку поощрительную прислали.

Дафна подошла к окну. Она увидела, что Мефодий стоит рядом с Прасковьей и с интересом трогает ручной тормоз велосипеда. Некоторое время спустя Прасковья слезла, уступая ему место. Меф запрыгнул на седло, пощелкал скоростями и, пустив Прасковью на багажник, поехал с ней куда-то.

– На месте света я подзаяла бы денег и купила бы ему велосипед, – посоветовала Улита.

– Зачем?

– А так просто. Африканских женихов ловили на колокольчики. Привяжут к некрасивой невесте много колокольчиков и, пока он их трогает, тащат к шаману, или кто у них там для регистрации брака. А развод там только через сто ударов дубиной с гвоздями, так что семьи получаются прочные.

– Очень рада за африканских невест, но я – пас, – спокойно сказала Дафна.

Ведьма взяла ее за руку и развернула к себе.

– Ты мне только одно скажи, и я преспокойно отправлюсь есть свою утреннюю курочку. *Тебя что, Прасковья совсем не бесит?* – спросила она.

– Да. Она меня немного злит, – честно признала Даф. – Но это ничего. Именно потому, что она меня злит, я и понимаю, что она хорошая.

Улита заморгала вначале обоими глазами, а затем для убедительности каждым по отдельности.

– А теперь можешь то же самое, но по-русски?

– Могу. У меня есть внутренний барометр. Как только в моей душе шевельнется и вскипит досада или раздражение – значит, передо мной хороший человек или в чем-то хороший человек. На действительно плохих людей не раздражаются по определению. И еще признак: если чудовищно не хочется браться за какое-то дело – значит, именно оно тебе сейчас необходимо.

Улита напряженно задумалась, осмысливая нечто совершенно для нее новое. Однако надолго ее не хватило. Отяжелевшая мысль взлетала к небу с усилием, как раскормленная гусыня, и то по большой необходимости.

– Бр-рр! Ну, ты меня и загрузила! Пойду воплощать твой совет про «не хочется, значит, надо». Мне вот сейчас совершенно не хочется завтракать. Пожалуй, заставлю себя и поем, – сказала ведьма.

* * *

Велосипед шел легко, надежно, устойчиво. Толстые рифленые шины уверенно брали высокие бровки. Руль тоже был хорош: не настолько гоночный, чтобы ехать, согнувшись в три погибели, но и не чайниковский, когда держишься за него, как за забор.

Меф ехал и даже через куртку ощущал прохладные ладони Прасковьи, лежавшие у него на плечах. Когда же она касалась пальцами его шеи, что происходило нередко, то

щекотный холодок пробегал по телу, забираясь даже в ботинки.

«А ведь мне нравится», – подумал Меф.

В тот момент, когда эта мысль посетила его, Прасковья засмеялась, и шею Мефа обожгло жаром. Усмиряя ее, Меф, не снижая скорости, переехал через валявшуюся толстую доску, чтобы новую наследницу мрака как следует трянуло на багажнике. Прасковью и в самом деле трянуло, однако дурь не вытрясло, потому что в ответ она засмеялась еще громче.

Когда Меф, много петлявший в переулках, затруднился бы уже сказать, где они, Прасковья принялась стучать его по спине. Буслаев свернул налево, заметив выезд к каналу, переехал узкую дорогу и остановился.

– Жалко стало велик? – спросил Меф разочарованно. Он был не прочь еще покататься.

Вместо ответа Прасковья взяла велосипед обеими руками, с усилием подняла его над парашетом и швырнула в канал. Велосипед скрылся почти мгновенно. Последней мелькнула пухлая черная шина.

– Ага. Значит, тебе ничего не жалко... А какой вопрос надо было задать, чтобы ты сама в воду скаканула? Просто теоретически? – с обидой за велосипед поинтересовался Меф.

Прасковья попыталась дать ему затрещину. Буслаев легко поймал ее руку, но она ухитрилась оцарапать ему ладонь.

– Знаешь, есть такие волшебные таблетки. Называются: «экстракт корня валерианы». Хочешь, подарю? – предложил Меф устало.

На этот раз в нос Буслаеву полетел уже кулак. Он ушел от него, сделав полшага назад.

– В общем, я не настаиваю. Я просто высказал свое мнение. Даже не утверждаю, что авторитетное, – сказал Меф.

Разговаривая с Прасковьей, он ощущал себя человеком, который ватной палочкой осторожно обрабатывает кому-то болезненную рану. Одно неловкое касание, даже не неловкое, а просто недостаточно бережное – и сразу вопль. Не девушка, а сплошное минное поле. Куда ни ступишь – сразу взрыв. С другой стороны, он и сам был виноват: смущался и говорил глупости. Привык, видно, что Даф всякую его словесную глупость покрывает любовью и пониманием.

Напряженно глядя на Мефа, Прасковья принялась оживленно жестикулировать, точно желая спросить его о чем-то.

– Не понимаю, – сказал Буслаев совсем осторожно, чтобы в него снова что-нибудь не полетело.

Прасковья нетерпеливо мотнула головой. Сунув руку в карман, она выдернула из него блокнот и маркер.

«ИДИ ЗА МНОЙ!» – написала она.

– Почему ты без Ромасюсика?

Прасковья вновь склонилась над блокнотом. Маркер в ее руке быстро запрыгал, сокращая и сглатывая слова:

«ЧТБ. НЕ ПРБЛТ. Н. ВСТР. – ТЙН».

– Тайна от кого? – спросил Меф, прикинув, что Улите и Даф, к примеру, она уже известна.

Прасковья не стала ничего писать, а лишь нетерпеливо ткнула обратным концом маркера в асфальт.

– Ясно. От асфальта, – сказал Меф.

Не удостоив его даже улыбкой, Прасковья повернулась и быстро куда-то направилась. Меф едва за ней успевал. Они прошли вдоль канала и по лесенке спустились на узкий причал. Привязанные к столбам, о резиновые покрышки терлись два небольших катера. Один был пуст и накрыт брезентом. В другом на скамье сидел мужчина и задумчиво плевал в воду.

Услышав шаги, он вскочил и, качнув катер, ловко перепрыгнул на причал.

Меф увидел круглую бритую голову, косо насаженную на короткое, рыхлое, очень

широкое туловище.

«ЗНКМС», – написала Прасковья. Меф не сразу сообразил, что это был призыв знакомиться.

– Привет! Как жизнь? – сказал Меф, разглядывая болтавшийся на шее незнакомца дарх.

Толстый, темный и непрерывно шевелящийся, он гораздо больше походил на жирную пиявку, чем на привычную сосульку.

Жуткое лицо уставилось на него. Казалось, некогда оно было раздроблено до состояния мозаики, а потом кое-как, без особого старания собрано вновь. Под носом, на подбородке и щеках торчали колкие пучки щетины, а два пучка были даже на лбу. В одном из них приблизительно угадывалась не к месту приставленная бровь.

Увидев Мефа, страшная рожа ослабилась и, открыв рот, не без гордости продемонстрировала отрезанный язык.

Прасковья вырвала из блокнота предыдущую страницу.

«ЭТО ОТ ПАЛИЦЫ», – написала она.

Меф кивнул. Про палицу ему можно было и не объяснять.

– А как его зовут?

«ЭНГ. ОН МНОГИМ МНЕ ОБЯЗАН. ЭТО Я СОБРАЛА ЕГО ПОСЛЕ РАНЕНИЯ».

– Больше некому было? – удивился Меф, знавший, что в Тартаре немало костоправов.

«ЕГО НЕ ЛЮБЯТ. ЕГО ХОТЕЛИ ДОБИТЬ».

– Почему хотели добить? – удивился Меф.

«У ЭНГА ПЛХ. РЕПУТ. ОН ЗАНИМАЕТСЯ СОМН. ДЕЛАМИ».

Меф озадачился. «Какими, интересно, делами надо заниматься, чтобы они показались сомнительными даже для Тартара?» – подумал он и спросил:

– Зачем ты меня к нему привела?

«ЕМУ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ».

Буслаев заглянул в почти белые глаза Энга, отыскал где-то сбоку ослабившиеся синие губы, и желание доверять стало совсем назойливым.

– Я так и понял, – сказал он.

«ТЫ НЕ ДОЛЖЕН СРАЖАТЬСЯ С ГОПЗИЕМ», – быстро написала Прасковья.

– Почему?

«ГОПЗИЙ НЕ БУДЕТ БИТЬСЯ ЧЕСТНО. ТЕБЯ УЖЕ ПРИГОВОРИЛИ».

Буслаева это не удивило.

– И что ты предлагаешь? – спросил он.

«МЫ ИХ ОПЕРЕДИМ. ЭНГ ЗАЙМЕТСЯ ГОПЗИЕМ».

– В каком смысле «займется»? – уточнил Меф.

Прасковья не стала ничего объяснять, лишь дернула головой. Энг что-то промычал, и зрачки его стали еще белее.

– Ага, ясненько, – подытожил Меф. – Гопзий – четвертый клинок мрака. На номера второй и третий Энг явно не тянет. Первый номер тем более забит. Значит, варианты честного поединка отпадают. Теперь понятно, почему у Энга «плх. репут». Он просто убийца из Нижнего Тартара.

Энг дружелюбно ослабился. Он был буквально пропитан профессиональным соответствием. Насколько Меф мог судить, Энг был малый сговорчивый и обидчивостью не отличался. Обида – это эмоция. А зачем испытывать эмоции, за которые тебе не заплатят ни единого эйдоса?

Дряблое слабоволие зашевелилось в сердце Мефа, как гусеница.

«Может, правда? – подумал он. – Гопзий мне враг? Враг. Желает мне зла? Угу. А тут даже „да“ не надо говорить. Просто прикинуться глухим или непонимающим, и Прасковья все сама сделает. Все легко и удобно».

Меф подумал это на одном дыхании, почти давая внутреннее согласие, и тотчас собственная сговорчивость и склоняемость ко злу ужаснули его.

Прасковья внимательно смотрела на Мефа. Он ощущал попеременными волнами исходившие от нее любовь и ненависть.

«Светлое и темное в ней так взболтано, что она потеряла ощущение цвета. Так и человек, перемешавший в равных пропорциях соль и сахар, теряет ощущение вкуса. Ей кажется, что свет и мрак – продолжение единого целого, как человек и его тень, и что она сама сможет прокладывать себе дорогу, руководствуясь только ощущениями внутренней целесообразности. Ложь и бред!»

– Ты же сказала, что Гопзий за тобой ухаживает? А теперь вот хочешь его убить? – спросил Меф недоверчиво.

Прасковья спокойно выдрала страницу, подула на нее, обратила в пепел и крупно написала на следующей:

«ИЗ ВАС ДВОИХ Я ВЫБРАЛА ТЕБЯ».

Энг скосил на бумажку глаза и понимающе ухмыльнулся.

На этот раз удар ногой вышел без единого изъяна, должно быть, потому, что цель была крупная, мерзкая, отвратно скалящаяся. С Мефом такое случалось. Он бил и только потом уже понимал, что злится. Это большой минус боевых искусств, приучающих тело действовать быстрее, чем голова окончательно определится, а стоит ли распускать руки.

Энг мешком свалился на дно катера. Следом за ним Меф без всяких церемоний ссадил Прасковью, крепко взяв ее за локти. Прасковья не сопротивлялась. Была странно тихой и покорной.

Мечом, полыхнувшим в руке, Буслаев легко перерубил канат и толкнул катер ногой. Тот покачнувшись, неохотно отлип от причала и медленно поплыл по течению.

– И чтоб я больше вас не видел! Ни тебя, ни эту крысу, ни Ромасюсика!!! И только попробуй хоть пальцем тронуть Гопзия! Ты понял, Энг? Я разрублю тебя до глаз! А если я до тебя не доберусь – это сделает Арей! – крикнул Меф, ощущая, что голос его звучит высоко и совсем не романтично.

Он повернулся и стал подниматься по железной лестнице, ведущей с причала. Наверху он оглянулся. Прасковья мирно сидела на скамье отплывающего катера и, странно улыбаясь, смотрела на него. У ее ног сердито, как краб, шевелился Энг.

Мефу стало жутко. Он кинулся через дорогу, едва не попав под колеса. Испуганный водитель, проносясь, дал запоздалый гудок.

«Психи какие-то! Уроды полные! И, главное, если я не приторможу, то и сам стану таким же! Крылья бы, чтобы взлететь, – да где их взять? Только у сердца есть крылья. Разум же их не имеет, и его легко обмануть. Что ему будет казаться логичным, для сердца смерть и гибель», – думал Меф, возвращаясь.

Шел дождь, мешаясь со снегом. Было ветрено. Холодные капли на лице, стекавшие за ворот, быстро охладили Буслаева и привели его в чувство.

Глава 14

Размешанъй матерьял % 100 вата

Можно в порошок стирать колени, играя под дождем в футбол, а можно листать спортивный журнальчик, попутно скрецивая кариес с шоколадом, и тоже грезить, что чем-то занимаешься.

Так и со светом. Можно ныть: «А не послужить ли мне, к примеру сказать, свету?» А можно губу закусить и – вперед! Сбили с ног – вскочил, нос рукавом утер и снова вперед!

Златокрылые

Неформальное совещание

У Эди был выходной. Исходя из внутреннего наполнения слова, в выходной положено куда-то выходить, однако тяжелый на подъем Хаврон никуда выходить не собирался, а остался дома, точно устрица, вздумавшая прибраться в своей раковине.

После обеда Эдя сидел на диване, прихлебывал чай и крошил тульским пряником на каталог товаров для горнолыжного спорта. Он уже минут сорок размышлял, какие ботинки и лыжи ему нужны, но пока мысли его не сдвинулись и на шаг. Выбор был огромным, вся же кровь переевшего Хаврона отлила сейчас в желудок, и голодающий мозг скользил, как мокрый обмылок по раковине, перескакивая с одной каталожной картинкой на другую.

«Мне нужно вогнать себя в прокрустово ложе расписания! Я должен чем-то заняться, помимо работы, потому что не могу же я не заниматься вообще ничем?» – убеждал себя Эдя.

В душе Эдя Хаврон был, безусловно, спортсмен. Еще в детстве он перебрал десятка два секций и примерно в два раза больше в зрелом возрасте. Не было такого вида, которым бы он когда-то не прозанимался месяца, или недели, или хотя бы трех тренировок. Послушать его, так про растяжку, спортивные травмы, резкость, силу, акцент, восстановление и методики он знал абсолютно все. Слова сыпались, как гречка из прорвавшегося пакета. Самоуверенные танки Эдиноего всезнайства разъезжали повсюду, своими гусеницами вминая в землю все живое и мыслящее.

Если бы в сборной по футболу, баскетболу, хоккею, боксу или гимнастике таинственно исчез бы главный тренер, Эдя немедленно бросил бы свое бомбоубежище под синим козырьком и охотно согласился занять его место. Вот только тренеры нигде не пропадали, а если и пропадали, то Эдю почему-то всегда забывали об этом предупредить.

Если не было никаких чемпионатов, спортивные вирусы атаковали Эдю два раза в год: весной и осенью, очень смахивая при этом на вирусы обычного гриппа. Некоторое время Эдя морально раскачивался, подбирал себе секцию и мало-помалу начинал шевелиться.

Увы, в большинстве случаев его хватало только на покупку спортивного инвентаря. Собираясь пойти, допустим, на бокс, он неделю продумывал, какие перчатки ему приобрести. Заходил на форумы в Интернете, читал журналы, до кипящей слюны спорил в магазине с продавцами, которые в большинстве случаев знали о своем товаре меньше, чем прочитавший кучу всего Эдя. В результате, конечно, перчатки он покупал самые лучшие, а в придачу к перчаткам боксерские трусы, капу, шлем и бинты, но, сходя на пять тренировок, бросал, и боксерские перчатки навеки оказывались погребенными на антресолях.

То же самое чуть раньше или чуть позже происходило и с велосипедом, и с ракеткой для большого тенниса, и много с чем еще.

Часа в три позвонила Зозо. По расслабленному голосу ощущалось, что на работе у нее глухое затишье. Отбойники никто не покупает, а вся снегоуборочная техника уехала в Африку расчищать пустыню Сахару от сахарного песка.

– Как ты? – спросила она.

Эдя не успел еще соскучиться по сестре, с которой расстался всего несколько часов назад. Он терпеливо ответил, что «лучше не бывает».

– Меф не звонил? Не заходил?

– Нет.

– Знаешь, мне как-то тревожно. Ты веришь в материнское сердце?

В материнское сердце Эдя в целом верил. Опять же, когда сестру кусала муха пафоса, ей проще было поддакивать. Тем более что в слове «да» меньше буковок, чем в слове «нет», и голосовые связки изнашиваются меньше.

– Может, мы не правы, что выперли его из дома, а? – жалобно спросила Зозо.

Эдя, никого особенно назойливо не выпиравший, крайне удивился.

– Я называю это: катапультировать из гнезда пинком под хвост. Главная магистральная задача родителей создать детям такие неуютные условия проживания, чтобы они как можно скорее начали жить собственной жизнью, но при этом не пошли под откос! – произнес он назидательно.

– Думаешь: да? – спросила Зозо с надеждой. – А не рано? Мальчику же тяжело!

– Мефу-то? Да на него бетонную плиту положи, в грузовик с цементом впряги, он еще по дороге будет песни орать! Это такая собака страшная, которую, кроме безделья, ни одним ломом не убьешь!

Зозо засмеялась. Ей было приятно слышать такое мнение о своем сыне. Ее брат встал с дивана и потянулся, отряхиваясь от крошек.

– Все подростковые беды от одной причины: недогруза! – заявил он. – Отлови у нас в бомбухе любого нарика, поковырайся в нем – и увидишь, что в детстве у него было слишком много свободного времени. Ему разрешали не ходить в школу при температуре 37,1 и бежали за ним три этажа с шапочкой, умоляя ее не снимать. Об него надо было ремни мочалить, а с него пылинки сдували. Перегрузить детей нельзя! Я этих гадов по себе знаю! Их можно только недогрузить. Если ребенок ноет, что ему надоела музыка, добавь к музыке плавание. Заноеет, что не хватает времени на уроки, – добавь курсы китайского языка!.. Ну все, пока!

Проветрив речевой аппарат разговором с сестрой, Эдя повесил трубку и вновь собрался плюхнуться на засасывающий диванчик в твердом намерении выбрать ботинки и крепления, но тут кто-то громко и отчетливо произнес:

– Тук-тук! Я ваш друг!

Эдя дернулся и увидел сидящую на подоконнике Улиту.

– Привет, мой друг! – повторил он автоматически.

Окно было закрыто. Входная дверь тоже. Учítывая, что версия, по которой она спустилась по альпинистской веревке с крыши, казалась неубедительной, а с асфальта на последний этаж не запрыгнешь, Эдя предпочел не уточнять, каким образом ведьма оказалась в комнате. Оказалась и оказалась.

– Что-то ты раздобрел! В прошлый раз у тебя пузо меньше было! – сказала Улита, зорко разглядывая Эдю.

Эдя, ничуть не обидевшись, хлопнул себя по животу.

– У меня штанга поломалась! Закатилась под кровать и покончила жизнь самоубийством посредством сквозной ржавчины.

– А серьезно?

– Серьезно только гномики на ежиках катаются! Москва не мой город. Здесь я дряблею. Мышцы становятся мягонькой подкладкой, чтобы пиджачок не замялся. То волосы лезут, как из старой куклы, то в ремне нужно новую дырку протыкать, потому что он как-то подозрительно ужался. Грустно всё, короче! – сказал Эдя без особой тоски в голосе.

С женщиной, на которую не имеешь ни малейших видов и которая не имеет никаких видов на тебя, просто, легко и радостно быть искренним.

– А ты попробуй любить себя чуть меньше, – понимающе посоветовала Улита.

– А я и так себя не люблю. Я над собой втайне потешаюсь... Ты-то сама как? Не женилась еще на ком-нибудь? – спросил Эдя, как убежденный холостяк нарочно путавший понятия «выйти замуж» и «жениться».

Улита мотнула головой. Последние недели она избегала часто встречаться с Эссиорхом. С ним рядом она все чаще ощущала себя невестой, которая по дороге к свадебному лимузину неосторожно наступила на незакрепленную крышку канализационного люка и, едва успев таинственно улыбнуться, скрылась с глаз счастливого жениха.

«Быть человеком, который недостоин собственного эйдоса, потому что мгновенно его лишится, – это уже кое-что. Все равно как алкаш, которого даже за хлебом с деньгами послать нельзя, чтобы он на три дня не исчез. Вот и я такая же... А он меня все равно любит», – с болью думала ведьма.

Улита прыгнула с подоконника. Эдя заметил на коленях у нее пакет.

– Чего там такое? – спросил он по примеру всех любопытных людей, нос которых всовывается в любое обнаружившееся отверстие.

– Свитер детский. Ради этикетки купила, – сказала Улита, перебрасывая пакет Эде.

**ДЕТСКИЕ РУДБОЛКИ ПЕРВОЕ КАЧЕСТВО
РАЗМЕШАНЬИ МАТЕРЬИИЛ % 100 ВАТА**

ТУРЕ Ц КИЙ ТОВАР ЗТО ЗТИКЕТКА ГАТАНТЯ ТОВАРА

– Класс! – оценил Эдя. – Хотя и не так круто, как «Питарды „Сирдитый Пых“ сделано в Китае».

Улита не улыбнулась. Она верила только в те дурацкие этикетки, которые покупала для собственной коллекции.

– Я подслушала твой разговор с сестрой, – решительным голосом человека, переходящего от болтовни к делу, сказала она.

– А-а, ну да! Зозо волнуется, что с Мефом что-то случится. У нее предчувствия, – ответил Эдя насмешливо.

Улита склонила голову набок.

– А ты все ржешь? – спросила она.

– Угу. Сиди во ржи и тихо ржи!

– Ну-ну. Хорошо смеется тот папаша, который не знает, что его сыну в магазине по ошибке продали боевой пистолет.

Эдя озабоченно посмотрел на ведьму.

– А что такое-то?

– Я тоже пришла из-за Мефа, – объяснила ведьма. – Я тут долго думала...

– Ты думала? И что, получается? – перебил Эдя. Точно кот, приземляющийся на лапы, он хамил всегда и из всех положений.

Улита нетерпеливо царапнула Хаврона по щеке ногтем, и нижняя челюсть у него одеревенела. Этим коронным жестом она пресекала неумных болтунов.

– Прости, родной, но ораторов всегда больше, чем трибун. Не бойся, я потом подчищу тебе память! Ты только и будешь помнить, что задремал на диванчике!

Эдя протестующе замычал, на что Улита не обратила ни малейшего внимания.

– Так вот: недавно мне позвонил Ромасюсик. Не знаю, знакомы вы или нет. Это такая разговорчивая и дружелюбная куча шоколада, которая шесть раз предаст тебя за пять копеек. Он мне кое-что разболтал про артефакты переменной силы. Конечно, я догадывалась, что Гопзий сволочь, но все же не знала, что такая. Впрочем, я ценю сволочей. С кем еще рядом потомственная ведьма ощутит себя нормальным человеком?..

Эдя подхалимски затряс головой, доказывая Улите, что нормальнее ее только доктора в специальных лечебницах, принимающие по вечерам витаминки от внутренних крокодилчиков.

– И вот что я подумала. У твоего племянника очень недурной меч, и, чтобы получить над ним власть даже в день его ослабления, противник Мефа должен раздобыть что-нибудь из его детства. Предмет, имеющий самое тесное отношение к Мефу. Желательно волосы, обрезки ногтей или что-нибудь в этом духе. А где это искать, как не в его квартире? Верно я мыслю?

Эдя послушно выразил свое глухонемое согласие.

– Умница! Хороший мальчик! Накоплю денег – куплю тебе шоколадку! А теперь основной вопрос: у вас ничего такого не пропадало?

Эдя негодуяще замычал и жестами объяснил, что они не хранят дома никакого мусора, особенно обрезков ногтей и прочих запчастей, относящихся к телу маленького Мефа.

Улита недоверчиво прищурилась.

– Что, серьезно? А как же прядки волос, заботливо обвитые ленточками, первые зубики и так далее?

Эдя одним указательным пальцем показал на помойное ведро, а другим провел себя по горлу.

– Что: типа и без того места мало? – перевела Улита.

Эдя энергично кивнул.

– Точно уверен, что ничего не сохранилось?

Эдя снова показал на ведро. Улита одобрительно похлопала его по плечу.

– Вот оно как! Выходит: для твоих штанг место есть, а для волосиков с ленточкой нет? Ну-ну! Приятно иметь дело с несентиментальными людьми! Мамзелькина как-то рассказывала: порой такие кадры попадают – тело бабульки из дома еще в морг не увезут, а они уже мебель выкидывают, шкафы потрошат и комнату лезут занимать. Прямо не душа, а хладокомбинат имени Санты Клаусовича Снегуркина. «И что, не жалко вам? – А ей уже все равно!» Прав Арей: гуманнее гуманистов только газовая камера! Кстати, гильотину, атомную бомбу и электрический стул изобрели тоже они.

Эдя торопливо подпрыгнул на диване, показывая, что он не такой. Электрических стульев он не изобретал и даже простых розеток смертельно боится. Он только снаружи шершавый, а изнутри добрый и пушистый, как вывернутый наизнанку кролик.

– Значит, ты другой? Ну вот и хорошо! Значит, шанс не стать такой, как я, у тебя еще есть! – одобряюще сказала Улита. – Ну все! Гуляй, Вася, жуй опилки!

Ведьма исчезла, за секунду до своего исчезновения бесцеремонно хлопнув Эдю ладонью по лбу.

– Бай-бай, поскорее засыпай! А то серенький волчок зарядил дробовичок!

Очнувшись пять минут спустя, Хаврон обнаружил, что лежит животом на диване и упирается носом в страницу с горнолыжными ботинками.

«Как-то неудачно я заснул... Подушку даже не подложил», – подумал он с удивлением.

Эдя некоторое время поразмыслил, а затем по влажной черте определил место на странице, куда утыкался его нос, и решил, что это знак свыше купить именно эти ботинки.

В вечную жизнь Эдя верил не особо, зато черным кошкам дорогу всегда уступал. И правильно: где нет вечности, там балом правят черные кошки.

Глава 15

Нули и минус единицы

– А чем слово «нуль» отличается от слова «ноль»?

– «Нуль» – это то, чем я себя ощущаю. «Ноль» же это то, чем я являюсь.

Разговор Мошкина и Чимоданова

Эссиорх положил кисть, отошел на несколько шагов и бросил взгляд на только что законченный небольшой холст.

– Мазня! Души нет! Была до какого-то момента, а потом ускользнула, – сказал он грустно.

– А вроде похоже... – неуверенно произнесла Ирка.

На картине, откинувшись на подушки, полусидел Багров и отрешенно смотрел в пустоту. Бессильные руки забыто лежали на коленях. Под глазами залегли фиолетовые круги. По этому признаку можно было заключить, что Эссиорх начал работу над картиной дня два-три назад. Сегодняшний Матвей выглядел значительно бодрее.

– Картина, сделанная ради «похоже», называется фотография. Нажимаешь на кнопку, и появляется еще одно никому не нужное «похоже», – ворчливо произнес Эссиорх.

Корнелий подошел к картине, оценивающе склонил голову на одну сторону, на другую.

– Заметь, садюга какая! Человек болеет, а он вместо того, чтобы лечить, его малякает! Таким творческим личностям валик в руки и – заборы красить... А вообще прикольно получилось! Как живой! – одобрил он.

– Я и так живой! – обиделся Матвей.

Свесив ноги, он сидел на кровати и улыбался.

– Я ты лежи-лежи! Не выступай, пижамщик! – прикрикнул на него Корнелий.

«Пижамщиком» Багров был назван не случайно. Пижамы у него действительно были нелепейшая – розовая, в пухлявых зайчиках и мятых сердечках. Ирка даже Антигону на

ласту наступила, когда первый раз ее увидела.

– Это он мне ее дал! – наябедничал Багров, кивая на Эссиорха.

– И чего такого? У меня не склад дома. Какая попалась – такую достал. Обычная неудачливая пижама, – оправдываясь, произнес тот.

– Неудачливая?

– Ну да. Из-за нее распалась молодая семья. Жена подарила ее мужу на день рождения. А муж такой болезненно самоутверждающийся и сам себе тяжелый. Кирпичи кулаком разбивает, гвозди строительные гнет, топор с пластиковой рукояткой в машине возит, перед зеркалом убийственный взгляд по тридцать минут в день отрабатывает, – а тут нате-получите! – зайчики! – пояснил Эссиорх.

– А муж ее не носил? – на всякий случай уточнил чистоплотный Багров.

– Издеваешься? Он сломал о стену две костяшки на правой руке, порвал на себе рубашку и в меру гордо удалился.

– Тогда все как-то грустно, – сказала Ирка.

– А по мне так ничего грустного, – без тени юмора ответил Эссиорх. – Теперь он живет в ремонтируемой квартире у друга. Спит на туристическом коврике. Днем смывает штукатурку, переносит межкомнатные перегородки, каждое утро пробегает по семь километров, а через четыре месяца вернется к жене нормальным обновленным человеком. Свет все в конечном итоге устраивает лучшим образом, если, конечно, сам человек буйно и бессмысленно не сопротивляется. Но даже в этом случае все устраивается к лучшему.

Валькирия-одиночка неудачно повернулась, позволив свету упасть на ее левую щеку. Заметив на скуле у Ирки след недавнего боя, Багров вскочил.

– Кто это сделал? – крикнул он.

Ирка не видела повода создавать из этого тайну.

– Мужик один, – пояснила она.

– Какой мужик?

– Ксерокса паспорта он не оставил.

– Мне паспорт не нужен! Я все равно его отыщу! – заявил Матвей.

Для человека в пижаме с зайчиками вид у него был крайне решительный.

– Искать никого не надо. Всех, кого надо, уже нашла добрая тетя Таамаг, – успокоила его Ирка.

Багров смирился, но упрямо заявил, что больше он ее одну не оставит. Без него Ирка моментально получает в глаз. Нет, решено, он переодевается и немедленно телепортирует в Питер.

– Не советую. Там Ламина и Хола. А сейчас еще и я туда отправлюсь, чтобы усилить их ряды! Так что все под контролем! Болей до победного конца, морячок! – успокоил его Корнелий.

Он покосился на Эссиорха, в явном размышлении, чего бы такого изречь ехидно-напутственного, поправил очки и снисходительно произнес:

– Кстати, давно хотел тебе сказать! Не обижайся, старичок, но ты нолик! Симпатичный такой, но нолик! Твои картины кошмарны и соперничают в бездарности только с твоими же скульптурами!

Эссиорх пожелтел. Он не просил Корнелия высказываться.

– Хорошо, я нолик. А ты что, плюстик, что ли? – спросил он терпеливо.

– Ошибся, друг! Я сбалансированный и мудрый знак равенства! – ударив себя в грудь, произнес Корнелий.

Эссиорх посмотрел в пол, вздохнул и подвинул Корнелия к двери.

– Топай давай, знак равенства! – сказал он миролюбиво.

Корнелий позволил вытолкать себя в коридор. Было слышно, как он идет и громко назидает:

– Крепись, старичок! В твоем возрасте главное удовольствие, которое должно оставаться в жизни, – создавать условия для удовольствий других. Если ты не согласен, я

всегда к твоим услугам: на шесть и по хло... А-а-а! Только не коленом! Ты подло напал на меня сзади! Я был не готов!

– Он довольно забавный! – сказала Ирка Матвею.

Если не считать Антигона, который с кислым лицом трепал бакенбарды, в комнате они были вдвоем.

– Ага. Первые пятнадцать минут, – согласился Багров. – Но когда тебя в семидесятый раз вызовут на дуэль, это немного утомляет. Хочется схватить вилку и награждать множественными дырками все, что поблизости.

Ирка засмеялась. Ей нравились молодые люди с чувством юмора. Интересно, слово «нравиться» теперь тоже табу? У кого бы спросить?

– И что ты тут делаешь целыми днями? Тебе не скучно?

Багров посмотрел на нее удивлением.

– Почему мне должно быть скучно?

– Тут же тихо. Нет никого. Эссиорх же уходит, наверное, часто.

– Ну и что? Человеку не должно быть скучно с самим собой. Если он боится тишины, что-то с ним не в порядке. Значит, он пытается нечто в себе растоптать, – сказал Матвей убежденно.

Ирка быстро взглянула на него. Она всегда пугалась и одновременно радовалась, когда кто-то высказывал мысли, приходившие ей самой. Она и сама замечала, что многих людей буквально колбасит от тишины. Они физически не находят себе места, если случайно в ней оказываются. Начинают метаться. Пытаются включить телевизор, радио – все, что угодно. Должно быть, в эти минуты бедняги с ужасом обнаруживают, что они живые, реально существующие, а не только жующие, спящие или потребляющие, и попытаются поскорее заглушить в себе ужас самостоятельного бытия. Убейте меня кто-нибудь, бормочите, орите, рассказывайте мне ваши якобы последние и якобы важные новости – только чтобы я поскорее забыл, что я – это я, и поскорее вновь растворился бы в жвачном бытии!

Багров подошел к Ирке и остановился совсем близко.

– Знаешь, когда я в первый раз понял, что ты мне нравишься? Очень нравишься? – спросил он.

Ирка напрягла память.

– Хм... Когда мы вместе тренировались? Пока я не обленилась? – спросила она, предполагая, что парням должно нравиться все конно-спортивное.

– Нет. Как-то мы с тобой пошли к Бабане, и я наблюдал, как ты вставляешь на зарядку аккумуляторы. От фотика, плеера, еще от чего-то... Ты вытряхивала их, вставляла, вщелкивала. Одних зарядников у тебя было штук пять, и все торчали щупальцами заблудившегося спрута.

– Seriously, что ли? – спросила Ирка разочарованно. Уж больно незначительное было событие. Ей рисовалось нечто более романтическое.

– Ага! А потом тебе не хватило розеток. Мы отправились в магазин, и ты потребовала: «Дайте мне удлинитель на четыре дырки!» Я как-то очень ярко запомнил и магазин, и сонного продавца, и тебя в тот момент. Ты была стремительная, собранная, радостная! Много всяких странных и слившихся воспоминаний!

– Я такого не запомнила, – грустно сказала Ирка.

Матвея это не удивило.

– Человек почему-то редко запоминает моменты, когда бывает внутренне гармоничен. Напротив, если про некий момент ему самому кажется, что он был хорош, то, скорее всего, тогда он был просто жалок, – кивнул Багров.

Ирка все никак не могла выкинуть из головы эти идиотские аккумуляторы.

– А если тебе встретится кто-то, у кого еще больше зарядников и кто вставляет батарейки еще быстрее? Да любая продавщица из магазина электротехники? Тогда что? – спросила она.

Конечно, влюбляться ей ни в кого нельзя, но все равно интересно.

Багров поморщился.

– Да при чем тут это? В который раз замечаю, что правду лучше не говорить. Особенно ту, что касается всяких моментов и воспоминаний, – проворчал он.

– Да ладно! – отмахнулась Ирка великодушно. – Чего уж там! Если надо будет вставить вилку в розетку, всегда зови! Команда валькирий придет к тебе на помощь!

Багров засмеялся.

– Знаешь, я доволен, что Гопзий двинул мне по мозгам. У него, конечно, были другие мотивации, но мозги он мне вправил, – сказал он.

– А что, раньше у тебя было что-то не так с головой? – сочувственно спросила Ирка.

– Думаю, да. Раньше я так остро не ощущал, что счастлив и у меня есть все поводы для счастья. Вечно хотелось чего-то еще.

– А сейчас?

– Сейчас я в себе разобрался. Я понимаю, что мне нужен только один человек. Человек, который понимает меня, разделяет мои мысли, чувства и эхом откликается на всякое движение души.

– Вы уронили шпаргалку, граф! – насмешливо сказала Ирка, которой его слова показались слишком книжными. – Ты и так сидишь у себя в лодочном сарае, как Робинзон Крузо. Чего тебе еще надо?

– У Робинзона Крузо имелись остров и лодка. Кроме этого, у него была подозрная труба, ружья, дикарь Пятница, козы и куча всевозможного притащенного с корабля барахла. В материальном плане он был куда обеспеченнее меня. Но у Робинзона не было тебя, и поэтому не я должен ему завидовать, а он мне.

Иркино воодушевление постепенно улетучилось. Теперь она испытывала усталость, почти тоску.

«Как все скучно... Слова, слова! А вот смог бы он, интересно, любить меня такой, какая я есть? Не валькирию, а девушку на коляске? Мечтательницу с располневшим лицом и мертвыми ногами? Девушку, которой я снова мгновенно стану, если нарушу кодекс валькирий?» – подумала она.

Эта мысль отрезвила и охладила Ирку, как холодный душ. Она подумала, что впредь будет чаще использовать ее в минуты искушений. Ничто так трезво и быстро не ставит человека на место, как голые факты.

* * *

Антигон уронил на себя плохо стоявший глушитель от мотоцикла и на одной ласте упрыгал в коридор, вопя, что разберется с Эссиорхом и разорвет его на тысячу маленьких гномиков.

– Интересно, с точки зрения света кто больше виноват: тот, кто оставил грабли валяться зубьями кверху, или кто на них наступил? А если его никто не просил гулять по чужому участку? – с интересом уточнил Багров.

Ирка была рада, что он оставил наконец опасную тему. Она подошла к окну. Множество снежинок порхало в ярком, заливавшем город солнечном свете. Невесомые, стремительные, они не падали, а в потоке теплого, вдоль дома поднимавшегося воздуха взмывали ввысь.

– Впервые вижу снег при таком сияющем солнце! Посмотри! – сказала Ирка.

Багров посмотрел.

– Видела грибной дождь? – спросил он.

– Я поняла ход твоих мыслей. Это грибной снег, – сказала Ирка.

Багров не ответил. Внезапно он крикнул: «Жди здесь!» – и, повернувшись, метнулся из комнаты. Кажется, он ухитрился сшибить с ног Антигона и налететь на Эссиорха, потому что из коридора Ирка услышала сдвоенный недовольный вопль.

Ирка замешкалась, недоумевающе вглядываясь в очерченный рамой прямоугольник

мира. Ей было непонятно, что увидел Багров и куда он мчится в одной пижаме, теряя комнатные тапки. В окне она ничего не увидела, но все же кинулась за Матвеем и нагнала его уже у подъезда.

Багров стоял, нетерпеливо озираясь. В руках у него поблескивал неизвестно когда и откуда появившийся клинок. Понимая, что Матвей мало похож на паникера, Ирка поспешно призвала копьё, хотя по-прежнему не замечала ничего опаснее порхающего снега и темных, зримо сырых от впитанной влаги стволов осенних деревьев.

Мамочка, гулявшая у подъезда с мальчиком лет пяти, торопливо сгребла его в охапку, закрывая своим телом и, отбежав с ним шагов на десять, принялась что-то быстро ему втолковывать. Слов Багров слышать не мог, но о смысле догадывался: видишь дядю в пижаме, в одной тапке и с чем-то острым в руке? Это псих! Не смотри ему в глаза, смотри в сторону! Он, как и ты, тоже не слушался маму, не хотел одеваться по утрам и чистить зубы – и вот взгляни, до чего докатился!

Удивлению назидательной мамы не было предела, когда следом за ненормальным юношей в пижаме выбежали девица с копьём, непонятный цирковой лилипут с булавой и мрачный, в кожаной куртке детина – этот хоть, по счастью, без копьё и без булав.

– Не бойтесь! Мы безопасные! Просто у филиала дурдома плановая прогулка! – улыбаясь, пояснил детина маме.

Та немного успокоилась, но не настолько, чтобы отпустить ребенка.

– А санитар с ними есть? – спросила она, труся.

– Я санитар, – отвечал детина.

– Кого ты ищешь? – поинтересовалась Ирка у Багрова.

– Парня, который меня тогда ударил! – пробормотал тот, продолжая озираясь.

– Гопзия? – удивилась Ирка, уже слышавшая это имя от Эссиорха.

– Говорю тебе: я его видел! Он стоял вот здесь и смотрел на окна! – Мотнув головой, Матвей показал Ирке на асфальтовый пяточок между тесно припаркованными автомобилями.

Ирка с сомнением покосилась на Багрова. Она стояла у окна одновременно с Матвеем, но ничего не заметила.

– И куда он делся?

– Никуда... Он и сейчас здесь... Я его вижу, только не понимаю, почему все это накладывается на всякие предметы... Это так странно, потому что... – продолжал Матвей.

Внезапно он покачнулся, положил Ирке руку на плечо и, комкая одежду, стал давить вниз.

– На что накладывается? Что ты делаешь? – с тревогой воскликнула Ирка.

Матвей молча повернулся боком и, так и не выпустив ее плечо, подогнув колени, зачем-то прилег на асфальт. Изумленная Ирка вынуждена была выпустить копьё и опереться рукой, чтобы не свалиться рядом.

– Ты что, перегрелся? Что с тобой? – крикнула она.

Матвей не ответил. Каменную его ладонь, продолжавшую тянуть вниз, Ирка разжала с большим трудом. Эссиорх присел на корточки, без особого удивления разглядывая Багрова. Затем, крикнув, поднял Матвея на руки и деловито кивнул Антигону, чтобы тот подобрал валявшийся клинок.

– Открой мне дверь подъезда! – спокойно велел он изумленной Ирке.

– Что с ним? Он в меня вцепился, а потом улегся!.. Зачем?

– Да низачем! Человек потерял сознание!

– Почему?

– Ну ты прямо ребенок!.. Да вот захотелось ему потерять, он и потерял! – проворчал Эссиорх.

В квартире он уложил Багрова на диван и принялся энергично тереть ему уши. Лицо Багрова, поначалу сизое, мало-помалу приобретало розовый оттенок.

– Он идет... смотрит... Слева от него телефонная будка с отрезанной трубкой, справа

магазин... окна у магазина забраны синими пластиковыми щитами... А ну, стой, тебе говорят! Его надо догнать! Где моя сабля? – бормотал он, шаря рукой по одеялу.

Саблю ему не дали. Более того: Антигон на всякий случай утянул ее в угол и закидал холстами.

– Нет здесь никакого магазина! – сказала Ирка.

– Боюсь, что где-нибудь он все-таки есть, – произнес Эссиорх, по-прежнему демонстрируя похвальную рассудительность. – О чем-то подобном меня предупреждали!

– О чем?

– Парень получил по голове рукоятью тартарианского меча.

Багров внезапно открыл глаза и, опираясь руками, сел, рывком подтянув под спину подушку.

– «Он» все слышит! Спасибо, что напомнил, – сказал он вполне нормальным голосом.

– Всегда пожалуйста. Хочешь ты того или нет, но меч обладал определенной силой. У тебя теперь особая связь с Гопзием, его владельцем. Как только он выходит из Тартара и оказывается в человеческом мире, ты видишь, где он находится и куда идет, – пояснил Эссиорх.

Антигон перестал зарывать саблю и высунулся.

– Интересно, а Гопзий-то сам знает, что Багров за ним подглядывает? – спросил он.

– Похоже, нет, – подумав, ответил Матвей. – Да только это не особо приятно. Такое ощущение, что меня распилили и я теперь нахожусь в двух местах. Смотрю чужими глазами, касаюсь разных предметов чужими пальцами. Только мысли этого парня мне недоступны.

– Со временем это пройдет. Яд Тартара в одну секунду не выводится, особенно у тех, кто имел несчастье учиться у всевозможных волхвов, – утешил его Эссиорх.

– Я предпочел бы, чтобы это произошло сразу.

– Увы, ничем помочь не могу. Сразу можно только упасть с крыши. Чтобы вновь оказаться на ней, надо долго и мучительно подниматься по ступенькам. И то при условии, что не разбился, – сказал хранитель.

Багров лягнул одеяло, запутавшись в нем ногой.

– И долго это еще будет?

Эссиорх оценивающе посмотрел на него и пожевал губами.

– Еще за несколько часов могу поручиться. Потом, если очень повезет, глазами Гопзия ты видеть перестанешь. Ну а с ядом, понятное дело, побороться еще придется.

– А где Гопзий сейчас? – спросила Ирка.

– Стоит и кого-то ждет. Довольно нетерпеливо... Раздраженно вертит головой, – хмуро ответил Матвей.

– Где он хотя бы? В Москве?

– Не знаю. Вначале казалось, что в Москве, а теперь сомневаюсь. На городах-то ярлычки не болтаются, и названия улиц не везде висят... – сказал Багров.

Примерно через час Эссиорх ушел, заявив, что обещал заглянуть к Кареглазову. Антигон, потоптавшись, зашлепал за ним, надеясь на сопутствующие приключения. Ирка осталась с Матвеем. Тот был точно в тумане. Дважды из носа у него шла кровь. Параллельно он продолжал смотреть на мир глазами Гопзия, хотя и не желал этого.

Молодой страж мрака, одетый в серую куртку, стоял у длинного дома рядом с проспектом, название которого Багров нигде не мог прочитать. Где-то в глубине под ногами ощущались упругие толчки метро.

– Кого-то ждет... Причем довольно нетерпеливо. По-моему, даже нервничает, – заметил Матвей.

– Кого ждет?

– Не знаю. Может, суккуба какого-нибудь.

– Разве суккубы заставляют себя ждать? – усомнилась Ирка.

– Как раз суккубы-то и любят ломаться. Хотя ломаки ломаками, но стражей они дразнить не рискуют.

Багров заткнул ноздрю подушечкой большого пальца, потом внимательно посмотрел на него, проверяя, не пошла ли вновь кровь.

– Что, снова? – сочувственно спросила Ирка.

Матвей не ответил. Даже не закрывая глаз, он видел, как рядом с Гопзием на проспекте остановился автомобиль. Водитель с плоским азиатским лицом, выбежав, открыл заднюю дверцу и выпустил грузного высокого мужчину – краснолицего, сопящего, чем-то напоминающего языческого истукана. Косолапя, как медведь, истукан подошел к Гопзию и остановился шагах в двух.

Насколько Гопзий казался тонок, подтянут, резок, настолько же его собеседник выглядел неуклюжим и громоздким. Вдвоем они были точно шпага и каменный топор.

– А ведь медведи на самом деле очень ловкие звери, – пробормотал Багров.

Ирка, не понимавшая, в чем дело, недоумевающе уставилась на него.

– Ты что-то видишь? – спросила она.

– Начальника русского отдела мрака!

– Арей?! И что он делает?

Багров начал было описывать, что Арей стоит, скрестив руки, и не то насмешливо, не то задумчиво смотрит на Гопзия, а тот, точно в лихорадке, что-то быстро и горячо объясняет, но после решил, что пересказывать это бесполезно.

– Разговаривают, – коротко пояснил он.

– О чем?

– Понятия не имею. Ты когда-нибудь смотрела фильм без звука? Вот и я примерно то же вижу. Вроде как Гопзий оправдывается и одновременно пытается что-то доказать.

– А Арей?

Матвей всмотрелся в неподвижное, мертвенно непроницаемое лицо барона мрака с желтоватой, чуть отвисшей кожей под глазами и крупными порами на щеках и в центре шишковатого лба. Разрубленный нос двоился, и взгляд Гопзия бегал с одной половинки на другую, не зная, где остановиться.

Все это описывать Ирке он тоже не стал, а упомянул о главном, в чем, как ему казалось, была суть.

– Арей сопит, – сказал он.

Разговор продолжался недолго. Примерно через минуту Арей впервые разомкнул губы и произнес несколько слов. В ответ Гопзий вновь выдал целую тираду, однако довести ее до конца ему не удалось. Внезапно рука Аррея сделала быстрое движение и резко, но несильно хлестнула Гопзию по лицу. Голова Гопзия дернулась. Вместе с ней дернулась и голова Матвея. Из носа у него вновь пошла кровь, и Ирка торопливо сунула ему полотенце.

– Кажется, Арей пытается оскорбить Гопзия! Он его ударил! – сквозь полотенце сказал Багров.

– А тот что?

– Ничего. Повернулся и пошел куда-то. А Арей как стоял, так и остался стоять. Он взбешен и разочарован. Еще бы: его вызов не приняли! Теперь вот к машине возвращается.

– И клинок свой Гопзий не материализовал?

– Нет.

– Трус! – убежденно сказала Ирка.

Матвей откинул голову на подушку, чтобы кровь скорее остановилась. На полотенце проступало красное пятно.

– На твоём месте я не делал бы поспешных выводов. То, что змея не стала сражаться с медведем в честном бою, еще не означает, что однажды она не укусит его во сне, – сказал он и, закрыв глаза, задышал ровно и спокойно.

Ирка стала трясти его, однако Багров открыл глаза только минут через пять. Очнувшись, он бодро сел, свесив ноги, и отбросил полотенце.

– Все! – сказал он, недоверчиво моргая.

– Что «все»?

– Кина больше нету. Четвертый клинок мрака удалился в Тартар.

– Ты-то сам жив?

Багров встал на руки и прошелся по комнате. Для человека, который совсем недавно напоминал мертвеца, это было крайне самонадеянно.

– Жив! Хочешь оказать мне услугу?

– Ну!

– Скажи мне что-нибудь простое, понятное и нравоучительное! Такое, чтобы в этом была успокоительная и прочная мудрость! Ну, например, помнишь, как ты пришла ко мне в лодочный сарай и, не зная толком, что такого произнести дружеского, изрекла: «Покупай всегда одинаковые носки! Так их проще после стирки разбирать по парам». Я вот на всю жизнь запомнил!

– Багров! Я тебя прикончу! – с негодованием завопила Ирка.

Глава 16

Non annumero verba sed appendere³

Человеческая свобода – это не бескрайний выбор бескрайних решений. Свобода – это обычно выбор из двух, противоречивых таких решений. Совсем маленьких, неброских, но необычайно важных. Дать милостыню бабушке или не дать. Пнуть собаку или не пнуть. Схалтурить или не схалтурить. Помочь или так сойдет. Именно в выборе этих неброских решений и выковывается человеческая личность.

«Книга Света»

В обычных случаях Мефодий просыпался утром плохо. Сознание заводилось медленно. Желаннее подушки в мире ничего не существовало, и порой Меф всерьез опасался, что, догадайся Тухломон в эти секунды подсунуть ему пергамент о добровольной передаче эйдоса мраку, он подмахнет его не глядя, в обмен на двадцать лишних минут сна.

«Ты как мотоцикл Эссиорха! Начинаешь фырчать и откликаться только после седьмого пинка!» – говорила Улита, которой нередко поручали поднимать его, когда Меф еще служил мраку в резиденции на Большой Дмитровке.

Порой ведьме приходилось даже использовать авральный вариант побудки. Авральный вариант был известен в народе как Петруччо Чимоданов. Он являлся в комнату Мефа, сопровождаемый верным Зудукой, и, восторженно перекашивая рот, принимался палить в потолок из пистолета Макарова.

Однако в то утро двадцать седьмого ноября, за два дня до дуэли, Меф проснулся неожиданно рано и без посторонней помощи. Рассвет только-только начинал сереть за окном. Буслаев лежал, смотрел в потолок, ощупывал кончиками пальцев свою голову и, ощущая под кожей твердость черепа, внутренне замирал от ужаса этого открытия.

Разумеется, он и раньше догадывался, что у людей существуют черепа, но тогда это было отрешенное знание. Знание, по которому черепа имели все, кроме тебя. Ты же был единственным приятным исключением из правила, тем, кто, имея череп, словно бы его не имел. Теперь же абстрактное знание сделалось внутренним жутким открытием.

Особенно хорошо кости прощупывались в верхней части – скулы, лоб, брови, идущие точно над глазами и подчеркивающие их контур.

«Это я! – думал Меф. – Мое тело! Если ткнуть его чем-нибудь острым, или уронить с высоты, или сделать с ним что-нибудь еще в том же духе, оно перестанет существовать! И эти руки, эти волосы, эти ноги станут ничьими! Просто прах и кости, которые притворились на время Мефодием Буслаевым!»

³ Слова следует не считать, а взвешивать (лат). Цицерон.

Звериный, элементарный, неконтролируемый страх затопил его при мысли о том, что разлучение с телом может произойти уже послезавтра. О бессмертии эйдоса, в котором и заключена сама сущность его частного бытия, он как-то не задумывался. В этот момент оно казалось ему слишком абстрактным. Материальным же было именно это тело, эти руки и ноги, эта кожа, этот твердый череп – все то, существование чего было теперь под угрозой.

Захотелось вскочить, схватить Дафну и, не оглядываясь, мчаться прочь. Какая разница, что подумают Гопзий, Арей и Лигул? Можно ли потерять авторитет у стражей мрака, для которых уважение к кому бы то ни было – это факультативная и ненужная опция, так как она не приносит никакой зримой выгоды.

«Бежать! Бежать!» – запели ноги. «Тук-тук! Выпустите меня отсюда!» – сказала сердце. «Я бы тоже еще побулькал!» – забурчал желудок.

Уступив страху, Меф даже стал красться к двери и, лишь коснувшись ее прохладной ручки, остановился.

– А ну, спокойно! Паника переносится на поздние сроки! – приказал себе Меф. – Еще пять минут такого нытья, и Гопзий даже рубануть меня не сможет, потому что я буду постоянно падать в обморок! Стеку с его меча безвольной слизью!

Почти на слух ощутив тугой щелчок воли, похожий на удар кнута, Меф отправился в душ. Ничто не смывает вялость лучше ледяной воды. Саможаление изгоняется исключительно самобичеванием.

Тебе плохо? Жить не хочется? Присядь сто раз! Уже чуточку захотелось? Если нет, пробеги километра два в быстром темпе, пока сердце не запрыгает во рту, или, если ты человек практический, сходи на рынок, купи 50 кг картошки и принеси домой по картофелине. Если же и бежать в лом и приседать неохота, значит, и глобальной тоски никакой нет, а есть только дурно пахнущая кучка лени.

Когда ледяная вода обожгла тело, Буслаев почувствовал себя значительно бодрее. Ночное вялое уныние стекло с него и с хлопаньем исчезло в сливе. Меф растерся полотенцем, разухарившись, нанес своему отражению в зеркале несколько быстрых серий в два и три удара и остановился, вспомнив слова Наты.

Вихрова утверждала, что количественно парни смотрятся в зеркало чаще девушек, хотя по времени и меньше. Девушки в основном волосы поправляют, но, если знают, что с волосами все в порядке, даже не попытаются к нему подойти. Парни же торчат у зеркала не торчат, зато, проходя мимо, обязательно выпятят грудь колесом, по-индюшачьи надуются и кинут снайперский взгляд, в целом оценивая крутизну своего вида.

Меф вышел из ванной, оделся и хотел уже пройтись по городу, чтобы успеть до утренней тренировки, но услышал раскатистый голос Арея, требовательно окликающий его снизу.

«Вот и погулял!» – подумал Буслаев убито.

На лестнице Меф столкнулся с Дафной. Основное ее обмундирование – рюкзачок с флейтой и кот – было при ней.

– Я с тобой! – вызвалась Дафна решительно.

– Быстро ты проснулась, – сказал Меф.

– Ничего себе быстро! Арей уже несколько раз тебя кричал! Меньше надо в душе отмокать!

– Что, серьезно? – встревожился Меф.

Барон мрака звал обычно один раз, после чего неизвестно откуда приносился и врзался в стену топор как напоминание, что начальственное время стоит дорого. Чимоданову так вообще прилетела однажды боевая граната без чеки. Но Петруччо – случай особый. Для него бы и молот Тора был бы слишком тонким намеком.

На первом этаже Мефодий и Дафна столкнулись с Улитой. Та как раз вернулась после ночной прогулки по клубам Питера. Улита пошатывалась. Глаза у нее были красными. В руках ведьма держала бутылку с шампанским, в которой, заткнутый пробкой, горланил один из джиннов-курьеров Лигула.

Меф затруднился бы определить, Омар это или Юсуф. И, как Улита его туда заманила, он тоже не понял. В бутылке джинну активно не нравилось. Он вился дымком, толкался в стекло, заламывал руки, негодовал, но вылезти не мог и все время обрушивался на дно, в шампанское, которого оставалось примерно с полпальца.

Узрев на руках у Дафны Депресняка, Улита подошла к коту и, выдохнув ему в самую морду, с чувством произнесла:

– У-у-у, мор-р-рда! Р-ругачка и пугачка!

Депресняк лениво вытянул лапу и, не выпуская когтей, толкнул Улиту в нос.

– Что, драться? Я тоже могу! Пуф на тебя! – сказала Улита и принялась тыкать Депресняка в нос неизвестно откуда взявшимся у нее в руке «вальтером» с желтоватой ручкой.

Заметив, что Дафна красноречиво посмотрела на Мефодия, Улита гневно замычала, замотала головой и укоризненно уставилась на них.

– Думаете, я пьяная? А ну, не молчать, взрослой тете отвечать! – потребовала она.

– Я недавно проснулся. Мне думать больно, – отвертелся Буслаев.

Честная же Даф предпочла молчание утвердительному ответу.

– Врете! – сказала Улита. – Ну врете и врете! Я действительно пьяная! Но пьяные забываются, если на то пошло. Я же не могу забыться – и в этом вся разница! Мне пьяной даже хуже, чем трезвой, потому что, пока я трезвая, грязь моя тихо сидит, а у пьяной... ик... чуть ли не из ушей лезет. Почему я не могу жить нормально, как все? С утра до ночи я грызу себя. От меня остался уже один скелет!

Меф с сомнением посмотрел на Улиту, но спорить не стал. Слушать слова в отрыве от чувств, а чувства в отрыве от причин их возникновения – счастливый удел дураков.

Улита икнула, и ее произвольно блуждающий взгляд вновь нашарил кота.

– Если задуматься, бытовая человеческая симпатия устроена... ик... очень расчетливо. Что удобно, приятно и безопасно, то и красиво. Все охотно соглашается любить мягких, пушистых и добрых зверушек, но... ик... мало кто любит гадких и колючих, таких, как эта вот дрянь! Вот и людей все охотно любят красивых, умных и щедрых и лишь под большим нажимом соглашаются терпеть пьяную, злобную, болтливую, никому не нужную толстуху!.. Чего уставился на меня, а?

Меф молча ткнул пальцем в пистолет, дуло которого глядело ему в живот. Улита с недоумением посмотрела на «вальтер», о существовании которого она успела уже позабыть.

– Думаешь: заряжен? – спросила она.

– Тебе виднее.

– Считаешь, я помню, у кого его стащила? Сейчас проверим! – И Улита быстро вскинула «вальтер» к виску.

– Лучше вон туда! – Пospешно схватив ее за кисть, Меф перевел дуло в стену.

Улита нажала курок. Послышался сухой, относительно негромкий выстрел. Выплюнув тусклую гильзу, затвор возвратился на прежнее место.

– Надо же! Заряжен! Военрука на них нету! Не знают, что оружие надо хранить с выковырянным магазином, убедившись в незапихивании патрона в патронник, – спокойно констатировала Улита, небрежно отшвыривая пистолет в угол.

– Но вернемся к пьянству и злобной толстухе! Хотите секрет про злобную толстуху, которой даже ее собственный эйдос не отдадут? Знаете, что меня действительно злит? Что я, сколько ни пытаюсь, не могу стать лучше! Пять минут держусь, а потом или сама в яму, или заорала на кого-то, или комиссионера по башке! Испаскудилась не просто до крайности, но до невозможных каких-то пределов! Пути отступления уже нет. Я не то что Москву сдала, а и Северный полюс уже пропрыгала зайчиком. Что еще осталось сдать и кого предать – ума не приложу! Уже и за край цепляться нечем – ногти все обломала.

Голос у Улиты внешне казался спокойным, но в глубине – это Меф ощущал безошибочно – треснувшим колоколом позванивала близкая истерика.

– Перестань! Ты не такая! – сказала Дафна, касаясь ее плеча.

Улита грубо отбросила ее руку.

– А ну, не цапай мебель, хорошая наша!.. А этот-то славненький ваш, ясноглазенький! Знаю, жалеет меня! Небось даже любит, но как любит! Смотрит на меня, как на собаку с поломанной лапкой, крушить вашу тетю! Ненавижу!

Стены задрожали. Стоявший рядом стул сам собой вспыхнул. Мефодий на всякий случай отодвинул Дафну и загородил ее от Улиты.

– Улита! Ты больная! – твердо сказал он, надеясь если не смягчить гнев, то, переключив его на себя, самому стать громоотводом.

Ведьма мотнула головой. Влажные глаза ее вдруг высохли.

– А вот и врешь! – сказала она неожиданно трезвым голосом. – Я с детства очень здоровый ребенок! О таких, как я, говорят: здорового ребенка не угробишь и поликлиникой. Но тем хуже, потому что здоровый дух в здоровом теле встречается чуть реже, чем никогда! Если некоторые утверждают обратное, то это умственные сироты! Несчастные жертвы рекламы, ушибленные рухнувшим с высоты телевизором! Оо-опс!

В ораторском жесте Улита качнула левой рукой и, неожиданно обнаружив в ней бутылку, поднесла ее к глазам, уставившись на заточенного джинна.

– А этот вот приставал ко мне! Взяла его просто за компанию, а он вообразил себе! Ручки распустил! А ну, не трогай меня сейчас своими липкими глазенками! Пошел вон! Проваливай в Тартар!

Улита размахнулась и швырнула бутылку через весь холл, в дальнюю стену. Затем решительно раздвинула Мефа и Дафну и, пройдя между ними, широкими, но шаткими шагами поднялась наверх.

– Что на нее нашло? – спросил Меф.

– А ты не понял? – удивилась Даф. Почему-то она выглядела довольной.

– Я понял, что она страдает и мучается из-за Эссиорха.

– Да, но не это главное.

– А что?

– В ней просыпается сердце. Прорастает, как зерно в земле. Правда, если вдруг ударит мороз, пророщенному зерну будет хуже, чем непророщенному. В обратную сторону росток уже не втянется, – сказала Дафна озабоченно.

– Слушай, почему Улите не могут вернуть ее эйдос? Она же в душе добрая! – поинтересовался Меф.

– Нет, не добрая. Пока, во всяком случае, не добрая, – просто сказала Даф.

Меф недоверчиво потряс головой.

– Как не добрая? – переспросил он озадаченно.

– Так, не добрая. Она добренькая. Добрый человек добр всегда и ко всем – к врагам и друзьям в равной мере. Добренький же добр по настроению, с истеричными всплесками, в основном к друзьям, и то с какой ноги встанет. Колоды друзей и врагов он все время перемешивает. Охота ему на кого-нибудь позлиться, он перетаскивает человека из колоды друзей в колоду врагов и пошел чихвостить. Пар выпустит и опять в колоду друзей тащит. А теперь представь, что случилось бы, если бы солнце тоже всходило утром по настроению? Или метро работало бы по настроению. Приходишь утром, а там закрыто, потому что у сотрудников метрополитена настроения не оказалось рано вставать.

Меф засмеялся.

– Не смешно, – с грустью сказала Дафна. – Если отдать Улите эйдос сейчас, она очень скоро его потеряет. Эссиорх это прекрасно понимает и нарушает все правила. Ему может за это перепасть, тем более что он, и правда, привязался к ней не совсем так, как должен.

* * *

В питерской резиденции кабинет Ареля занимал большую подвальную комнату, изначально предназначенную для тира. Комната была глухая, без окон, с толстыми стенами.

Арей нетерпеливо прохаживался, ожидая Мефа.

– О, что я вижу! Синьорчик помидорчик пришел с охраной! – умилился он, увидев Дафну. – А еще темной когда-то притворялась! Позорище!

Дафна промолчала. Арей же перевел взгляд на Мефа. Сонные медвежьи глазки лучились лукавством.

– Знаешь, как Филипп Македонский, отец Александра, отбирал воинов? Он смотрел, кто в минуты опасности краснеет, а кто бледнеет. Из тех, что краснели, он и составлял свою гвардию, – сказал он будто вскользь.

«Знает! – догадался Меф, торопливо захлопывая свое сознание. – Небось сам же и наслал этот утренний страх, чтобы меня проверить! Ах ты, собака!»

– А бледных куда? – спросил он.

Арей безразлично пожал плечами.

– Бледных куда-нибудь в прашники, в обоз, а еще лучше в похоронную команду. Слабость – это качество, которое если прорывается, то прорывается везде, на всех уровнях корабля: в парусах, на палубе, в бортах. Но знаешь, почему Филипп Македонский был прав лишь отчасти? Он хоть и понимал интуитивно разницу между адреналином и норадреналином, но глубже не заглядывал.

– А в чем разница между адреналином и норадреналином? – спросил Меф.

Арей толкнул ногой стул, который сам не догадался отодвинуться.

– Вот оно – очень среднее образование! Глумовичу должно быть за тебя совестно!.. Выпускает недоучек с мокрыми губами, да еще и спровоживает их на Запад!.. Так и быть, слушай! Ты в саванне. На тебя бежит голодная львица. Меча, винтовки и дара телепортации у тебя нет. Что ты сделаешь?

– Залезу на дерево.

– Предсказуемо до рвоты! Деревя нет, – отрезал Арей.

– Тогда не знаю.

– Существует два выхода. Первый – с воплями кинуться на львицу в атаку, швыряя камни и надеясь, что она не станет связываться с психом. Второй – рухнуть в обморок, причем покапительнее, чтоб не очнуться, даже когда тебя ковырнут лапой. Лев дохлятину не ест, особенно если от нее соответственно пахнет результатом медвежьей болезни.

Арей с насмешкой посмотрел на Мефа, намекая на утренний страх.

– Короче, адреналин – это то, что заставляет кидаться камнями и кричать на львицу, пока не порвутся голосовые связки. Норадреналин же вынуждает бледнеть и покрываться влажным липким потом. Сердечко перестает стучать, и человек падает в обморок. Причем обморок, заметь, должен быть настоящим! Львицу не обманешь. Она в театры не ходит, симуляцией чувств не занимается. У нее врожденное чувство истины.

– Так почему Филипп был не прав? Все логично. Он тупо набирал адреналиновых зомбигов, которые наливаясь кровью, фалангами обрушивались на врага и устраивали крошилово. Бледнеющие трусы были ему не нужны, – заметил Меф.

– Филипп руководствовался общим правилом, не вдаваясь в детали. Кто лучше храбреца от рождения? Не трус ли, который сам сделал себя смелым? Волевым усилием изменил характер? Смелого от рождения еще можно сломать, ибо не исключено, что его просто мало били. Сломать же перековавшегося труса нельзя, потому что воля у него победила начальный темперамент, – прогрохотал мечник.

Арей шагнул к Мефу. Поры на его щеках показались Буслаеву неожиданно огромными, как жерла. Казалось, в них клокочет Тартар.

– Запомни это! Там, где была дряблая и вялая плоть, встал гранит, который сам теперь крошит и раздирает трусов! Люди всегда чувствуют, кто перед ними – жертва или тиран. Улавливают на эмоциональном уровне. Жертву они клуют, а перед тираном пресмыкаются! Выбери свой путь!

Дафна отвернулась, наглаживая Депресняка. От Арея, однако, не укрылось, что она улыбается.

– Можно поинтересоваться, что тебя насмешило, светлая? – спросил он, хмурясь.

Даф не ответила.

– Почему молчишь, светлая?

– Вы задали вопрос без желания узнать истину. А на вопросы, заданные без желания узнать истину, не отвечают, – спокойно ответила Даф.

– А если я скажу, что хочу ее узнать?

– Очень в этом сомневаюсь. Но если и хотите узнать, то без желания измениться. А что толку знать что-либо, если нет желания меняться? Лучше вообще не уметь плавать и не лезть в воду, чем утонуть, пытаясь переплыть болото.

– Что-то ты осмелела, светлая! С чего бы это? Приобрела для дудочки бронебойную насадку? – хмуро поинтересовался Арей. – Говори, или я рассержусь!

– Пожалуйста. Все эти ваши рассуждения про тирана и жертву – полный бред! Так философствует подросток, который, врубив музон, давит прыщи в ванной, пока мама стучит лбом в дверь, умоляя его выйти! – пылко сказала Даф.

Меф, не ожидавший от нее такой горячности, оказался совсем к ней не готов и удивленно вскинул голову. Сравнить Арея с подростком, который давит прыщи в ванной, не решился бы даже Лигул. К его удивлению, защищать Дафну от мечника не пришлось. Лоб Арея разгладился. Он умел отличать истинную отвагу от нахальства.

– Ну а если без эмоций: что конкретно тебя не устраивает? – спросил он.

– Все не устраивает. Вы рассматриваете два крайних состояния – раздраженной, задавленной, скрыто самолюбивой жертвы и палача. Была жертва, которую все клевали, и вот она – раз! – закусил удила, и из жертвы мрака стала палачом мрака. Числитель разный, а знаменатель и там, и тут один – мрак. И в выигрыше кто?

– А ты как хотела? Мрак всегда в выигрыше, – самодовольно заявил Арей.

– Это только так кажется, потому что ломать легче, чем строить. Всей же силы мрака не хватит, чтобы самостоятельно выдумать даже простого шмеля. Разве что оторвать ему лапки, да и то с оглядкой, чтобы уши не надрали.

Арей снисходительно вздохнул.

– Светлая, не нарывайся! Ты ведешь себя так, словно хочешь умереть раньше синьора помидора! Потерпи еще денька два, а то мне самому всегда неловко убивать тех, кого я давно знаю.

– Вы первым затеяли этот разговор! Выказали желание узнать – вот и восполняйте пробелы в образовании! – сказала Даф с вызовом.

Она вся была огонь, порыв, стремление. Меф едва ее узнавал. Какая уж тут смиренная девочка с котиком! Перед ним стоял страж света, на которого и смотреть было больно, так он внутренне пылал.

– Запомните! Свет – это не бесхребетная сила с дудочкой, которая всегда тебя простит и с которой можно особо не считаться. Не бабушка, о которую можно вытирать ноги и которая потом все равно заботливо подаст картошечку с котлеткой. Свет – сила строгая и непреложная. Именно светом, а не мраком поддерживается существование мира. Свет в каждом старается видеть только живое и трепещущее. Ростовую почку, икру жизни. Его не интересуют оттенки серого и стадии разложения. Это мертво, а потому не нужно. И еще один принцип света: нет человека или стража, даже темного, которого стоило бы однозначно осуждать и у которого нечему было бы научиться.

– У Арея чему учиться? Драться на мечях? – спросил Меф, с легким вызовом взглянув на барона мрака.

– Это прикладное умение и особой ценности не представляет, – отрезала Даф. – Главное его хорошее качество – никого и ничего не бояться, не изменять себе и тому, кто рядом. Просто из принципа.

– О да! Принципов у меня вагоны! – проворчал Арей. Однако заметно было, что он польщен.

– А у Мошкина что? – продолжал Меф.

– Потребность бесконечно копаться в себе. Внутренняя зоркость. Правда, там много еще чего намешано, но все же. Вечные «да» и «нет», конечно, можно откинуть. Они заставляют топтаться на месте.

Меф кивнул, лихорадочно пытаюсь найти хоть кого-то, у кого нет бросающихся в глаза достоинств.

– Чимоданов?

– Созидательность. Если задуматься, то беспокойные ручки – просто одна из ее внешних деструктивных граней. Что-то же заставляет его иногда целую ночь сидеть и с красными глазами лепить своих человечков.

– М-м-м... Вихрова?

Но и у Наты достоинства нашлись.

– У нее опережающая самоирония. Самая надежная защита. Скажи ей, к примеру, что она глупа, она мигом ответит: «Обожаю быть глупой! Никто не хочет пнуть меня по этому поводу?» – сказала Даф.

Арей расхохотался.

– Ну все, светлая! Сдаюсь! Если ты такая умная, окажи своему подопечному услугу!

– Какую?

– О, крайне простую! Мы пойдем в зал, сделаем ненормальные лица и будем бить друг друга деревяшками по жизненно важным частям организма! Ты же должна будешь смотреть на нас и искать во всем этом философский смысл.

– И все?

– Да, – заверил Арей. – К сожалению, ничего другого в данный момент предложить я тебе не могу.

Глава 17 **Mendax in uno, MENDAX IN OMNIBUS**

Если у человека нет воли – у него нет ничего. Но если у него есть одна только воля – у него опять же ничего нет. Воля – это всего лишь лопата. Если не копать ею там, где нужно, не то что клада, но и червей для рыбалки не нароешь.

Златокрылые

Неформальное совещание

Почти всю ночь перед схваткой Меф провел без сна. Теоретически он понимал, что это неправильно. Тело должно получить отдых. Но одно дело знать, что ты должен спать, а совсем другое – заставить себя спать. Знание без воли как осел без хвоста – мух видит, а отмахиваться нечем.

Комнат в питерской резиденции было более чем достаточно. Меф ушел в соседнюю – странно пустую, вытянутую, где на полу у окна лежал плоский четырехугольник луны. Находившийся в нем стул уплывал куда-то, и темные тени продолжали его ножки, делая их бесконечными.

Некоторое время Меф ходил в темноте. Мысли были прыгающие, ускользающие, как мокрое мыло. Пока ты ловил за хвост одну, подсказывало и вертелось поблизости несколько других. Протягивал к ним руку – и эти тоже удирали с истошным писком, как комиссионеры после слова «спасибо».

Вызвав меч, Меф несколько раз взмахнул им, в темноте попал по стене и едва не вывихнул запястье.

«Все, хватит беготни!» – сказал он себе.

Меф включил лампу, отыскал несколько листов бумаги, ручку и принялся сочинять письмо к Дафне. Первые два предложения были заготовлены у Мефа уже давно.

«Привет! Если ты это читаешь, значит, мне немного не повезло...» – бойко накатал он

и застопорился. Ручеек мыслей иссяк в связи с поломкой вербального крана. Предсмертное письмо сочинялось туго и со скрипом. В нем была как будто заведомая поза, попытка кокетства из гроба. Текст казался Мефу мешком букв, который он бил и пинал, отшибая пальцы на ногах, сдирая костяшки кулаков. Мешком тяжелым, грузным, тяготящим, который все никак не желал дать главного – смысла.

Сама собой вспомнилась история, когда в их старой школе девочка с кем-то поссорилась и выпрыгнула из окна, а директорша устроила «прощание с иллюзиями». Должно быть, сама выпрыгнувшая надеялась, что всем будет ее жалко. Однако Меф особой жалости ни у кого не наблюдал.

Большая часть народу под шумок смоталась домой. Водитель похоронного автобуса деловито распоряжался, как правильно выволакивать гроб. Тот, кого покойная считала своим парнем, курил за школой, изредка выглядывая и проверяя, уехал автобус или не уехал.

Лучшей подруги, которая должна была, по генеральному замыслу, угрызаться сильнее прочих, хватило минут на пятнадцать. Больше других грустил учитель труда. Найдя в толпе родни родственную душу, он, узрев повод, радостно напился, хотя к нему на труд покойная вообще не ходила.

Мефу тогда подумалось, что если девчонка видит сейчас свои похороны, то ей ужасно хочется запрыгнуть обратно на подоконник, так все пошло и глупо. Из всех дурацких выходов из положения смерть всегда лидирующий. Мрак это знает и потому очень торопит самоубийц, опасаясь, что они передумают. Еще бы! Даже съеденная вовремя шоколадка уменьшает желание умереть раза в четыре.

Сейчас же Меф и сам находится без пяти минут в похожем положении. Что, если ему не повезет? Чимоданов, конечно, разнюхает все первым и скажет:

– Подчеркиваю: Гопзий чпокнул Буслика!

Мошкин ответит:

– Мефа, да? Это ведь грустно, да? Я почти уверен, что огорчен!

А Ната почешет нос и произнесет:

– Ну что тут скажешь? Всякое бывает.

На похороны же обязательно притащатся Тухломон с Хныком и на правах лучших друзей покойного устроят цирк. Бррр! Даже думать об этом не хочется!

Дверь скрипнула. Меф повернул голову. В комнату, мягко ступая, вкрадчиво вошел Депресняк, покрутился, скрылся, а минуту спустя появилась Дафна.

– А, вот ты где! – бодро сказала она. – И что ты тут делаешь?

Мефодий закрыл лист рукой.

– Да так, ничего.

– Письмо предсмертное пишешь, а эмоции в кучку?

– Откуда ты знаешь? – напрягся Меф.

– Ну я вообще-то твой страж. Есть такая нелегкая работа, – скромно ответила Даф. – Спать-то пойдешь?

Меф ответил, что нет.

– Уверен?

Меф заверил, что уверен.

Даф пожала плечами. Она была слишком умна, чтобы спорить по пустякам. Лучший способ выиграть в споре – не доводить до него. Дошедший до спора как дошедший до ручки. В лучшем случае уйдет с копеечкой, в худшем – без копеечки и с подбитым глазом.

– А я вот отдохну, если не возражаешь. Мой дух едет на слабенькой лошадке моего физического тела. Лошадка устает, и он вынужден давать ей отдых, – сказала она, зевая.

Мефу показалось, что он ослышался.

– Хочешь сказать: тебе меня не жалко? – спросил он недоверчиво.

– Жалко, – честно призналась Даф. – Но жалость бывает разная. Заламывать руки, объясняя песику, что пятиметровое бедро динозавра ему не по зубам, самый неконструктивный вариант.

– А какой конструктивный?

– Попытаться не отдать мраку эйдос, если ты лишишься тела. Спокойной ночи!

Дафна помахала ему рукой, повернулась и вышла. Мефодий же так и остался сидеть перед бесполезным листом бумаги. В глаза прыгнуло: «Если ты это читаешь, значит, мне немного не повезло».

«Кокетство! Глупость и рисовка! Гораздо честнее было бы повеситься на проводе от лампы, написав себе на пузе фломастером: „Я сдох!“ – подумал он с досадой.

Меф скомкал лист и зашвырнул его в угол. Ощущать себя идиотом занятие не самое приятное, но для внутренней самопрофилактики самое что ни на есть полезное.

Дафна вернулась в свою комнату, села за стол и уставилась в книгу. Прошла минута, другая, третья, а она так и не перевернула ни одной страницы. Взгляд рассеянно скользил по полям, изредка случайно цепляясь о строчки.

Депресняку вздумалось вспрыгнуть на стол, пройтись у Дафны перед носом и разлечься на открытой книге. На его исполосованной шрамами морде было написано: «Если хочешь чего-нибудь читать – читай меня!» Этот маленький сгусток эгоизма не мог да и не ставил себе целью понять, что хозяйка не является его сугубой собственностью.

Обычно Дафна за крыло стаскивала кота с книги и, удерживая на коленях, гладила за уцелевшим ухом: знала, что иначе вымогательская рожа запрыгнет опять. Однако сейчас что-то шло не по сценарию. Кота никто не сгонял и не гладил. А затем безо всякого предупреждения что-то капнуло на Депресняка сверху. Кот озадаченно перекатился и следующую каплю поймал уже брюхом.

С диким мявом Депресняк выгнул спину дугой и захлопал крыльями, как молодой петушок, пытающийся взлететь на забор. Адские котики могут вытерпеть каменный град и путешествие внутри артиллерийского снаряда. К одному они только не привыкли – когда на них попадают слезы.

* * *

Что-то холодное и довольно тяжелое, задев щеку Мефа, цокнуло о полировку. Меф проснулся, открыл глаза. Он понял, что задремал за тем самым столом, за которым неудачно пытался написать прощальное письмо. Рядом с Мефом стоял Арей, а перед глазами лежало нечто, напоминавшее отрубленную до локтя человеческую руку.

– Что это? – спросил Меф.

– Кольчужная перчатка. Трудно поверить, но рукоять в ней не скользит, не проворачивается, не вырывается!

Меф натянул перчатку. Сгиб кисти и руку до локтя она закрывала надежно. Что было особенно удобно для руки, держащей меч, – пальцев на перчатке не было, а заканчивалась она внешними пластинами, страхующими кисть до средней фаланги пальцев. Помимо всего прочего, хороший кастет для одинокого любителя поздних походов в консерваторию.

– Не беспокойся – сам Гопзий всегда использует перчатку. Здесь препятствий не возникнет, – сказал Арей.

– Зачем она мне? – спросил Меф.

– Хотя бы затем, чтобы расстаться с пальцами на несколько минут позже. Точного удара по руке она, конечно, не выдержит, но от скользящего спасет. Но не расслабляйся! Отшибленная рука или отрубленная – это не принципиально. Любой удар по конечности Гопзий все равно переводит потом в голову или шею, да и по падающему телу попытается рубануть раза два для надежности.

Меф натянуто улыбнулся.

– Умеете вы утешать!

– Ты меня с кем-то перепутал, синьор-помидор. Я никого не утешаю. Я лишь пытаюсь достучаться до твоего затуманенного мозга голыми фактами... Собирайся! Улита уже в машине с Мамаем. Светлой я тоже велел ждать внизу!

Меф толкнул входную дверь, и тотчас Питер, притаившийся снаружи, дунул ему в лицо сыростью.

Сегодняшний автомобиль Мамай был простым, черным и неброским. Все строго и поделовому. Неглупый, как все комиссионеры, бывший хан безошибочно чувствовал, что Арей мало настроен на цирк, а раз так, то лучше не ковырять гвоздиком противопехотную мину.

«Машина для трагических поездок», – подумал Меф, опускаясь на заднее сиденье рядом с Улитой.

Шурша пакетом, ведьма старательно снимала губами колбасу с бутербродов. Опустевший же хлеб складывала стопочкой.

– Вот заготовила с собой! – пояснила она Мефу. – Сиж и думаю: «Если его убьют – мне будет не до еды. Значит, лучше поесть прямо сейчас». Хочешь бутербродик?

– Нет.

– Я знала, что ты так ответишь. Иначе бы не предложила, – удовлетворенно произнесла Улита.

Автомобиль тронулся. Мамай был сам на себя не похож: рулил осторожно и четко, как отличник автошколы на экзамене по вождению. Меф понимал, что ехать недолго, и особенно не расслаблялся. На Дафну, сидевшую у противоположной дверцы и отделенную от него Улитой, он старался не смотреть. Он и без того ощущал, что она огорчена и обеспокоена.

Первоначально предполагалось, что поединок Мефа и Гопзия будет проходить в Тартаре, однако Дафна и Эссиорх неожиданно воспротивились, причем с изумившим Буслаева пылом.

– То, что человек однажды чудом не разбился, выпав из окна, не означает, что он должен превращать чудо в привычку и начинать с этого каждое утро! В Тартар ты не поедешь! – отрезал Эссиорх.

Когда Меф не без смущения заявил Арею, что отказывается биться в Тартаре, тот, к его удивлению, отнесся к этому нормально.

– И где же светлые предлагают тебе скрестить с Гопziem сабельки? Не в Эдеме же? – поинтересовался он.

– Нет.

– Ладно. Переадресуем вопрос руководству. Пусть сами решают! – сказал Арей и отправил к Лигулу курьера.

Джинн с ответом прибыл спустя два дня. Едва он растаял, Дафна и Меф бросились к Арею.

– Узнали? Где?

Мечник помедлил с ответом, после чего неохотно процедил:

– На той площадке в Питере, где мы смотрели, как дерется валькирия... Предложение исходило, разумеется, от малютки Лигула. Вот уж не думал, что ваш Троил пойдет на это! Странная вещь: я могу предугадать любую многоходовую подлость мрака, но действия света для меня все равно останутся загадкой!

– А что сказал Троил? – жадно спросила Дафна.

– Мне ничего. И Лигулу, насколько я заключил из уклончивого блеянья курьера, тоже.

– Что, ни «да», ни «нет»? – растерялась Дафна.

– Точно. Но в данном случае отказ Троила от ответа больше смахивает на согласие, чем на отказ. Так что ставлю голову синьора помидора против шнурков от его же кроссовок, что дуэль будет там, а не где-нибудь еще.

Меф старательно вспомнил площадку, на которой тетя Таамаг давала молодежи уроки рукопашного боя.

– А там место-то есть? Наверняка с Гопziem притащится целая толпа! – сказал он.

Арей тоже так считал.

– Хлеб без зрелищ всухомятку не идет. По дороге на бойню телят принято развлекать веселой музыкой. А что площадка узкая, не беда. Ее расширят. Технические дела предоставь техникам. На твоем месте я больше бы беспокоился, не *где* сражаться, а *как* сражаться.

* * *

Автомобиль остановился. Мамай, выскочив, предупредительно распахнул дверцу. При этом он незаметно скорчил Мефу такую рожу, что тот понял: если его убьют, рыдания хана будут более чем умеренными.

Меф вышел и озадаченно огляделся. У него даже мелькнуло сомнение, в Питере ли они. Говоря, что площадку расширят «немного», Арей не уточнил масштабов этого «немного». Дома Большого проспекта, прежде назойливо близкие, отодвинулись и едва маячили вдали.

Перед ним простиралась бугристая и болотистая равнина. Кустарник торчал неравномерно, пучками, как щетина на плохо выбритом лице. Во впадинах стояла вода, кое-где подмерзшая и хрустевшая под ногами ледком. Буслаев прикинул, что сражаться тут будет нелегко – особенно тому, кому придется пятиться. Хотя отступающим никогда не бывает легко.

Светлых стражей Меф увидел лишь в одном месте. Плотное кольцо златокрылых окружало небольшую площадку. Все они были настроены решительно. В руках – флейты. Чуть в стороне стоял начальник отряда. Огромный мужчина в движениях был скромен и застенчив, как девушка. В пальцах, которые могли завязать бантиком железнодорожный рельс, он вертел ромашку. Если вспомнить, что в дверь заглядывал уже промороженный и насморочный нос декабря, ромашка была из Эдемского сада.

– О! Наконец-то свет сам взялся за свою охрану! – сказала Дафне Улита. – А то вечная эксплуатация женского труда! Кстати, вон она стоит!

– Кто? – не поняла Дафна.

– Да эксплуатация же!

Дафна повернулась. Недалеко от златокрылых кучкой стояли валькирии.

Таамаг вертела на пальце кистевой эспандер. Радулга, скрестив на груди руки, хмурилась, грустя, что вокруг столько мишеней, а убить толком и некого. Хаара фотографировала цифровиком одну из луж, находя ее символичной, потому что в ней плавал одинокий красный лист. Ее оруженосец Вован, тоже по-своему не чуждый прекрасному, заявил, что будет еще символичнее, если уронить на дно лужи одинокую гильзу.

– А еще лучше биту и несколько зубов! – терпеливо сказала Хаара, имевшая об интеллекте своего оруженосца довольно предвзятое мнение.

Ламина ухоженными длинными ногтями чистила мандарин, манерно роняя себе под ноги шкурки. Таамаг некоторое время, сдерживаясь, наблюдала за ней, а потом не выдержала и брякнула:

– Тьфу! Глаза б мои не глядели! Такой рукой и вмазать никому нельзя!

– Знаешь, а для меня это не цель, – сказала Ламина и, задумавшись, добавила: – И если вмазать нельзя, зато можно поцарапать!

Улита, проходя мимо, будто случайно зацепила Ламину плечом. Ламина ей активно не понравилась. Если честно, Меф даже не понял причину. Им нечего было делить, да и знакомы они были мало. Впрочем, у многих женщин так. Антипатия вечно бежит впереди симпатии, часто оборачиваясь, чтобы не получить по макушке.

«Вот оно – добрая и добренькая! А ведь точно: громаднейшая разница!» – подумал Меф, вспоминая слова Дафны.

Задев Ламину, Улита остановилась.

– Ой, извините! Я думала: тут пустое место! – сказала она милым голоском.

Ламина не осталась в долгу.

– Старайтесь не думать. Вам вредно, – отвечала она снисходительно.

Улита не нашлась чем парировать и проследовала дальше, благоразумно притворившись глухой.

– Тьфу! Единственное, кому я не завидую, – это красивым женщинам! – раздраженно

бросила она Мефу.

– Это почему еще? – подозрительно спросил Буслаев.

– Красота – это все равно что на глазах у всех дать слюнявому идиоту мешок с бриллиантами, отправить его с детской лопаткой закапывать их на Красной площади и удивляться, что он придет зареванным и без лопатки! Двести раз несчастна та красивая, которая просто красива и больше ничего!

– Не понимаю.

– Со временем разберешься! Красота – это мешок. Но если в мешке ничего не лежит, что можно сказать о лопухе, который таскается по улицам с пустым мешком?

– А ты разве не красива? – спросил Меф.

– Кто? Я? С чего ты решил? Я само солнце – так же толста, кругла и прекрасна! – изрекла Улита. Она была примечательна уже тем, что, формулируя любое правило, себя всегда оставляла за скобками.

Обнаружив рядом со светлыми стражами Эссиорха, ведьма напряглась. Некоторое время она старалась не смотреть на него, огибая его взглядом по самой замысловатой траектории. Внезапно решившись, ведьма тряхнула головой и с просветлевшим лицом направилась к Эссиорху. Меф услышал, как, обращаясь к нему, Улита сказала:

– Жил-был доктор, и была у него кошечка Шизофрения. И родилось у нее четверо котят – Психоз, Кифоз, Сколиоз и Мир-Дружба-Жвачка.

– А Мир-Дружба-Жвачка почему? – озадачился Эссиорх.

Улита поскребла ногтем мизинца нижнюю губу.

– Ну, может, ему на минуту захотелось перестать выпендриваться? – предположила она, протягивая Эссиорху руку.

Меф озирался, пытаясь среди темных стражей нашарить глазами Гопзия. Гопзия он не обнаружил, однако откуда-то сбоку к нему подскочил Ромасюсик.

– О! Какие люди! Сто тонн приветствий и семь вагонов восхищения!

– Тебе не надоело? – тоскливо спросил Меф.

– Смотря что, – немедленно откликнулся Ромасюсик.

– Болтать и врать!

– Тогда нет.

– Я так и понял. А где Прасковья?

– О! Праша вон там! – с готовностью сообщил Ромасюсик, пальцем выцеливая не замеченный Мефом деревянный помост.

На нем в кресле, в равной степени похожем на трон и одновременно не похожем на него – опять дальновидная мудрость дядюшки Лигула! – сидела Прасковья. Кроме охраны, ее окружала и свита – с десяток стражей, смотревших с большим подобострастием и готовых исполнить любой приказ, если таковой последует.

Судя по явно раздутому количеству приближенных особ, Меф заключил, что основной штат подхалимов у Прасковьи еще не сформировался. Самые дальновидные кучкуются, разумеется, вокруг Лигула, отлично понимая, кто именно в преисподней раздает тумачи и копеечки. Но все же и к Прасковье уже приглядываются.

На Мефа Прасковья не смотрела. Лишь однажды он ощутил ее обжигающий, вскользь брошенный взгляд.

– А ты почему не там? Тебя что, уволили? – спросил Буслаев у Ромасюсика.

Шоколадный юноша оскорбился и выпятил нижнюю губу.

– Меня уволить нельзя! – произнес он таинственно и тотчас, спохватившись, что ляпнул лишнее, залебезил, засуетился, заметался вокруг Мефа.

– Верь: всем сердцем я с тобой! – воскликнул он с пафосом и тут же без нравственной раскачки и колебаний добавил: – Слушай, если тебе чуточку не повезет, могу я тэйкнуть твои высокие ботинки?

Меф не сразу понял, что значит «тэйкнуть», пока не вспомнил значение глагола «to take».

– А у Гопзия ты попросил чего-нибудь «тэйкнуть»? – уточнил он.

Ромасюсик скромно порозовел.

– Ну как тебе сказать...

– Да так и скажи, как есть!

– Куртяшку. Но не эту, что на нем. У него другая есть, с подшитыми пластинками брони! – сказал он.

– Приятно видеть человека, который при всяком раскладе чего-нибудь да выиграет! – похвалил Меф.

Ромасюсик довольно хрюкнул. Болтливость вступила в нем в схватку с осторожностью и уложила ее дружеским ударом лома между голубых глаз.

– Даже больше, чем ты думаешь! Видишь того быстроглазенького? – шепнул он.

Меф попытался увидеть. Быстроглазенький тотчас застенчиво отвернулся и стал почти прозрачным.

– Он принимает ставки. Если поставить на тебя один эйдос, можно выиграть пять. Все уверены, что тебя ухлопают... У меня самого эйдосов нет, но я попросил у Прашечки!

– А вот и он, дядя Вася-почтальон! – внезапно услышал Меф голос Улиты.

Он повернулся и в толпе расступившихся стражей увидел Гопзия. Стремительный, радостный и легкий, красавчик летел к нему, едва касаясь земли.

– Не то чтобы совсем эльф... Те, когда бегут по траве, даже травинка не пригнется. Скажем так: эльф, страдающий ревматизмом, – вполголоса произнесла Улита.

Все же заметно было, что она впечатлена.

Приблизившись, Гопзий Руриус немедленно протянул Мефу руку. Буслаев спрятал ладонь за спину. Нимало не смутившись, Гопзий одарил его улыбкой – такой блестящей, широкой и ровной, что сердце любого зубодробилкина сжалось бы от невозможности что-либо заработать.

– За что такая немилость? – спросил он.

– За все, – буркнул Меф.

– Боишься, что у меня между пальцами отравленный шип?

– Спасибо. Теперь хоть буду знать, чего бояться, – сказал Меф, с удовольствием отмечая, как лицо Гопзия передернулось от «спасибо». К сожалению, не так сильно, как хотелось бы.

– Поверь, это не так! Я бы перестал себя уважать после этого! – Голос Гопзия звучал совершенно искренне, а в глазах так и плескала симпатия. Казалось, сейчас он заключит Мефа в объятия и навеки займет вакансию лучшего его друга. – Понятно, что бой есть бой, но пока он не начался – я могу сказать тебе правду. Я всегда с интересом наблюдал за тобой. Я ценю независимых людей, которые стойко сопротивляются нашей темной пропаганде и умеют сказать «нет».

Меф промолчал, отказываясь глотать комплимент, который заботливо проталкивали ему в горло, точно спятивший повар поварешку с супом. Мрак, пытающийся осуждать мрак, не вызывает доверия.

– ???

– Ну-ну, не злись! Я абсолютно откровенно говорю тебе, что ты мне симпатичен. Гораздо симпатичнее всех этих перекошенных рож, которых хватает у нас в Тартаре. Разве ты не знал, что большинство друзей меняется раз в пять лет? Лишь треть остается навсегда. За эти годы у меня произошла полная смена дружеского караула. Прежние друзья куда-то выветрились, вместо них же пришли новые то ли приятели, то ли жалельщики, то ли просто мимоскользющие знакомые, – продолжал Гопзий.

Говорил он, казалось, вполне искренно. Взгляд был ясным, без малейшей затаенности. Буслаев, заранее настроивший себя на жесткий, без компромиссов бой, испытал недоумение. И лишь взглянув на строгое, точно что-то подсказывающее лицо Даф, все понял.

Долгие недели тренировок он вскармливал в себе непримиримость к Гопзию и решимость биться с ним до конца. Тот же теперь размывал эту непримиримость, как

невысохшую акварель, спеша поселить в Мефе сомнение.

Несимпатичный, грубый человек атакует зубами, кулаками и копытами. Это мерзко, но где-то простительно. А вот если симпатичный и умный человек использует во вред свою симпатию и атакует ею, он в сто раз гаже, противнее и лукавее.

«Не верить ему! – сказал себе Меф. – Как бы он ни притворялся и ни кривлялся! Стражам мрака верить нельзя! И щадить их нельзя!»

– Так что, будем драться? Или возьмемся под ручку и пойдем в парк покупать шарики? – спросил он сухо.

Гопзий ухмыльнулся.

– Ценю трезвую школу моего друга Арея! Все его птенчики стригут под одну гребенку: вначале убей, а потом разговаривай! – насмешливо сказал он.

Услышав свое имя, Арей, хмуро стоявший в стороне, поднял голову.

– Не нарывайся! Или, когда прикончишь мальчишку, получишь вызов от меня! – предупредил он сквозь зубы.

Гопзий оскорбленно выпятил грудь, демонстрируя, что готов принять хоть дюжину вызовов, однако почему-то промолчал.

Постепенно вокруг них сгрудились темные стражи. Одни требовали немедленно начинать. Другие заявляли, что надо дождаться Лигула. Он, конечно, не обещал быть, скорее даже обещал не быть, но все равно не подождать его хотя бы немного будет неуважительно.

Первой не выдержала Улита, не принадлежавшая ни к какой партии, кроме партии голодного желудка.

– Давайте уж или начинать или не начинать! Когда мои бутерброды закончатся, я примусь есть поедом самых заторможенных! – сказала она с раздражением.

Светлые от участия в споре воздерживались. Их больше беспокоило, чтобы никто из темных не приблизился к охраняемому кругу. Валькирии служили чем-то вроде буфера между силами Эдема и Тартара, не допуская их прямого столкновения.

Особенно усердствовали Таамаг и Радулга, во всяком возможном конфликте ухитрявшиеся обрести свою экологическую нишу.

– С такими мирными посредниками и войны никакой не надо! Сами всех поубивают, – заметил Арей.

– Ну что? Начинаем? – спросил Гопзий.

Спросил мягко, будто даже застенчиво, точно человек, пришедший для неприятного, но все же необходимого дела.

Меф, почти уже сказавший «да» и даже ощутивший это «да» во рту коротким, отлетевшим от него звуком, обернулся. Ему показалось, что его что-то кольнуло.

На том же помосте, что и Прасковья, только на нижней его ступеньке скромно притулилась маленькая старушка с красным носиком. На коленях у нее лежала зачехленная коса. Рядом валялся тощий рюкзачок.

Вид у Аиды Плаховны был скучающий. На Мефа она посмотрела подчеркнуто тусклым взглядом, точно передавая ему мысль, что она на службе. Надо будет забрать – заберет. Уж не взыщи, голубчик! Ничего личного, сугубо рабочий момент.

Отчасти оправдывало Плаховну то, что она часто прикладывалась к маленькой, чуть вогнутой для удобного ношения в кармане фляжке. Фляжки эти, встречающиеся теперь все чаще, были специально разработаны в первой творческой мастерской Тартара в рамках программы: «Пустим бутылочно-розливной российский алкоголизм умеренным западным путем!»

Меф не сразу врубился, в чем тут выгода мрака, пока Улита не пояснила:

– Когда на человека нападают с топором, он убегает. Когда же медленно опутывают паутиной, только хихикает. Думает, дурачок, что всегда ее порвет. Вот и тут: иной бутылочно-розливной случайно посмотрит на себя в зеркало, ужаснется и с крючка соскочит. Здесь же с фляжками жизнь проходит в гладенькой такой, постепенной и приятной деградации. Вроде и не пьянство, но и трезвостью не назовешь. Эдакая легкая

затуманенность. Эйдосы доходят как пирог в духовке. Особенно для творческой и полутворческой интеллигенции хорошо срабатывает».

– Готов? – нетерпеливо повторил Гопзий.

Меф кивнул. Он уже видел, что им огородили большую четырехугольную площадку. С трех сторон ее окружала шумливая толпа темных стражей.

Вперед выдвинулся коротенький, круглый, щетинистый, с отвисшими щеками персонаж, похожий на вертикально стоящего кабанчика. Меф давно опытным путем обнаружил, что таких кабанчиков майонезом не корми, а только дай пораспоряжаться.

– Когда я уроню платок... э-у-мэ... начинайте! Правила вам известны. Бой продолжается до... э-у-мм... смерти одного из противников. Никакие другие причины не могут послужить основанием для прекращения... у-ммм... дискуссии. Любое дополнительное оружие не используется – как существующее материально, так и... м-мэ... материально не существующее... – сообщил кабанчик, выдергивая из воздуха желтоватый, не первой свежести платок. – Кто-то хочет что-то уточнить?

На Мефа кабанчик смотрел небрежно, как на шляющийся без дела труп, на Гопзия же одобрительно и даже с заискиванием.

– Э-у-мэ! Вопросов нет, – сказал Меф.

Внезапно он вспомнил, что сегодня силы его меча будут в дремоте. Заглушенный страх шевельнулся в душе оттаявшей гадючкой. Однако Буслаев, уже успевший изучить себя, почувствовал, что такая степень страха будет полезна ему для разогрева. В определенных дозах страх даже нужен.

Он переместился в центр площадки и остановился от Гопзия шагах в шести, мысленно настраиваясь на поединок. Мечей не было пока ни у того, ни у другого. Оба клинка должны были появиться в последнее мгновение.

Кабанчик стал вскидывать руку с платком, когда между Гопziem и Мефом вклинился Арей. До того он ненадолго отлучился к помосту Прасковьи и коротко переговорил с ней, выслушав ответ от быстро лепечущего Ромасюсика.

– Минуту! – произнес он властно.

Кабанчик, почти уронивший платок, вскипел и начал орать:

– Ты что, ослеп? Не видишь, что...

Арей грузно, с медлительностью танковой башни повернулся к нему.

– Не подскажите, к кому конкретно вы обращаетесь? К вашей тете? Возможно, мы сможем обратиться к ней вместе, чтобы она нас наверняка услышала? – предложил он.

Кабанчик закашлялся и, остывая, с удвоенной энергией принялся промокать платком вспотевший лоб.

– Насколько я понимаю, дискуссия о моем зрении завяла? – огорчился Арей.

– Вы меня не так поняли. Это... э-у-мэ... была аллегория! – с усилием выговорил кабанчик.

– У меня аллергия на аллегории! Впрочем, если у вас будет желание и дальше совершенствоваться в аллегорическом мышлении – всегда к вашим услугам. Я подберу вам отличную звонкую метафору, а заодно эпифору и много чего еще!

Потеряв интерес к кабанчику, Арей повернулся к Мефу, а затем и к Гопзию.

– Небольшие изменения, синьор помидор! Твоему мечу придется сегодня отдохнуть, равно как и мечу уважаемого Гопзия. Вы будете сражаться другим оружием! Скорее всего, однотипным и немагическим. *Мне объяснять причины?*

Гопзий, на мгновение застывший, дернул головой. Причины он знал и сам. У мрака свое, крайне прагматичное отношение ко лжи, исключаящее какие-либо угрызения совести. Прокатило – хорошо. Не прокатило – грустно, но это мы переживем.

– Я отказываюсь! Я не согласен, чтобы оружие выбирали вы! Я могу быть с ним мало знаком! – сказал Гопзий.

– При чем тут я, любезный? Я одинокий пожилой гладиатор, вовремя не погибший на цирковой арене. Я никакого оружия не предлагаю. Оружие для боя предложит она! – сказал

Арей, переводя взгляд на помост.

– Кто? – недоверчиво спросил Гопзий.

Он быстро взглянул, увидел Прасковью, и лицо его приобрело сухо-мстительное и глубоко уязвленное выражение. Продолжалось это, правда, всего одно мгновение, потому что уже в следующее по губам Гопзия пробежала едва заметная, скользкая и торжествующая улыбочка.

– Как будет угодно повелительнице! – произнес он громко.

Прасковья небрежно посмотрела в его сторону и дернула подбородком, подавая знак. Один из ее охранников вышел и, развернув мешковину, положил между Мефом и Гопзием два длинных двуручных меча. Сработанные одним мастером, внешне мечи отличий не имели, разве что навершия были разными. У одного – в форме головы грифона, у другого – в форме сосновой шишки.

На первый взгляд мечи показались Мефу подходящими, хотя их клинки и были пальца на два длиннее, чем он привык. Кузнец явно знал свое дело. Вот только гарда Мефу не слишком понравилась. На его взгляд, для меча такой длины она могла быть чуть больше и сходиться вперед несколько под другим углом.

Гопзий, наклонившись, схватил вначале один клинок, а затем, несколько раз оценивающе махнув, то же самое проделал с другим. Заметно было, что он их сравнивает и, судя по разочарованному виду, ни у одного не находит преимуществ.

К Гопзию подскочил кабанчик.

– А почему, собственно, клинок выбираете вы? Ваш противник не возражает? – влез он, с некоторым заискиванием оглядываясь на Арея.

Стоило Прасковье сурово посмотреть на Гопзия, как кабанчик моментально перестал подыгрывать недавнему своему фавориту.

Мефа в очередной раз поразила скорость, с которой темные улавливали конъюнктуру момента. Вот уж точно: прикажут убить – убью. Прикажут поцеловать – поцелую. Если завтра Лигул из каких-то соображений провозгласит курс: «К свету и гуманизму!» – все сегодняшние палачи внезапно обнаружат, что головы рубили по суровой необходимости, сами же втайне любили морских свинок и переводили через дорогу пенсионерок. Возможно даже, что и зла никакого нет, а есть чрезмерная нравственная гибкость, позволяющая себе все, что угодно, и все оправдывающая.

Гопзий опустил лезвие своего меча на плечо и, держа его навершием к Мефу, вскинул глаза.

– Не возражаешь, что я взял с грифоном? Если что, могу поменяться! – насмешливо предложил он.

– Нет, – отказался Меф. – Я доволен. Я как раз хотел с шишечкой.

– Почему же с шишечкой?

– У меня в детском саду на шкафчике тоже была шишечка. Всегда приятно встретить что-то узнаваемое! – охотно пояснил Меф.

Наклонившись, он подхватил доставшийся ему меч. Клинком махать, в отличие от Гопзия, не стал, находя это излишним. Единственное, что сделал, – прикинул точку баланса. Примерно сантиметров двенадцать от гарды. Для двуручного меча в принципе стандартно.

А вот точное мелодичное место клинка он сможет узнать только в бою. Где оно – в двух третях или в трех четвертях от гарды? Тут все уже зависит от кузнеца. При ударе в этой точке энергия ударной волны идет к цели, а не передается по клинку бьющим рукам, которые вскоре «забьются», как у дачника, который целый день копал картошку.

– Начинаем? – спросил кабанчик.

Получив в ответ два кивка, он облагодетельствовал Мефа улыбочкой лимонного цвета и выражения и, отпрыгнув на безопасное расстояние, уронил платок.

Платок еще не коснулся земли, а Мефу уже пришлось отражать удар сверху. Встретив клинок Буслаева, Гопзий не стал его проламывать, а мгновенно перенацелившись, чуть вскинул локти и, переведя рубящее движение в укол, постарался бильярдно вбить ему острие

меча в глазицу.

Глава 18

Quis est enim, qui totum diem jaculans, non aliquando collineet?⁴

Ну и что? Не важно, с какой стороны ты атакуешь, продолжай бить с той же самой ноги. Так ты преуспеешь во всех приемах. Это то, как тебе следует наносить все удары.

Sigmund Ringeck, 1440

Меф поспешно, даже с некоторым завалом в панику, отшагнул вбок и неуклюже, точно оглоблей, отмахнулся мечом. Кто-то из темных, окруживших площадку, оценив неловкость Мефа, заржал. Буслаева это ничуть не оскорбило. Отсутствие снисхождения к чужим промахам – профессиональный почерк дилетанта.

Гораздо больше ему сообщил укоризненный взгляд Арея, пойманный им, когда, быстро перемещаясь по кругу, Меф отражал новые атаки Гопзия.

«Я тебя предупреждал!» – ясно говорило гневное красное лицо Арея. И действительно, мечник упоминал, что Гопзий использует этот трюк. Помнится, в двух боях он зарубил противника в промежутке, когда тот уже материализовал свой меч, но не совсем еще разобрался, что собирается с ним сделать.

– И какой вывод? – спросил тогда Меф.

– Вывод, что за меч не следует браться раньше, чем окончательно определишься, как собираешься распорядиться этим куском металлического лома! Доставать меч, просто чтобы поддержать его, – это стиль наркомана, который пытается доказать старушке, что ее пенсия слишком велика... Коль скоро меч у тебя в руке, попытайся атаковать первым!

– А если и Гопзий атакует навстречу?

К такому раскладу Арей отнесся критически.

– Тогда кто-то из двоих окажется чуть पहले, – заметил он.

И вот сейчас бой уже шел, а сознание Мефа еще мельтешило и прыгало, точно студент, бегом поднявшийся на девятый этаж первого гуманитарного корпуса и сразу вбежавший в аудиторию.

Буслаев почти не смотрел на клинок Гопзия, равно как не заботился и о своем клинке. Только делал так, чтобы он был почаще нацелен в лицо противнику. Тому, кто видит лишь острие меча, непросто определить его истинную длину. Следовательно, просчитывая глубину выпада, он легко может ошибиться сантиметров на пять-десять.

Гораздо важнее ему было ощутить, как Гопзий перемещается. Например, не подтягивает ли он при подшаге отставленную ногу или не поднимает ли ее слишком высоко. И то и другое могло дать преимущество при атаке. Немного замешкаешься или завалишь центр тяжести, и откроется отличная возможность.

Помня, что его противник охотно атакует кисти и ноги, Меф берегся, однако пока Гопзий особенно этим не злоупотреблял. Причина была Мефу не совсем ясна. Возможно, Гопзий, как и он, не слишком доверял новому мечу, привыкая к нему, а может, просто усыплял внимание.

Пока что Гопзий сражался строго по технике, без экспериментов. Атаковал со сдержанной силой, без ненужной резкости, сразу перенацеливая удар, если видел, что тот не проходит. Свой меч он держал цепко, но не закрепощенно, часто меняя хват на рукояти и пытаясь спутать Мефу карты.

Дважды он прошупал Буслаева на предмет восходящего удара: вначале диагонально в

⁴ Найдется ли кто-то, кто, бросая целый день дротик, не попадет однажды в цель? (лат.) Цицерон. О гаданиях.

колени, а затем, когда не прошло, вертикально в подбородок. Причем второй удар он нанес с обманкой верхнего раскалывающего удара, в который Меф почти поверил. Однако, прежде чем клинки скрестились, Гопзий стремительно прокрутил лезвие назад, атакуя Мефа снизу. Удар был нанесен безо всякой силы, исключительно с надеждой на скорость и остроту меча. Если бы он прошел, челюсть Мефа была бы разрублена примерно до верхних зубов, после чего Гопзию только и оставалось бы, что перевести прошедший рубящий удар в укол.

Буслаев отшагнул и попытался сверху вниз рубануть Гопзия по запястьям, но запоздал. Его противник, как обычно, атаковал без провалов, а раз так, то прекрасно успевал отойти.

– Мальчик считает, что у меня слишком много рук? – весело крикнул Гопзий.

Отвлекаться на болтовню Меф не стал – и правильно сделал. Уже в следующую секунду Гопзий проломил входящую атаку Мефа ударом клинка в клинок и, резко толкнув свое навершие, навесным ударом атаковал кадык Буслаева. Мефу, чей клинок был пойман гардой, пришлось пойти на опасный нырок с последующей перебежкой, чтобы не вынырнуть под догоняющий удар.

Спасло его то, что он примерно уже знал почерк Гопзия. Тот любил высокие удары, которые начинались как рубящие, встречая же защиту, переходили в уколы. «Свободных прогонов» клинка Гопзий избегал, атакуя из всех положений. Даже простой подъем меча шел у него с ударом снизу или хотя бы с деликатной и ненавязчивой попыткой подреза сухожилий.

Меф ощутил, как у него постепенно, копеечка за копеечкой, выкрадывают инициативу. Спасался он пока тем, что выдерживал дистанцию, быстро перемещался и избегал лишнего соприкосновения клинков.

– Траверсы – штука хорошая, – сочувственно сказал Гопзий, называя траверсом то, что Арей, не любивший «умных словов», называл просто шагом в сторону, в бок или под углом.

За это ложное сочувствие Меф его возненавидел. Он вдруг увидел душу Гопзия – или тот черный, с гноящимися краями, провал, который можно было назвать душой. Внешне галантный и даже где-то женственный в своем изяществе Гопзий был подобен палачу, который, выдирая щипцами жертве ногти, тоном любящей мамочки обещает помазать «ваву» зеленочкой, чтобы пальчики были здоровенькие.

Привыкнув к агрессивной и яростной манере боя Арея, Меф увязал во вкрадчивых, вроде бы несильных, но непрерывных атаках Гопзия, который висел на нем как гончая, глоток за глотком выпивая его дыхание. Сам же красавчик мрака совершенно не уставал. Меф прекрасно понимал, что точно так же, не ослабляя атак, Гопзий может пританцовывать и час, и два, и три. Когда же внимание Мефа – внимание человека, а не стража! – ослабеет и притупится, Гопзий загонит в него клинок.

«Он навязывает мне, что хочет! Плетет паутину, а я только и делаю, что стараюсь не запутаться!» – подумал Буслаев.

Во время очередной вынужденной перебежки Меф вновь зацепил взглядом лицо Арея. Выставив вперед живот и скрестив на груди руки, мечник смотрел на него с испепеляющей мрачностью. Вся поза его говорила о том, что жалости и сочувствия он не испытывает. Единственное, что его гложет, – мысль, что кто-то подумает, будто он, Арей, мог вскормить такого бестолкового ученика, которого гоняют мечом по площадке, точно лошадь по цирковому кругу.

– В дуэли на кирпичах главное – кинуть первым! – заглушив на миг шум толпы, крикнула Улита.

Она могла бы и не подсказывать. Меф и сам прекрасно понимал, что, если не начнет атаковать сам, вскоре его разделают как тушу. Атаковая инициатива при разумной осторожности – единственный ключ к здоровью дяди Гопзия.

Дождавшись глубокого укола и понимая, что сейчас Гопзий вынужден будет вернуть острие для новой атаки, Меф попытался сесть на обратный экспресс. «Обратным экспрессом» Арей называл следование за отступающим мечом противника с надеждой просунуть свой клинок в любую открывшуюся в защите щель. Но как бы не так! Технических ошибок

Гопзий не совершал. Это было бы слишком щедрым подарком. Не отводя меч, он грамотно отошел ногой, безопасно увел из-под атаки корпус, и вновь каждый остался в своей песочнице при своих пасочках и погремушках.

«Я слишком напряжен. Гопзий меня переигрывает, потому что расслаблен», – предположил Меф и попытался расслабиться сам.

Раскрепостил плечи, перестал стискивать рукоять, выровнял дыхание. Несколько атак он провел неплохо и почти достал Гопзия уколom в подмышку, воспользовавшись тем, что тот слишком высоко поднял локоть. Меф ужасно обрадовался своей удаче и немедленно поплатился за внутреннее бахвальство.

«Расслабление в бою – всегда хорошо, но расслабон – плохо», – любил повторять Арей.

Гопзий обманул его ложной атакой в средний уровень и, переведя удар, диагонально рубанул снизу по внутренней части бедра. Спасая ногу, Мефу пришлось сделать заведомо неудачный ход – применить защиту последней надежды. То есть прибегнуть к такой защите, которая только блокирует удар и лишает мгновенной возможности нанесения ответного.

В серьезном бою атака не просто лучшая защита. Атака – единственная защита, которой можно верить. Вот и сейчас, нарушив это правило, Меф фактически предоставил Гопзию возможность беспрепятственно убивать себя. Его противник, разумеется, этим немедленно воспользовался и принялся планомерно вгонять Мефа в гроб. После нескольких решительных атак вновь последовал удар по выставленной вперед ноге.

Буслаев успел направить свой клинок к земле, однако скрещенная стойка закрутила его руки и снова пришлось нелепо отскакивать козликом. Наступив в подмерзшую лужу, Меф потерял равновесие и, не рискуя падать, ушел перекатом. Твердая земля ударила его по плечу, проводив далеко не ободряющим толчком в лопатку.

– О, вот уже и ошибочки пошли! Признаться, от ученика самого Арея я ожидал большего! Кажется, от кого-то отвернулась удача! – укоризненно произнес Гопзий.

Перестав удирать, Меф принял *posta longa*. Длинная стойка позволяла ему удерживать Гопзия на расстоянии угрозой укола в лицо или шею.

– Фи, какая статика! Да еще и навершие у солнечного сплетения! Ну просто детский сад на выгуле! – умилился Гопзий, мягко, как кот, кружа вокруг Мефа.

Вес он заметно смещал на левую ногу, а меч довольно небрежно держал в половинном кабаньем клыке, неявно угрожая Мефу ударом по рукам или в голову в случае, если тот сделает все-таки выпад.

Услышав смех Гопзия, Меф испытал досаду, но внезапно вспомнил старый разговор между ним и Дафной.

– Ненавижу ощущать себя дураком! – пожаловался он тогда.

– А я, наоборот, «навижу», – удивила его Дафна.

– Почему?

– Отрезвляет. А то едва зазнаешься – сразу получаешь. Ничто так быстро не переходит в комплекс неполноценности, как мания величия, – ответила Даф.

Меф не сразу разобрался, что она имеет в виду, но, когда понял, осознал правоту Даф и тоже полюбил ощущать себя дураком. К сожалению, в большинстве случаев в теории. На практике же кидался в бой прежде, чем успевал вспомнить, кем следует себя ощутить.

Болтая, Гопзий ненароком позволил Мефу не то чтобы перевести дух, но морально собраться. Очень немаловажно, потому что даже дядя Боня (так Улита фамильярно называла Наполеона) вынужден был признать, что моральный фактор и фактор физический соотносятся в бою как 3 к 1. То есть чем больше ты сам хочешь сложить голову в бою, тем чаще это делает вместо тебя твой враг.

Дождавшись, пока Гопзий, потеряв терпение, перейдет в атаку, Меф отбил его клинок, работая из «половинной железной двери», которую Арей предпочитал называть «стойкой бешеного хоккеиста», и нанес почти прошедший укол в грудь. На него Гопзий в свою очередь ответил, попытавшись снести Мефу обе кисти восходящим ударом снизу. Меф отвел клинок, пуганув Гопзия боковым в шею.

Бой мало-помалу выравнивался. Меф сосредоточился, отразил натиск Гопзия и от защиты перешел к атаке. Его противник, настроившийся на быструю победу и немного расслабившийся, был к этому не готов.

Меф провел несколько подрезающих уколов, которые оказались для Гопзия неожиданными, хотя он и сам активно применял сходную технику. В одном случае, самом результативном, Меф после рубящего удара провел не укол, которого ожидал Гопзий, а подрезающее отдергивание и нанес Гопзию неглубокую рану сразу над локтевым сгибом левой руки.

Толпа темных возбужденно загудела. Хотя рана не была особенно опасна и сражаться не мешала, быстроглазенький поспешно принял еще несколько пари уже на более выгодных для Мефа условиях.

– Умница, синьор помидор! – одобрительно произнес Арей, обращаясь к Улите. – Помнит мои уроки! Всякий раз, как клинок окажется близко от тела противника и надо его возвращать, проводи лезвие вдоль тела противника – урона особого не нанесет, но он вынужден будет защищаться, а не атаковать!

Отслеживая глазами положение рук Гопзия, Меф увидел, как его левая ладонь неприметно скользнула по рукояти. Это означало, что, раз его противник предупреждает скрещивание запястий, удар, скорее всего, будет нанесен верхний диагональный, в ключицу. Широко шагнув вперед, на сближение, Меф позволил вражескому клинку соскользнуть с его меча и наверху нанеся Гопзию сильный тычок в лицо, разбив ему скулу.

Голова Руриуса Третьего коротко дернулась. Меф рассчитывал, что Гопзий попытается отойти назад и разорвать дистанцию. Это даст ему возможность прокрутить меч через левое запястье, атаковав его сбоку, сверху или в любое место, где тот не будет успевать с защитой.

Однако несмотря на пропущенный удар, Гопзий не доставил ему такого удовольствия. Вместо того чтобы отходить, он рванулся вперед, задев Буслаева плечом, пробежал шага три-четыре и вновь повернулся, готовый к продолжению схватки. Малозаметный тычок наверху в лицо видели не все, лишь те, кто находился от Мефа по правую руку.

Арей отнесся к успехам своего подопечного скептически.

– А мальчик-то развоевался! Один подбитый глаз и одна царапина в его боевом активе уже имеются! Не слишком много, но по бедности и это хорошо! Теперь главное, чтобы наш петушок не возгордился! Я знал бойца, которому посчастливилось на дуэли отрубить противнику фалангу мизинца. Он так обрадовался, что зазнался и ему тотчас снесли руку, а за руку и голову.

Арей знал, о чем предупреждал. Опытный боец тем и отличается от отважного чайника, что умеет переживать периоды неудач. Уже через двадцать секунд клинок Гопзия, отыскав щель в обороне Буслаева, скользнул по его ребрам. Прикосновение было мимолетным, и Меф очень удивился, когда внезапно ощутил боль, похожую на длинный ожог. Вниз по коже наперегонки побежали легкие быстрые капли. Меф не видел их под одеждой, но ощущал их щекотные прикосновения. К счастью, майка быстро прилипла к ране, и кровотечение остановилось.

– Ну что, в расчете? Еще бы на пальчик в сторону, и я был бы совсем доволен! – с задором крикнул Гопзий.

Уходя от рубящего удара в голову, он попытался провести изогнутый. Классическое *krumphauf* из древних немецких учебников Майера и Зютера. Ускользнув от удара и сместившись, Гопзий ударил сразу позади меча Мефа, стараясь, чтобы собственные руки закрывали Буслаеву обзор и он не знал бы, где защищаться. Гопзий учел все или почти все, за исключением небольшой детали. Движение Мефа оказалось финтом, за которым следовал высокий боковой удар.

Спасло Гопзия то, что лезвие меча Мефа скользнуло по гарде его опускающегося меча, после чего оба клинка, никак не ожидавшие встретиться друг друга, растерянно отпрыгнули с глуховатым звоном.

– Ты видела, Улита? Мы едва не получили два трупа! – удовлетворенно отметил

Арей. – И как тебе этот закон клинической нелепости? Это нечто в стиле: два боксера, случайно столкнувшиеся головами во время приветствия, попали на больничную койку.

– Тебе повезло! – процедил Гопзий сквозь зубы.

– А тебе, можно подумать, нет! – парировал Меф.

Не допуская мечом размашистых движений, клинком он работал скупой, стараясь не вытягивать слишком рук, чтобы не забить раньше времени мышцы. Все внимание он уделял теперь тактической правильности перемещений, стараясь двигаться так, чтобы выматывать Гопзия и заставлять его делать как можно больше лишних движений.

Страж мрака пытался атаковать, но всякий раз его клинок встречал сталь в момент, когда надеялся встретить плоть. Отражая удары Гопзия, Меф постоянно смещался по кругу в неудобную тому сторону, вынуждая Гопзия вертеться.

Буслаев постепенно начинал ощущать, что бой переломился. Он, Меф, поймал внутреннюю волну, почувствовал противника каждой клеточкой своего тела и знал, что, сидя на легкокрылой птице удачи, рано или поздно загонит его.

Так вот в чем заключалась хитрость Арея! Готовя ученика к схватке, он заблаговременно смешал Мефа в его собственных глазах с грязью, Гопзия же, напротив, вознес как бойца на пьедестал, в то время как в действительности силы их были вполне сопоставимы.

Гопзий начинал ошибаться в движениях, повторялся в предсказуемости атак, всякий раз из хвостатой стойки используя одну и ту же обманку с перебросом, и вообще, что называется, сдувался. Однако Меф не расслаблялся. Он слишком хорошо понимал, что двуручный меч относится к такого рода оружию, которое дает всякому сражающемуся право на единственную ошибку.

«В дуэли на топорах и двуручниках редко бывают раненые! Это вам не рапирки!» – любил повторять гуманнейший Петруччо Чимоданов, взрастивший в щедрых ноздрях своих не один вирус докучливого осеннего гриппа.

Гопзий тоже все прекрасно понимал. Красивое лицо его сморщилось и смотрело на Мефа печеным яблоком. Он то отступал, то шел на очевидные подрезы. Оказываясь близко от Мефа, он применял не запрещенные, но все же не принятые в благородном бою приемы. Пытался, сблизившись, перехватить гарду меча Мефа рукой и, придерживая меч, ударить его в голову локтем. Или, выставив жесткую защиту, коротко пнуть Буслаева ногой в коленную чашечку. Или той же ногой сделать подцеп, чтобы, рывком заставив Мефа потерять равновесие и вытянув на себя, догнать его круговым ударом меча по задней части шеи.

Меф оценил уровень подлянок, однако сам на подлянки не разменивался. Помнил слова Арея, что, когда у тебя есть ложка (то есть меч), глупо пытаться есть суп, вымакивая его носком и отжимая носок в рот. К тому же, хотя по части подлянок Гопзий казался изобретательным, до Чимоданова ему было так же далеко, как обычному ежу до противотанкового.

Гопзий и додуматься не мог, например, подослать к Мефу со спины Зудуку, выучив его пользоваться электрошоком. Или, зная привычку противника внешней стороной ладони вытирать залитые потом брови, заранее позаботиться, чтобы его боевая перчатка была посыпала красным, мелко помолотым перцем.

Убедившись, что противник благодушно воспринимает попытки вывести его из себя, Гопзий утратил весь свой лоск. Тартарианский красавчик на глазах превращался в бешеного хорька. Если вначале он и пытался сражаться честно, то лишь до тех пор, пока существовала вероятность, что голова Мефа свалится с плеч без особых усилий. Теперь же ситуация изменилась.

Отшагнув, Гопзий на мгновение отпустил рукоять и, скользнув ладонью к цепи эйдоса, коротко дернул ее. Меф отметил, что сосулька дарха коснулась чего-то маленького, светлостяного, прикрепленного к одному из звеньев цепи и окованного поверху тусклым ободком меди.

«Что это такое? А, какая разница! Амулет какой-то!» – вскользь подумал он и тотчас

выбросил это из головы. Людям не свойственно узнавать свои зубы, особенно обретающиеся отдельно от места первоначального обитания.

Не прошло и десяти секунд, как Меф испытал сухость во рту и непонятное беспокойство, длившееся, однако, совсем недолго. Почти сразу Буслаеву стало необычайно весело. Пузырьки смеха вскипели в нем. И сам Гопзий, и особенно его тускло поблескивающий длинный клинок показались Буслаеву неожиданно забавными. Не удержавшись, Меф хрюкнул.

– Обычно люди смеются, когда им показывают пальчик! А этот смеется, когда ему показывают меч! – заметил Эссиорх.

Гопзий вновь задел висевший на цепи зуб, и новая волна смеха едва позволила Мефу вскинуть меч, чтобы парировать удар и попытаться нанести ответный.

Дафна и Эссиорх смотрели на Буслаева озабоченно. С их точки зрения, попытка Гопзия раскроить ему голову нисходящим ударом была не так уж и забавна.

Тем временем Меф, продолжая веселиться, испытал настойчивое желание совершать авантюрные поступки. Почти не думая о защите, он бросился на Гопзия и осыпал его множеством безрассудных ударов.

Наконец и Арей заметил неладное.

– Сражение на двуручных мечах – это не рубка дров. Это игра в шахматы. Если бы все сегодняшнее утро он не провел со мной, я решил бы, что синьор помидор для отваги хлебнул медовухи! – громко произнес он.

Услышав знакомое слово, Аида Плаховна Мамзелькина заинтересованно вскинула голову.

– Медовуха? Где?

– Нигде! Утихните, бабуля, и дышите влажным воздухом с залива! – ляпнула Улита.

Ляпнула отчасти произвольно, ибо находилась в той запущенной стадии хамства, когда оно само уже живет на языке, не ставя мозг в известность о своих планах.

Мамзелькина хмуро посмотрела на нее.

– Я-то дышу! А вот ты, молодка, ежели не перестанешь хамить, дышать перестанешь! – пообещала она с ласковостью помощника палача, который просит прощения у казнимого за то, что колода плохо вымыта, а топор не одноразовый.

Улита занервничала. Аида Плаховна была дама практических устремлений, и ее шутки в большинстве случаев отделяло от действия лишь время, требующееся, чтобы сдернуть брезент с косы.

– На меня разнарядки нету! – напомнила она поспешно.

Мамзелькину это не смутило.

– И-и, милая! А на мое место желающие, думаешь, есть? А раз нету, то кем меня заменят, коли я разик не того кокну? Ну влепят мне выговор за ошибочку, всего и делов-то.

Улита притихла. Она очень сомневалась, что Лигул будет утруждать себя выговором, если с ней что-то случится.

Тем временем хохочущий Меф продолжал всех удивлять. Решив ни с того ни с сего, что традиционные методы работы двуручным мечом против Гопзия работают плохо, он вздумал опробовать нечто рискованное, из другой техники. Допустим, прыжковый выпад и «стрелу». Лучшего способа достать клинком отступающего противника не существует. Или даже, для верности, скачок, выпад и «стрелу», если Гопзий будет отступать слишком резво.

Такая тройная, совершенно сабельная по технике атака давно уже была коронкой Буслаева. Она получалась у него даже лучше, чем у массивного Арея, который брал больше силой, умом и тактикой, чем резкостью юного, не обремененного грузной мускулатурой тела.

Опытным путем Меф давно усвоил, что любое колебание туловищем или снижение скорости при атаке служит противнику сигналом для начала контрдействий. Стремительность же и непрерывность движения вперед обеспечивают атакам необходимую глубину. Уйдя от выпада, партнер обычно немного приостанавливается, убежденный, что

резерв движения у соперника исчерпан, и бывает крайне удивлен, обнаружив, что атака по большому счету еще и не начиналась.

Однако закон природы непреложен. Чем прямее все в теории, тем кривее на практике. Продолжая хохотать, с пузырьками слепящего смеха, затмевающими сознание, Буслаев не подумал о том, о чем подумал бы раньше. Двуручный меч не сабля. Вес его выше, длина больше, да и хват для двух рук, а не для одной. В результате рычаг получается неподходящий, а силы в одной руке, да еще и вытянутой, недостаточно.

Это Меф внезапно осознал, когда в ответ на его прыжковую атаку Гопзий неожиданно не стал разрывать дистанцию. Напротив, легко отвел направленный ему в горло клинок Мефа, поймав его в слабой завершающей части. Отбросив клинок, Гопзий автоматически перевел свой меч в выгодное для рубящего удара положение. Разумеется, он воспользовался бы им, если бы начальная скорость Буслаева не была так высока. В результате удар, который Меф все же получил, пришелся не заточенным клинком, а наверхушечем.

Однако реально это уже мало что меняло. Как ни крути, а голова все же инструмент тонкий и обращения требующий самого деликатного. От тяжелого удара наверхушечем, да еще и рукой в кольчужной перчатке, да еще и с наложением собственной скорости сближения, Мефа повело. Он сделал несколько заплетающихся шагов, пытаясь удержать равновесие. Мир кружился, то опускаясь, то поднимаясь, как волна. Подмытый этой волной, Буслаев упал на одно колено. Попытался подняться и вновь не сумел.

Прекрасно осознавая, что происходит, Гопзий лениво толкнул его сапогом. Меф упал на живот, но тотчас перевернулся, делая попытки встать. Гопзий наступил ему ногой на грудь, перед этим небрежно вышибив клинок, который Буслаев пытался слабо поднять ему навстречу.

Меф лежал и, сам себе удивляясь, нездорово хихикал, разглядывая болтавшийся эйдос на шее у Гопзия.

– А речь? – потребовал он.

– Чего?

– Требую, чтобы ты произнес длинную негодяйскую речь! Пока ты будешь ее произносить, я успею достать какой-нибудь кинжал, – заявил Меф. По непонятной причине ему было невыразимо весело.

– У тебя нет кинжала! Если страшно, закрой глазки! – мягко и участливо, точно разговаривая с психиатрическим больным, сказал Гопзий.

Не произнося больше никаких речей, он перехватил меч для добивающего укола, неторопливо вскинул руки и...

Меф не успел даже подумать «конец», или «я умираю», или чего-нибудь подобного. Все было буднично и нелепо. Он лежал и хихикал, снизу вверх разглядывая Гопзия, который отсюда казался огромным.

Буслаев так и не понял, что над ним пронеслось. Это повторилось трижды. Первые два раза почти одновременно, а в третий после небольшой паузы. Уже после первого мелькания Гопзий странно дернулся, и тяжесть сапога, вдавливающего Мефа в песок, перестала ощущаться.

Ничему не удивляясь, Меф приподнялся и сел. Он сидел и хихикал, дергаясь от смеха, как от икоты, и пытаясь сообразить, куда подевался Гопзий. Голова все еще дико кружилась от удара. Кроме того, Буслаева начинало подташнивать.

В теперешнем полунормальном состоянии Мефа ему померещилось, что Гопзий пошел за кефиром. За каким кефиром? Почему за кефиром? Такая вот игра сознания.

– Эй! Ты где? А кефир? – начал Буслаев и тут внезапно увидел сапог Гопзия.

Увидел одновременно с тем, как помраченное сознание сумело воспроизвести и осмыслить то, что произошло несколько мгновений назад. Впервые Меф осознал в полной мере, какое неумолимое оружие тяжелое метательное копье, посланное резкой и подготовленной рукой.

После копья Таамаг, ударившего его в грудь, каблучки сапог Гопзия проволоклись по

песку сантиметров семьдесят. Бросок был такой силы, что из спины вышел не только наконечник, но и примерно еще полпальца древка.

Гопзий покрылся мелкой сетью трещин, а зрачки стали пустыми, белыми и твердыми. Одежда окаменела и покрылась мелкими пепельными чешуйками, как отслаивающаяся штукатурка на стене. В груди торчало отполированное множеством прикосновений древко, примерно до половины покрытое изморозью.

Все это заняло не больше трех четвертей секунды. Когда же они миновали, Гопзию в шею вошло копьё Радулги. Если у копьё Таамаг главной доминантой была мощь, то удар копьё Радулги напоминал стремительный, хотя и чуть запоздавший, укол шилом. Серую, с белыми глазами статую мгновенно охватило пламя – алое, ровное, без длинных языков и потрескивания. Пламя это пожирало камень с легкостью, в которую невозможно было поверить. Страшный жар огня Меф ощущал даже в двух шагах.

Без копьё Фулоны, примчавшегося треть мгновения спустя после копьё Радулги, если разобраться, легко можно было бы обойтись, но все же оно принеслось, обратив охваченную огнем фигуру в совершенное ничто. Обычно *ничто* подразумевает хотя бы пепел, однако сейчас не было даже и его. Лишь, звякнув, свалилась на землю и быстро, как змея, корчась, поползла куда-то цепь дарха.

Кто-то из темных стражей поспешно наступил на дарх и, будто невзначай наклонившись, сунул в карман. Через секунду дарха со всеми его эйдосами словно и не было. Хоть ищи, хоть обыскивай – ничего не найдешь. Только честные глазки будут мигать на тебя со всех сторон. «Что упало – то пропало», – закон, возникший не на пустом месте.

Дарх исчез бесследно, опустевшая же цепь таинственно оказалась подброшенной на прежнее место. Вор не желал рисковать.

Первым в полной мере осознал то, что произошло, быстроглазенький. Тотализаторщики всегда соображают быстро, особенно когда рискуют потерять деньги.

– Обман! – заверещал он. – Обман! Валькирии убили Гопзия! Нарушение! Бейте их!

Темная масса стражей, изумленно затихшая было на несколько мгновений, пришла в движение и волной двинулась на валькирий. Строгий четырехугольник зрителей сломался.

Понимая, что, если ничего не предпринять, схватка неминуема, Фулона поспешно подскочила и, схватив цепь, подняла ее.

– Обман! Вот смотрите! – крикнула она, двумя пальцами срывая с цепи зуб.

Зуб этот она показала сперва Арею, а затем, вытянув руку, Прасковье, сбежавшей с помоста. Арей вгляделся в то, что сжимали пальцы валькирии, и нахмурился.

– Вот собака! Я же говорю: не в медовухе тут было дело! – пробурчал он, с гневом разглядывая единственно уцелевшую подошву от сапога Гопзия.

Несмотря ни на что, темная и светлая волны продолжали медленно сближаться. Ирка, стоявшая рядом с Бэтлой, вскинула копьё, выискивая глазами цель. Ей было очевидно, что если где-то на линии волны соприкоснутся, общей схватки не миновать.

Дафна выхватила флейту, прикрывая Эссиорха и Корнелия, которые за локти уже оттягивали Мефа поближе к линии светлых. Сам герой, хотя упорно и пытался вызвать отвоеванный меч, был сейчас не в том состоянии, чтобы им грамотно воспользоваться. Он хоть и пытался демонстрировать воинственность, был так слаб, что у него отнял бы сабельку полугодовалый младенец.

Ромасюсик повизгивал и метался, пытаясь передать приказ Прасковьи, однако к Ромасюсику прислушивались не больше, чем к мухе, которая пытается сесть на микрофон после окончания концерта. Некий потный и краснолицый тартарианец, поставивший на Гопзия полсотни эйдосов, небрежным толчком в грудь сшиб Ромасюсика с ног.

– Требую мой выигрыш! Буслаев валялся, и его хотели добить! Остальное меня не волнует! – рявкнул он.

Крик его был поддержан множеством других, сходных, с той только разницей, что ставившие деньги на Мефа платить отказывались и в свою очередь требовали свой выигрыш.

– Мерзость какая! Глотки друг другу за десяток эйдосов перегрызть готовы. Не думала,

что стражи мрака сами искушаются пороками, которые выпускают в мир, – презрительно сказала Хола.

Подмосковная валькирия Гелата, стоявшая рядом с занесенным для броска копьем, коротко оглянулась на нее:

– Ты еще скажи, что на ликероводочных заводах работают исключительно трезвенники, а кассирам неинтересно получать зарплату, потому что держать деньги в руках им на работе надоело!

Массивный клинок Арея, до того направленный на валькирий, опустился, на несколько секунд замер вертикально, после чего, описав полукруг, нацелился в грудь тотализаторщику.

– Тихо! Все высказываются по очереди! Кто там больше всех выступал? Давай ты! – рывкнул он.

Быстроглазенький поступил мудро. Достав из кармана узкие треснутые очки, он водрузил их на переносицу, деловито посмотрел на меч Арея и заявил, что уступает трибуну следующему оратору.

– Я просто пытался довести до вашего сознания мысль, что убивать Гопзия валькириям было необязательно. Факт нарушения правил честного боя надо было сперва доказать в установленном порядке, – добавил он, виляя голосом, как пес хвостом.

Подхлестываемый кнутом воли Прасковьи, Ромасюсик вновь робко попытался что-то вякнуть и получил несколько адресных пинков. Шоколадный юноша ябедливо скользнул между двух охранников и, размазывая по лицу шоколадные слезы, жалобно уставился на хозяйку.

Прасковье не понравилось, что ее никто не слушает, а на Ромасюсика все орут. Она нетерпеливо рванула его за плечо и вскочила на помост. Воспаленные и покусанные губы вспыхнули алым. На правой скуле мигнуло ржавое пятно.

– Ложись! – громким шепотом сказала Улита и тотчас, ничего больше не поясняя, первой поспешно бросилась на землю.

Дафна, доверявшая здоровому чувству самосохранения Улиты, мгновенно последовала ее примеру, потянув за собой Мефа.

Эссиорх же с Корнелием замешкались, словно молодые и сильные лоси, которые не очень-то верят, что их может сшибить хиленький стовагонный товарняк. И, как оказалось, напрасно.

Прасковью окутало пульсирующее темное облако. Она что-то беззвучно крикнула, исказившись лицом. По всей немаленькой площади точно громадной метлой провели, сметая все живое и неживое, что на ней было, к центру. Вихрь, которому невозможно было противостоять, пронесся на высоте метра от земли. Не пострадал лишь тот, кто догадался броситься на землю, как Улита.

Эссиорха с Корнелием сшибло и, вертя, зашвырнуло в кучу, где уже было с полсотни темных стражей, с десятков светлых и валькирия Бэтла, у которой в одной руке было копье, а в другой палка копченой колбасы. Сложно сказать, зачем Бэтла вообще ее извлекла. Возможно, на нервной почве, а может, в качестве дополнительного оружия.

Остальные же валькирии сумели как-то удержаться, прибегнув к способу Улиты.

Мгновение – и все затихло. С торжеством обозрев поле боя, которое, вне всякого сомнения, осталось за ней, Прасковья спрыгнула с кресла и за ухо подняла с земли присевшего Ромасюсика.

– *Дуэль была честной! Гопзий первым нарушил правила. Валькирии имели право сделать то, что сделали! Своим именем и именем Лигула приказываю всем темным отбыть в Тартар! Новые распоряжения получите от Лигула на месте!* – молодым петушком звонко крикнул Ромасюсик.

Ему наконец удалось передать приказ хозяйки, за который он уже был награжден пинками.

Первым команде Прасковьи подчинился быстроглазенький, сообразивший, что приказ повелительницы мрака (да еще с удобной ссылкой на Лигула) – прекрасный повод

слинять, забыв вернуть эйдосы, врученные ему для пари.

Остальные темные стражи тоже не заставили себя ждать и с воплями стали телепортировать, горя желанием догнать быстроглазенького и намекнуть ему, что он поступает непорядочно. Некоторые для большей убедительности даже извлекли из ножен мечи.

Спустя минуту площадка опустела. Все темные сгинули. Исчезла и Прасковья с Ромасюсиком. Напоследок Прасковья подошла к Мефу, и, коснувшись его руки, огненно глянула ему в лицо своими раскосыми, широко расставленными глазами.

– *Я рада, что выиграл ты. Гонзий уже начал мне надоедать! До скорой встречи, отважный завоеватель!* – сказал Ромасюсик.

Озвучено это было таким вялым и тусклым голосом, что Меф не усомнился: сам Ромасюсик желал бы встретить его лишь в одном месте: в гробу в белых тапочках.

Напоследок, уже исчезая, шоколадный юноша успел еще вякнуть что-то марципановно-ехидное и показать язык цвета несвежей пастилы, надолго забытой в пакете.

На площадке остались только светлые, валькирии и Арей с Улитой.

– Я доволен. По-моему, получилось интересно, – оценил Корнелий.

Он не вставал с земли и сидел, скрестив ноги по-турецки.

– Можно спросить, что именно тебя заинтересовало? – с досадой спросил Эссиорх.

Он ушиб колено и теперь задумчиво сгибал и разгибал ногу, проверяя, насколько работоспособна вся эта конструкция.

– Ну как? Когда взрывается бомба, взрывная волна раскидывает всех в сторону, противоположную центру взрыва. Так? А когда выходит из себя Прасковья, все происходит строго наоборот. Всех сгребает в одну кучу. Эффект пылесоса, я бы сказал. Это потому, что мрак – пустота, да?

Корнелий задумался, пальцами бережно сняв с языка песчинку.

– Я вот что думаю: может, рискнуть взять у нее телефончик? Ну не сейчас, а вообще когда-нибудь? – продолжал он.

Эссиорх посмотрел на него через плечо и сразу отвернулся.

– У тебя все в роду были нормальные? – спросил он.

– Это такой вежливый наезд на моего дядю? Хорошо, я спрошу у него в письме, если это тебя так волнует, – невинно удивился Корнелий.

К Мефу, успевшему уже понять, подошел Арей. То, что вокруг были одни златокрылые, смущало его мало. Светлые никогда не нападают без предупреждения или со спины. В этом их слабость и одновременно – истинная и бессмертная сила.

– Ты все же жив, синьор помидор! Ну-ну... Признаться, я доволен, – сказал он, ухмыляясь.

– И что вы думаете? Как я сражался? – спросил Меф.

Он уже слегка отдышался и теперь горел желанием услышать хоть какую-то похвалу.

– Тебе как: врать или не врать? – уточнил Арей.

Мефу поневоле пришлось выбрать второе, хотя самолюбие и склонялось больше к первому.

– Как старая бабулька, которая размахивает газетой, пытаясь подшибить на лету муху! Большого позорища я давно не видел. Хотя Гонзий, если разобраться, дрался еще позорнее. У вас был не бой, а разборка двух подвыпивших инвалидов в подземном переходе!

Меф улыбнулся. Что ни говори, а образы Арей создавать умеет. Ему и самому теперь казалось, что дрался он плохо. Конечно, зуб зубом, но если бы не помощь валькирий, финал был бы очевиден.

– В общем, если хочешь не растерять то копеечное дарование, которое, возможно, у тебя имеется, приходи. Будем прорабатывать детали. Защита и атака должны следовать одним слитным движением, а не двумя отдельными конвульсиями в стиле «ой, мама, горячий уютю!». Понял? Не обиделся?

– Не обиделся, – сказал Меф.

Взгляд Арея потеплел примерно на две стотысячных градуса. Это максимум, чего можно ожидать от того, кто служит мраку.

– Счастливо! И ты не скучай, светлая! И, умоляю, не смотри на меня, как овечка на серого волка! У меня от этого изжога!

Арей небрежно кивнул в пространство между Дафной и Мефом и, требовательно оглянувшись на Улиту, исчез. Несколько мгновений спустя исчезла и его секретарша.

И только тогда тесный строй златокрылых, прикрывавший четырехугольник у турников и горки, раздвинулся. В этом монолитном движении Меф уловил некое невысказанное доверие и одобрение. Он был еще не свой, но уже в чем-то немного свой.

– Давай попробуем еще раз! – сказала Даф.

Она прошла между златокрылыми, коротко оглянулась на Мефа и трепетно, даже словно нерешительно, поставила ногу, как показалось Буслаеву, на пустоту.

Затем сделала шаг и оказалась на высоте примерно полуметра от земли. Сделала еще шаг и поднялась выше. Мефу чудилось, что она висит в воздухе, хотя по тому, как Даф поднимала колено, очевидно было, что она поднимается по лестнице.

В движениях Дафны по-прежнему сохранялась все та же трепетность. Нет, не внешняя осторожность, которая заставляет человека бережно шагать по чему-то хрупкому или пугливо брать хрустальный, с тонкой ножкой бокал, но трепетность сердечная, истинная, проявляющаяся в отношении к тому, что он делает.

Постояв недолго на второй ступеньке, Дафна спустилась.

– Ты видел? – спросила она тихо.

– Как ты поднималась, да.

– И больше ничего? Саму лестницу?

Меф безнадежно оглянулся в пустоту и мотнул головой. Дафна грустно сгорбилась, но тотчас с надеждой вскинула голову.

– погоди, я, кажется, понимаю. Ты чем смотрел? – вдруг спросила она.

– Чем-чем? Пятками! – с досадой брякнул Меф.

Именно брякнул, но по лицу Дафны увидел, что слово получилось достаточно точным. Более того: оно в большей степени отражало суть, если бы он сказал «глазами». Это только людям кажется, что слово может лгать. Лгать может человек. Или думать, что лжет.

Истинное же слово всегда правдиво, из каких бы уст, с какими внутренними побуждениями и с какой целью бы ни исходило. Даже от злейшего врага порой услышишь такую зоркую и точную правду, которой не скажут и десять искренних друзей. Возможно, человеку кажется, что он тебя обижает, на деле же невольно вонзает скальпель, чтобы исправить и сделать лучше.

– Ты действительно не тем смотришь. Не глазами! Посмотри на нее всем сердцем, всем существом. Попробай полюбить, – сказала Даф.

Меф засопел. Любить лестницу у него не получалось. Более того, он даже где-то считал это шизой. Взглянув на него, Даф легко догадалась, в чем тут дело.

– Лестницу как раз и не надо стараться любить! Не в лестнице тут дело. Полюби свет! Потянись к нему сердцем, и тогда откроется путь. Когда видишь конечную цель, появляется и путь. А когда не видишь конечной цели или хотя бы приблизительно не чувствуешь, где она, то и пути нет. Есть только метания.

Однако и с этим у Мефа возникли сложности. Ему сложно было сосредоточиться и полюбить свет, когда рядом сияющим зигзагом стояли златокрылые, толпились валькирии, переминался с ноги на ногу Корнелий и участливо, точно военкоматовский психиатр, взирал на него Эссиорх.

– Дафна! – негромко сказал Эссиорх, потянув ее за руку. – Может, не будем его заставлять любить так уж сразу и из-под палки? А то еще напугаем! Давай уж лучше как-нибудь постепенно. А то стоит человек с подбитым глазом, потный, только что отвоевавший у мрака свою чапаевскую шашку, а ты ему: давай живо люби свет! Так с ходу не получится.

Дафна грустно кивнула. Она прекрасно понимала, что Эссиорх прав. Любовь

зарождается постепенно. Прорастает из незримого семени как слабый росток, который лишь спустя много месяцев, а чаще лет, становится деревом. Наивно ожидать, что дерево появится само собой и сразу. Если бы и появилось, то не пустило бы корней и не прижилось. Лучше трезво, спокойно и терпеливо поливать проклюнувшееся семя хорошими делами и мыслями, остальное предоставив тому, кто проращивает в этом мире все ростки.

Дафна посмотрела на печального Мефа, убедилась, что лицо его действительно потеряло симметрию от удара наверху, и улыбнулась.

– Расслабься! Отставить любить свет прямо сейчас! – сказала она задорно. – Можешь начать с какого-нибудь простого доброго дела! Сними моего кота вон оттуда! А то он явно собирается совершить кражу чужого имущества путем его торопливого пожирания!

Меф вскинул голову, посмотрел вдоль Большого проспекта и на высоте третьего этажа увидел Депресняка, который подбирался к куску ветчины, который некий деятель вывесил в прозрачном пакете за окно. Сложно сказать, что послужило мотивом такому поступку. Может, холодильник был сломан.

Но главное тут не это. Главное, что Меф впервые видел кота, который карабкался по отвесной каменной стене, вонзая в нее когти с такой легкостью, точно она была из сливочного масла.